

# Генрих Шлиман

## Илион. Город и страна троянцев. Том 1

*Текст предоставлен издательством  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=619025](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619025)  
Илион. Город и страна троянцев. Том 1: Центрполиграф; Москва; 2009  
ISBN 978-5-9524-4574-1*

### **Аннотация**

Великая мечта, ставшая смыслом жизни, долгим и кружным путем вела Генриха Шлимана, немецкого коммерсанта, путешественника и прославившегося необыкновенными открытиями археолога-любителя, к легендарному Илиону. Ознакомившись с подробнейшим отчетом о раскопках, проведенных Шлиманом в толще холма Гиссарлык, Микенах и Тиринфе, не только специалисты-археологи, но и все интересующиеся историей смогут оценить вклад в мировую науку знаменитого энтузиаста, общепризнанного «дилетанта» и всемирно известного исследователя древнегреческих древностей, посвятившего более десяти лет поискам и раскопкам «града Приама». Особую ценность книге придает обширный иллюстративный материал и автобиография автора, сотворившего легенду о самом себе. Данная работа переведена на русский язык впервые, что делает это издание уникальным.

## Содержание

Легенда о докторе Шлимане	4
Предисловие	16
Введение	23
§ I. Детство и коммерческая деятельность: с 1822 до 1866 года	23
§ II. Первые посещения Итаки, Пелопоннеса и Трои: 1868, 1870	37
§ III. Первый год работы в Гиссарлыке: 1871	40
§ IV. Второй год работы в Гиссарлыке: 1872	41
§ V. Третий год работы в Гиссарлыке: 1873	46
§ VI. Перерыв в работе в Трое: раскопки в Микенах: 1874–1877	62
§ VII. Исследование Итаки: 1878	64
§ VIII. Четвертый год работы в Трое: 1878	69
§ IX. Пятый год работы в Трое и курганы героев, а также исследование Трояды: 1879	71
Глава I	83
§ I. Протяженность страны троянцев. Трояда (ή Τροάς, то есть γη)	83
§ II. Горы Трояды	85
§ III. Реки Трояды	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

# Генрих Шлиман

## Илион. Город и страна троянцев

### Том первый

#### Легенда о докторе Шлимане

Пожалуй, нет в истории науки более спорной и загадочной фигуры, чем Генрих Шлиман. Имя этого человека неразрывно связано с открытием легендарной Трои, хотя до сих пор среди историков не кончаются споры, что же раскопал Шлиман и какое отношение к гомеровской Трое имеет обнаруженное городище. В принципе такое положение, связанное с периодической ревизией достижений предшествующих исследователей, является нормой для науки. Уникальным представляется другой факт: со временем не иссякает интерес исследователей к автору раскопок Трои. То, что при жизни Шлимана о нем писали достаточно много, не в последнюю очередь объясняется тем, что он сам активно рекламировал свою личность. Но что же привлекает внимание к Шлиману современных специалистов? Что не дает им возможности успокоиться и сказать: мы знаем о нем уже практически все?

Во-первых, еще не все документы Шлимана введены в научный оборот. Шлиман как будто специально для будущих исследователей оставил огромный архив. В библиотеке Геннадия при Американском институте классической филологии в Афинах хранится более 60 тысяч писем, дневники и другие документы на немецком, английском, французском, греческом, русском и других языках. Во-вторых, соприкосновение с обстоятельствами жизни Шлимана не оставляет никого из исследователей равнодушным. Одни проникаются глубокой симпатией к действительно яркой личности Шлимана и в целом принимают на веру ту легенду, которую создал при жизни о себе сам Шлиман. Другие, находя в документах многочисленные противоречия этой легенде и ощущая внутреннее сопротивление, стремятся эту легенду опровергнуть.

Но в чем же суть «легенды о докторе Шлимане»?

Практически в каждом исследовании о Шлимане присутствует эпизод, восходящий к его собственному рассказу из «Автобиографии». Когда Генриху Шлиману было почти восемь лет, отец подарил ему на Рождество книгу Георга Людвиг Эррера «Всемирная история для детей». На одной из иллюстраций книги были изображены высокие стены горящей Трои и герой Эней, выносящий из города своего отца Анхиза. «Папа, – сказал маленький Генрих, – вероятно, Эррер видел Трою, иначе как бы он смог ее нарисовать?» – «Мой сын, – ответил отец, – это всего лишь выдуманная картинка». Тогда Генрих предположил: «Отец, но если у настоящей Трои были такие же мощные стены, как они изображены на рисунке, то они не могли исчезнуть бесследно и их развалины должны где-то сохраниться, несмотря на прошедшие столетия». И с этого момента мечта найти Трою стала основным смыслом жизни Генриха Шлимана. Ради этого он прошел все тяготы суровой юности, добился выдающегося материального достатка, упорно занимался самообразованием и стал ученым, заслуженно получившим докторскую степень, и наконец, соединив свои деньги и знания, осуществил цель всей жизни – нашел и раскопал легендарную Трою! Жизнь Шлимана – пример верности детской мечте, сам Шлиман – одна из самых романтических личностей XIX века!

Так ли это? И что же мы действительно знаем о жизни доктора Шлимана?

Генрих Шлиман родился 6 января 1822 года в маленьком немецком городке Нойбукове, близ Висмара, расположенного на территории тогдашнего Мекленбург-Шверинского герцогства, в семье местного протестантского священника Эрнеста Шлимана. Генрих был

пятым ребенком, а всего в их семье было девять детей (двое из них умерли в детстве). В 1823 году семья переселилась в Анкерсхаген, окруженный бесчисленными болотами и озерами, где в марте 1831 года в возрасте тридцати шести лет умерла мать Генриха – Луиза Тереза Софья, урожденная Бюргер.

Вскоре у Эрнеста Шлимана начались осложнения на службе, и он отослал детей к своим многочисленным родственникам. Генриха принял к себе его дядя Фридрих из Калькхорста. Сначала Генрих три месяца посещал гимназию в Ной-Штрелице, но потом, поскольку отец не смог оплачивать его обучение, был вынужден перейти в реальную школу. Надо отметить, что в школе Генрих явно не блистал успехами, даже в изучении языков, к которым, как оказалось позднее, он имел феноменальные способности.

В тринадцать лет детство Генриха окончилось. Он переехал в город Фюрстенберг и поступил на работу в качестве ученика приказчика в лавку Эрнеста Людвиг Хольца. Там он провел долгие пять с половиной лет, работая с пяти часов утра до одиннадцати вечера. Возможно, именно эти годы стали решающими в жизни Шлимана. Во-первых, он приобрел бесценный опыт торговли, который совершенствовал все последующие годы. Во-вторых, именно в это время перед Шлиманом встал важный вопрос: как строить свою дальнейшую жизнь. Либо смириться с теперешним образом жизни, со временем стать приказчиком, а если повезет, выгодно жениться, стать хозяином собственной лавочки и в конце концов превратиться в добропорядочного бюргера какого-либо небольшого немецкого городка. Либо постараться добиться большего и, прежде всего, стать материально независимым. Судя по всему, память о бедном, зависимом положении в годы отрочества долгое время была важнейшим стимулом его дальнейшей предпринимательской деятельности.

В девятнадцать лет он перебрался в Росток, где достаточно быстро освоил основы бухгалтерского дела, а также получил от отца причитающуюся ему долю материнского наследства – тридцать талеров. С этим багажом Шлиман отправился в Гамбург, где, как он верил, должна была начаться его успешная карьера. Однако поиски работы были безрезультатными, поэтому Шлиман с радостью принял предложение от одной фирмы отправиться в качестве ее представителя в городок Ла-Гуайра в Венесуэле.

28 ноября 1841 года судно «Доротея», на борту которого находился Шлиман, отплыло в Южную Америку. Через несколько дней корабль потерпел крушение у северных берегов Голландии. Спасшийся Шлиман оказался в госпитале, он больше не хочет продолжать путь в Америку, но и не желает возвращаться в Германию. Он будет жить в Амстердаме, в одном из крупнейших торговых городов Европы. Здесь он смог устроиться в торговую контору Квина. И именно в это время ему в голову приходит блестящая мысль: чтобы сделать карьеру в торговом деле, необходимо знать иностранные языки. Они могли дать ему преимущество при устройстве на работу в престижную фирму, имеющую активные контакты с зарубежными партнерами.

Действительно, в дальнейшем знание многих иностранных языков помогло Шлиману в общении с торговыми партнерами из разных стран, а также позволило быть в курсе всех событий, происходящих в мире, и вовремя принимать решения, связанные с коммерческой деятельностью. С помощью изобретенного им самим метода Шлиман за два с половиной года освоил голландский, английский и французский языки, а затем еще испанский, итальянский и португальский. Покинув контору Квина, в марте 1844 года Шлиман смог устроиться на работу бухгалтером в экспортно-импортную фирму «Шредер и К<sup>о</sup>».

Поскольку данная фирма вела дела также и в России, Шлиман счел необходимым выучить русский язык. Именно это обстоятельство и привело двадцатичетырехлетнего Шлимана в январе 1846 года в Санкт-Петербург. Прибыл он в Россию в качестве поверенного фирмы «Шредер и К<sup>о</sup>», но уже через год стал самостоятельным торговцем. 15 февраля 1847

года Шлиман был принят в российское подданство, а 19 февраля был записан во 2-ю купеческую гильдию (в 1854 году стал купцом 1-й гильдии).

Благодаря в основном успешной торговле индиго Шлиман к концу 40-х годов стал уже очень состоятельным человеком. Еще больше он увеличил свой капитал в Северной Америке, куда отправился в 1850 году, чтобы уладить дела своего умершего брата Людвига. Полтора года он находился в Калифорнии, где как раз наступила эпоха «золотой лихорадки». Шлиман основал банк по операциям с золотом, который приносил значительную прибыль. В отличие от других участников «игр» с золотом он смог вовремя остановиться и в 1852 году вернулся в Россию. В следующем году началась Крымская война, и торговые операции Шлимана, особенно по снабжению русской армии необходимыми материалами, сделали его одним из самых богатых коммерсантов России. Причем следует заметить, что Шлиман добился этого результата прежде всего за счет колоссального трудолюбия, скрупулезного знания секретов торговли и жесткой манеры ведения дел. Конечно, Генриха Шлимана можно с полным правом назвать «человеком, который сделал себя сам», причем честным путем, поскольку в России в XIX веке еще даже не знали таких слов, как «ваучеризация» и «залоговые аукционы».

Создав прочную материальную базу своего существования, Шлиман решил обзавестись семьей. 12 октября 1852 года он вступил в брак с Екатериной Петровной Лыжиной, дочерью петербургского адвоката Петра Александровича Лыжина. Екатерина была на четыре года моложе Генриха, в свое время окончила очень престижную петербургскую Петришуле. Один ее брат, Николай, был историком, приват-доцентом Петербургского университета, другой, Павел, адвокатом. Екатерина была племянницей очень состоятельного купца 2-й гильдии Сергея Афанасьевича Живаго, который, как считают, и познакомил Шлимана со своей родственницей. В этом браке у Шлимана родились трое детей: в 1855 году – Сергей, в 1859 году – Наталья (умерла в 1869-м), в 1861 году – Надежда.

Однако в самый разгар своих коммерческих успехов Шлиман стал ощущать недостаточность, некую неполноценность своей жизни. Он знал, что может заработать еще много денег, но они теперь не приносили ему прежнего удовлетворения. Уже в 1853 году Шлиман писал, что выбранные профессия и условия жизни «погубят его как физически, так и морально». Он с упоением продолжал изучать языки и к концу 1856 года знал пятнадцать языков. В одном из писем Шлимана к своей тетке есть такие слова: «Моя непостижимая страсть к языкам, что мучит меня день и ночь и постоянно уговаривает уберечь свое достоинство от превратностей торговли и... всецело посвятить себя наукам, ведет сейчас кровавый, беспощадный бой с двумя другими моими страстями: скупостью и жадностью – и, к сожалению, терпит поражение, а две последние победоносные страсти ежедневно увеличивают размах своих дел». В бумагах Шлимана того времени есть и такая фраза: «По моему внутреннему убеждению, истинное счастье не в деньгах, но в душевном покое и внутреннем самоудовлетворении...»

В начале 1856 года Шлиман начал учить новогреческий язык, а позже древнегреческий и латынь (знания которой в его школьные годы были признаны неудовлетворительными). Именно тогда он основательно познакомился с поэмами Гомера, которые были (и остаются поныне) основными текстами при изучении древнегреческого языка. В дальнейшем Шлиман мог цитировать на память огромные отрывки из «Илиады» и «Одиссеи». Его жена, Екатерина Шлиман, вероятно, не понимала смысла его занятий: «Мне кажется, Ты очень ошибаешься, если Ты думаешь, что будешь в состоянии заниматься наукой как ученый. К этому нужно рано привыкнуть» (письмо от 21 апреля 1856 года). В другом послании мужу спустя два года она писала: «Прощай, мой друг, будь здоров и не привози с собой Гомера, чтобы мы могли с Тобой побольше погулять».

Шлиман много раз совершал зарубежные поездки по коммерческим делам, но с ноября 1858 по июль 1859 года он отправился в путешествие с чисто познавательной целью. Проехав через ряд европейских стран, Шлиман прибыл в Египет (где начал изучать арабский язык), затем посетил Иерусалим, Петру, Бейрут, Дамаск и через Смирну в Малой Азии оказался в Афинах. Дела заставили его вернуться в Петербург, но с тех пор перемены в жизни были только вопросом времени.

Шлиман ликвидировал свое торговое дело в Петербурге и 8 апреля 1864 года вышел из состава 1-й петербургской купеческой гильдии. В 1864 году Шлиман отправляется в кругосветное путешествие, которое продолжалось два года. За это время, выехав из Ахена, он посетил Тунис (где побродил по развалинам Карфагена), опять побывал в Египте, затем достиг Индии, объездил многие ее города и добрался до острова Цейлон и Гималайских гор. Из Индии через Сингапур, остров Ява и Сайгон Шлиман весной 1865 года прибыл в Китай (где наиболее сильные впечатления были связаны с посещением Великой Китайской стены), а затем из Шанхая на пароходе переправился в Японию, где он почти месяц знакомился с необычным образом жизни местных жителей. Возвращался в Европу Шлиман через Америку. Пока тихоходный корабль вез его в Сан-Франциско, он записывал впечатления от своего путешествия по Китаю и Японии. В следующем году эти записки под названием «Китай и Япония в настоящее время» будут опубликованы на французском языке. Эта книга станет первой из десяти работ, написанных Шлиманом.

Вероятно, уже во время своего путешествия Шлиман принял решение переехать вместе с семьей из Петербурга в Париж. В начале 1866 года он купил в Париже дом и записался слушателем Сорбонны. В то время ему было уже сорок четыре года, и он очень остро ощущал недостаток систематического образования. Ранее значительная часть состояния Шлимана была размещена в государственных бумагах Российской империи; теперь же он продал их и осенью 1866 года за сумму 600 тысяч рублей приобрел четыре доходных дома в Париже. Тогда же Шлиман подыскал в Дрездене частную школу, в которой должен был обучаться его сын Сергей. Однако неожиданно столь продуманные планы натолкнулись на упорное сопротивление Екатерины Шлиман, которая не собиралась вместе с детьми покидать Россию.

В январе 1867 года Шлиман подал прошение об «увольнении из русского подданства», но еще два года он будет писать то миролюбивые, то грозные письма жене, уговаривая ее переехать в Европу. Наконец в марте 1869 года Шлиман, используя не очень корректные методы, добился получения американского гражданства в штате Индиана и в соответствии с американскими законами развелся с Екатериной Шлиман. В сентябре того же года во время своего приезда в Афины Генрих Шлиман женился во второй раз, на молодой гречанке Софии Энгастроменос, которая была прекрасна, благовоспитанна и молода, моложе своего мужа на тридцать лет. Однако следует признать, что этот брак для Шлимана оказался удачным. София родила двух детей, получивших звучные имена героев греческой мифологии: Андромаха (родилась в 1871 году) и Агамемнон (в 1878 году). После смерти Шлимана София очень много сделала для увековечения заслуг своего мужа.

Однако 1866–1869 годы знаменательны не только потрясениями в личной жизни Шлимана. Именно в это время логика жизненного пути приведет его к подножию холма, раскопки которого сделают имя Шлимана известным всему образованному миру. Хотя «путь к Трое» отнюдь не был простым. Точнее, следует признать, что все предыдущие годы Шлиман вообще не искал Трои: в документах того периода нет никаких упоминаний об этом вопросе. Можно сказать, что Шлиман «споткнулся о Троию» во время очередного путешествия.

Весной 1868 года Шлиман отправился в поездку, которая должна была проходить по районам «классических древностей». Начал он с Италии, посетив античные руины великого Рима, а затем Неаполь, рядом с которым находятся знаменитые Помпеи. Через Сицилию Шлиман переправился на греческий остров Корфу, а оттуда на остров Итаку. Этот неболь-

шой островок был прославлен Гомером как родина Одиссея и именно в этом качестве был интересен Шлиману. За те девять дней, которые он провел на этом острове, Шлиман из простого любопытствующего путешественника превратился в настоящего исследователя. Именно здесь, а не на земле Трояды он провел свои первые археологические раскопки: он искал дом Одиссея, который так подробно был описан Гомером. И конечно, не нашел его. Затем Шлиман пересек полуостров Пелопоннес, посетив развалины Микен и Тиринфа (известные также из поэм Гомера) и не зная, что судьба вновь вернет его в эти места, чтобы раскопать важнейшие центры микенской цивилизации.

В первой половине августа Шлиман прибыл в Троаду на северо-западе Малой Азии для осмотра остатков Трои. Дело в том, что, хотя спор о местонахождении Трои имел очень длительную историю, к концу 60-х годов XIX века официальная наука пришла к выводу, что этот древний город находился на возвышенности Бали-Даг близ селения Бунарбаши (или Пунарбаши) в 10 километрах от побережья Эгейского моря. Именно эти «официальные» развалины осмотрел Шлиман и собирался спокойно отбыть в Стамбул, но опоздал на корабль. И в этот момент произошла его судьбоносная встреча с Фрэнком Калвертом.

Фрэнк Калверт был англичанином, выполнял обязанности британского, а затем и американского консула в Дарданеллах; он родился и вырос в этих местах и был блестящим знатоком местных древностей. Калверт считал, что руины Трои следует искать в толще холма Гиссарлык (что с турецкого языка переводится как Малый замок), расположенного в 4,5 километра от берега в долине современных рек Мендерес и Дюмрек. Необходимо отметить, что еще до Калверта некоторые исследователи также предлагали искать Трою именно здесь. Например, так думали еще в 1768 году барон Йоган Германн, в 1801 году Эдвард Дэниел Кларк и Джон Мартин. В 1863 году шотландец Чарльз Макларен издал книгу «Описание плана Трои», в которой помещал остатки города на холме Гиссарлык.

Фрэнк Калверт купил северную часть этого холма и в 1865 году провел первые раскопки. Опыт показал, насколько сложным и дорогостоящим мероприятием является изучение данного объекта. Случай свел Фрэнка Калверта с Генрихом Шлиманом, которого он пригласил к себе домой в Чанаккале. Именно Калверт объяснил богатому немецкому предпринимателю, насколько перспективными будут раскопки Гиссарлыка. Надо отдать должное Шлиману, он очень быстро оценил ситуацию. В этот день, 15 августа 1868 года, родилась «мечта о Трое»! Шлиман поверил, что под толщей напластований Гиссарлыка именно он откроет настоящую Трою и это деяние принесет ему заслуженную славу и признание всего научного мира! Он получит то, что нельзя было купить ни за какие деньги.

По итогам своего путешествия в Грецию Шлиман в следующем году издал книгу на французском языке «Итака, Пелопоннес и Троя», где, в частности, утверждал, что еще в 1866 году предполагал нахождение Трои под холмом Гиссарлык. Однако следует обратить внимание, что название этого холма впервые было упомянуто в его дневнике только за день до его встречи с Калвертом. Этот пример является характерным для понимания тех средств, с помощью которых Шлиман в течение всей жизни создавал «легенду о докторе Шлимане».

Кстати, в 1868 году Шлиман еще не был доктором, и он прекрасно понимал, что ученые мужи сотрут в порошок неизвестно откуда взявшегося самозванца, не имеющего научного авторитета. История получения ученой степени является одним из самых темных эпизодов в жизни Шлимана. 12 марта 1869 года он направил на философский факультет Ростокского университета просьбу рассмотреть вопрос о присуждении ему степени доктора философских наук на основании присланных материалов. Этими материалами были две опубликованные им книги («Китай и Япония в настоящее время» и «Итака, Пелопоннес и Троя») и два экземпляра автобиографии (на латинском и древнегреческом языках).

Восемь ученых мужей буквально за несколько дней успели ознакомиться с этими трудами и написать положительные отзывы. 27 апреля Генриху Шлиману была присвоена иско-

мая степень доктора философских наук. Правда, все эти события происходили в отсутствие самого соискателя, который в это время в Америке решал вопросы, связанные с получением американского гражданства и с расторжением первого брака.

Итак, все было готово к началу раскопок Трои. В 1870 году Шлиман переезжает вместе с Софией из Парижа в Афины, чтобы быть поближе к месту будущей работы. Позднее, в 1878–1879 годах, известный немецкий архитектор Эрнст Циллер, который украсил своими зданиями столицу Греции, в центре Афин на улице Панэпистимиу построил для Шлимана небольшой дворец в стиле итальянского Ренессанса. В этом дворце, который носит название Илиу Мелатрон, жил Шлиман со своей семьей, здесь же размещались его археологические находки. С 90-х годов XX века в этом здании располагается Нумизматический музей. Кстати, именно в этот музей, который тогда находился в другом месте, София Шлиман передала в 1928 году нумизматическую коллекцию мужа.

Шлиман подал прошение властям Османской империи с просьбой разрешить раскопки на холме Гиссарлык. Однако турецкая бюрократическая машина работала очень медленно. В 1870 году Шлиман провел небольшие, по сути нелегальные, раскопки на холме. И только 12 августа 1871 года Шлиман получил фирман на ведение изысканий, причем в соответствии с текстом этого документа половину своих находок он должен был передавать в новый археологический музей в Стамбуле.

Первый этап раскопок на Гиссарлыке начался 11 октября 1871 года и завершился 17 июня 1873 года. Шлиман нанял около сотни рабочих, проживавших в соседних деревнях греков и турок, и стал прокапывать огромную траншею прямо по центру холма, стремясь как можно быстрее дойти до его основания, где, по предположению Шлимана, и должны были находиться остатки «гомеровской» Трои. Именно эти три раскопочных сезона и нанесли археологическому памятнику непоправимый ущерб, за что последующие поколения археологов справедливо продолжают упрекать Шлимана. За Шлиманом прочно закрепилось определение «одиночки и дилетанта в науке».

Надо отметить, что Шлиман действительно не имел специального археологического образования, но не следует забывать, что в его время получить такое образование было нелегко. Опыт к археологам XIX века приходил только в ходе их собственной раскопочной работы, знания добывались путем проб и ошибок. Конечно, приступая к раскопкам, Генрих Шлиман проявил потрясающую самоуверенность. Имея четкую цель – найти Трою Гомера, он, судя по всему, представлял себе раскопки как «расчистку» легендарного города от «малоценных» более поздних слоев. Такой подход у него возник, скорее всего, в результате посещения знаменитых раскопок в Помпеях, где усилиями археологов удалялся многометровый слой пепла и лавы, которые погребли римский город во время извержения Везувия в 79 году. Кроме того, Шлиман дважды посещал Египет, где видел прекрасные архитектурные памятники, освобожденные от огромных песчаных наносов. Следует еще раз подчеркнуть, что в начале раскопок Шлиман отнюдь не собирался археологически исследовать историю данного поселения, он искал лишь то, что хотел найти.

К сожалению, такое отношение к археологическим памятникам в XIX и начале XX века встречалось не только у Шлимана. Еще в конце 20-х годов XX века выдающийся русский ученый М.И. Ростовцев сетовал, что во время раскопок в Египте археологи практически не интересуются слоями греко-римского периода. Накопленный опыт работы уже в 1873 году заставил Шлимана критически оценить полученные результаты. В последний день раскопок он писал: «Из-за моей прежней ошибочной идеи, что Троя должна находиться на материке и поблизости от него, в 1871 и 1872 годах мною была, к сожалению, разрушена большая часть города...»

Археологи также справедливо упрекают Шлимана за его ориентацию на поиски артефактов и недостаточное внимание к археологическому контексту, в котором были сделаны

находки. Однако следует заметить, что действия Шлимана в целом соответствовали методике археологических исследований XIX – начала XX века. Даже классические раскопки немецкой археологической экспедиции в Ашшуре под руководством А. Андрэ, которые были осуществлены в 1903–1914 годах, сохраняли эти недостатки.

Еще в конце 20-х годов XX века на начальном этапе знаменитых раскопок Дура-Европос, проводимых совместной экспедицией Йельского университета и Французской академии надписей и изящной словесности (1928–1937), также ощущалось недостаточное внимание к вопросам стратиграфии находок. Однако Шлиман уже с 1872 года начал привлекать к работам на раскопе геодезистов, рисовальщиков и фотографов. Тогда же французский ученый Эмиль Бюрнуф убедил Шлимана в необходимости фиксировать глубину, на которой были сделаны находки. С 1882 года по приглашению Шлимана на раскопках Гиссарлыка начал работать архитектор Вильгельм Дёрпфельд, который много сделал для изучения и реконструкции архитектурной планировки разных исторических периодов и значительно уточнил стратиграфию археологических слоев.

Также хотелось бы отметить еще два позитивных момента в работе Шлимана. Первое – это оперативная и очень полная публикация результатов раскопок (что и в наши дни встречается не так часто). Тем самым Шлиман предоставлял возможность использовать полученные им материалы всем заинтересованным специалистам. Второе – очень продуманная организация работы. Любые археологические раскопки, связанные с привлечением большого количества рабочих, требуют решения многих вопросов: определение численности отрядов, производящих те или иные работы, система контроля над рабочими, организация питания, обеспечение необходимыми инструментами, надзор по безопасности работ и многое другое. Но главное, без чего не может функционировать ни одна археологическая экспедиция, – это финансирование.

Обычно вопросы финансирования решаются теми или иными государственными органами: чиновники решают, стоит ли тратить средства на «причуды» ученых (хотя следует заметить, что в европейских государствах в XIX веке пополнение музейных собраний предметами, найденными во время археологических раскопок, считалось очень престижным делом). В этом отношении раскопки Шлимана почти уникальны: для проведения археологических работ он тратил только свои деньги. Он никогда ни перед кем не унижался, он ничего ни у кого не просил! Причем при организации финансирования своих работ Шлиману очень пригодился многолетний опыт коммерсанта: он упорно торговался по любому финансовому вопросу и всегда добивался оптимального результата.

Еще одним достижением Шлимана можно считать изучение массового керамического материала, который в его время обычно не привлекал внимание археологов. В свободное от раскопок время Шлиман настойчиво занимался поиском аналогий для своих находок (прежде всего керамических) с целью определения датировки; он это делал либо изучая музейные коллекции в Европе, либо просматривая публикации в научных изданиях. Шлиман консультировался у разных специалистов для получения исчерпывающей информации, касающейся тех или иных находок. Например, биологические и антропологические объекты были исследованы знаменитым немецким профессором медицины и другом Шлимана Рудольфом Вирховом. Заключение о технологии изготовления керамики из самых нижних слоев поселения подготовил профессор химии Ландерер из Афин. Профессор химии Раммельсберг из Берлина провел анализ образцов нескольких бронзовых предметов, найденных в Трое. В силу своих возможностей Шлиман старался работать с эпиграфическим и нумизматическим материалом.

Забегая вперед, следует отметить, что раскопки Шлимана и даже его заблуждения относительно «града Приама» дали толчок не только развитию классической археологии. Они стимулировали необходимость нового обращения к поэмам Гомера, выявления специ-

фики отражения реальной жизни в таком жанре, как героический эпос, соотнесения литературного текста и археологического материала.

От начала работ на Гиссарлыке до сезона археологических раскопок в Трое 1882 года, о котором рассказывает эта книга Шлимана, прошло более десяти лет. К этому моменту за плечами Шлимана были уже не только первые три года работы в Трое (1871–1873), но и блестящие раскопки в Микенах (1876), где он открыл шахтовые гробницы с изумительными по красоте произведениями ювелирного искусства (включая знаменитые золотые маски). Осенью 1878 и весной 1879 года Шлиман провел новые раскопки на Гиссарлыке; в 1880 году он организовал раскопки Орхомена в Беотии. И наконец, в 1882 году Шлиман опять возвращается на Гиссарлык.

Вынужденный перерыв в раскопках на Гиссарлыке (1874–1877) был связан со знаменитой находкой Шлимана – так называемым «кладом Приама». История этой находки является одним из самых впечатляющих эпизодов «легенды о докторе Шлимане», и его (вслед за самим Шлиманом) воспроизводят многие авторы, писавшие об этом человеке. История, рассказанная Шлиманом, такова. В один из последних дней раскопочного сезона в июне 1873 года внимание Шлимана привлек обнажившийся у подножия мощной стены медный предмет странной формы. Объявив рабочим перерыв на завтрак, чтобы подальше удалить их от этого места, Шлиман осторожно стал расчищать находку ножом. В открытой им нише оказался комплекс предметов из золота, серебра и электра: сосуды, две изумительные диадемы, бусы, браслеты, серьги и височные кольца (всего 8830 предметов). Аккуратно собрав сокровище, с помощью жены Шлиман перенес находку в дом, располагавшийся рядом с раскопками. Через несколько дней клад тайком перевезли в Афины и по частям спрятали у родственников Софии. Когда сокровища таким образом были спасены (от турецких властей), Шлиман сообщил в газеты сенсационную новость: им найдено главное подтверждение своей правоты – клад, принадлежавший легендарному царю Трои Приаму! А кому же еще могли принадлежать эти бесценные предметы?!

До этого момента раскопки на Гиссарлыке интересовали (да и то достаточно мало) только некоторых историков. Найдка «клада Приама» сделала имя Шлимана известным во всех странах Европы. Правда, как показало изучение документов самого Шлимана, реальные обстоятельства этого открытия были несколько иными, чем те, о которых так романтично рассказывал сам автор.

Во-первых, клад был обнаружен, скорее всего, еще в конце мая, и Шлиман изменил дату, чтобы ввести в заблуждение турецкие власти в вопросе обстоятельств нелегального вывоза сокровищ.

Во-вторых, исчезает эпизод трогательного участия в обнаружении этого клада жены Шлимана Софии. Как доказывают письма, в это время она находилась в Афинах. Но Шлиману очень хотелось, чтобы и ее имя было увековечено участием в этом эпохальном открытии. И он придумал этот один из самых романтических моментов «легенды о докторе Шлимане». Ведь в этом суть «легенды»: если действительность не соответствовала желанию Шлимана, рассказ Шлимана о ней «исправлял» несовершенство этой действительности.

В-третьих, перевез в Афины найденные предметы Фредерик Калверт, брат Фрэнка Калверта; в Афинах они были помещены в банк. В-четвертых (и это главное), клад не мог принадлежать легендарному Приаму, поскольку был найден в археологических слоях на тысячу лет более ранних, чем эпоха Троянской войны. Но этот вопрос касается заблуждений Шлимана в отношении датировки открытых им археологических периодов Трои.

Когда сообщения в европейской прессе о находке клада стали известны в Турции, Шлиману был предъявлен иск по поводу незаконного присвоения сокровищ. Именно невозможность в это время продолжать раскопки на Гиссарлыке стимулировала его интерес к исследованию Микен, где Шлиман сделал свои блестящие открытия. Раскопки 1876 года в Микенах

и более поздние раскопки в Тиринфе (1884–1885), по сути дела, открыли для науки древнейший период греческой истории – период микенской (или ахейской) цивилизации. Тем временем Шлиман проиграл турецким властям судебный процесс и был приговорен к штрафу в 10 тысяч франков. Он добровольно выплатил 50 тысяч франков и получил в свое распоряжение найденные сокровища, а также возможность продолжить работы на Гиссарлыке.

После сенсационных находок в Трое и Микенах Шлиман получил доказательство общественного признания своих заслуг. В 1876 году его приняли в почетные члены очень престижного Общества лондонских антиквариев. В следующем году Шлиман был избран почетным членом Германского общества антропологии, этнологии и древней истории. После долгих колебаний в 1881 году Шлиман подарил свою археологическую коллекцию (в том числе и «клад Приама») городу Берлину. В связи с этим бесценным даром Шлиман получил звание почетного гражданина Берлина, а также был избран почетным членом Берлинского общества этнологии и древней истории. С тех пор коллекция Шлимана экспонировалась сначала в Музее художественных ремесел, затем в Музее народоведения, а с 1922 года – в Музее первобытной и древней истории. С началом Второй мировой войны коллекция Шлимана, как и прочие музейные ценности, была спрятана в одном из многочисленных хранилищ. В мае 1945 года «клад Приама», который был самой ценной частью этой коллекции, внезапно пропал и только в 1993 году обнаружился в Москве. Но это уже другая история, которая, кстати, еще не окончена...

Раскопки Трои 1882 года, о которых рассказывает эта книга, должны были стать последними. Шлиман писал: «Моя работа в Трое теперь окончена навсегда, она продолжалась более десяти лет – роковая связь с легендой об этом городе. Сколько десятков лет вокруг этого будут еще бушевать споры, знают только критики; это их работа: моя работа окончена». Однако Шлиман поторопился со своим решением. Ему пришлось вернуться на Гиссарлык в последний год своей жизни. С марта по конец июля 1890 года он вместе с Вильгельмом Дёрпфельдом провел новый раскопный сезон на развалинах Трои. В период между 1882 и 1890 годами Шлиман не прекращал интенсивных исследовательских работ. В 1882–1883 годах Шлиман планировал проведение раскопок в Колхиде, где рассчитывал найти доказательства греческого мифа о путешествии аргонавтов. В 1884–1885 годах совместно с Дёрпфельдом он осуществил раскопки в Тиринфе. В 1885 году Шлиман был избран членом Германского археологического института в Берлине, что, по сути, было признанием его заслуг со стороны представителей официальной науки. В 1886 году опять вместе с Дёрпфельдом он осуществил новые раскопки Орхомена. В том же году Шлиман планировал начать раскопки на Крите. Судьба привела его на то место, где под слоем земли покоились остатки ставшего впоследствии знаменитым Кносского дворца. Только стечение обстоятельств не позволило Шлиману совершить еще одно замечательное открытие. В 1900 году на этом месте начал раскопки английский археолог Артур Эванс и тем самым положил начало изучению минойской цивилизации.

Раскопки 1890 года на Гиссарлыке, где началась мировая известность Шлимана, оказались последними в его жизни. Шлиман долгие годы страдал воспалением среднего уха и в ноябре 1890 года в Галле перенес операцию по этому поводу. Шлиман торопился к своей семье в Афины, однако в Неаполе его состояние здоровья резко ухудшилось. Шлиман скончался в этом городе 26 декабря 1890 года. Обстоятельства смерти логично завершали «легенду о докторе Шлимане»: по словам Шлимана, именно в рождественские праздники 1829 года он впервые увидел картинку с изображением Трои, а на Рождество 1890 года Шлиман ушел из жизни, раскопав остатки великого города. Шлиман был похоронен на кладбище в Афинах. Его мавзолей, украшенный бюстом Гомера и рельефами со сценами из «Илиады», был спроектирован архитектором Эрнстом Циллером, который в свое время создал афинский дом для семьи Шлимана.

\* \* \*

Еще при жизни Шлимана Вильгельм Дёрпфельд смог доказать ему, что следует выделять не семь основных археологических слоев (семь «городов» в представленной здесь книге), а девять. Во-вторых, Дёрпфельд смог поколебать убеждение Шлимана, что второй город, в слое которого был найден «клад Приама», является гомеровской Троей. Находки керамики микенского типа в слое шестого города во время раскопок 1890 года привели к необходимости корректировки всей хронологии археологических слоев. Однако раскопки, которые планировал Шлиман на 1891 год, не состоялись. Только в 1893–1894 годах Вильгельму Дёрпфельду удалось провести еще два раскопочных сезона на Гиссарлыке и тем самым завершить «шлимановский» период изучения Трои. Эти раскопки принесли очень важные результаты, поскольку Дёрпфельд смог найти археологические подтверждения тому, что гомеровской Троей, скорее всего, являются слои шестого города (Троя VI).

Затем почти на сорок лет мир как будто забыл о развалинах великого города, открытого Шлиманом. Только с 1932 года на Гиссарлыке археологическое изучение Трои возобновила экспедиция университета Цинциннати. В результате этих работ, которые продолжались до 1938 года, выдающийся американский археолог Карл Блеген существенно уточнил последовательность существования на этом месте древних поселений и определил, что гомеровский город соответствует археологическому слою Троя VIIa. Эта точка зрения сейчас разделяется большинством историков. Кстати, книга К. Блегена «Троя и троянцы», посвященная раскопкам американской экспедиции, была переведена и опубликована издательством «Центрполиграф» в 2002 году.

Прошло еще пятьдесят лет. В 1988 году начал осуществляться интернациональный проект «Троя и Трояда. Археология местности», руководителем которого стал профессор Тюбингенского университета Манфред Корфман. Сотрудники экспедиции использовали самые современные методы исследования, что существенно повлияло на успешное выполнение задач. Особенно интересные результаты были получены в исследовании границ так называемого нижнего города, который так рассчитывал найти Шлиман. К сожалению, сейчас эти очень перспективные работы прекращены...

И последнее замечание. Многие заблуждения Шлимана и его современников были связаны с тем, что материалы раскопок, особенно самых ранних археологических слоев, долгое время оставались уникальными, их попросту не с чем было сравнивать. Никто не предполагал, к какой древнейшей эпохе они относятся. Только более поздние раскопки на территории Анатолии, осуществленные уже в XX веке, смогли поставить материалы из Трои в общий исторический контекст. Раскопки Дж. Мелларта на Чатал-Хююке (7-е – начало 6-го тысячелетия до н. э.) и Хаджиларе, Дж. Гарстанга Мирсина, С. Ллойда Бейджесултана (археологические слои последних трех центров относятся к концу 6-го – 4-му тысячелетию до н. э.) открыли культуры более древние, чем самое первое поселение на Гиссарлыке. В 3-м тысячелетии до н. э., то есть в период существования Трои I и Трои II (именно в этом слое был найден «клад Приама»), археологи сейчас насчитывают в Малой Азии более десяти одновременно существовавших культур. Из них наиболее близко к Трое располагаются культуры Кумтепе и Иортан. Благодаря этим открытиям территория Малой Азии стала рассматриваться как один из центров формирования цивилизации. Начало изучения этого региона было положено археологическими раскопками Генриха Шлимана на Гиссарлыке.

\* \* \*

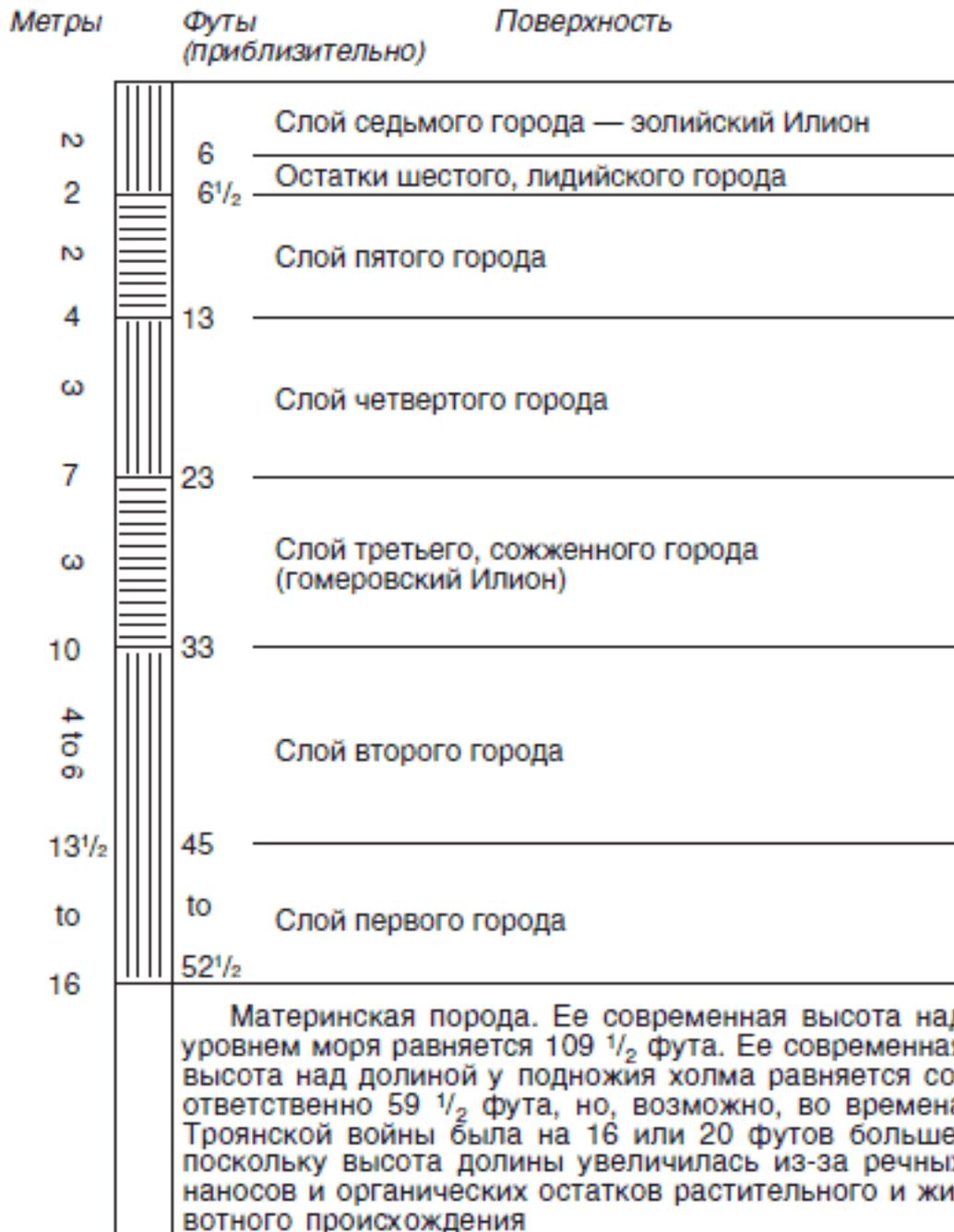
Значение издания, которое вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках, трудно переоценить. Я уже говорил, что книг о Шлимане с различными оценками его археологической деятельности на русском языке достаточно много. Однако перевод на русский язык одного из трудов Шлимана появляется *впервые*. Теперь не только специалисты-археологи, но и все интересующиеся историей могут сами судить о достоинствах и недостатках работы этого человека.

Следует также отметить, что данная книга хорошо передает некоторые особенности духовной жизни Европы XIX века, для которого характерна поистине детская способность восхищаться открытиями нового в любых областях: в археологии, технике, естественных науках, литературе, поэзии, живописи, архитектуре и т. д. К сожалению, в прагматическом и трагическом XX веке европейское общество во многом потеряло эту способность. Поэтому эта книга будет интересна не только специалистам-историкам, но и тем читателям, которые отдают предпочтение литературе той ушедшей эпохи.

*А.В. Стрелков,*  
кандидат исторических наук

## ДИАГРАММА,

показывающая последовательные слои остатков на холме Гиссарлык



## Предисловие

Такая книга, как эта, конечно, заставит о себе много говорить после (Nachrede), но на самом деле она не нуждается в предисловии (Vorrede). Тем не менее, поскольку друг мой Шлиман настаивает на том, чтобы я представил ее публике, я отброшу все сомнения, которые (по крайней мере, по моему внутреннему чувству) отводят мне лишь второстепенную роль. Мне необыкновенно повезло: я стал одним из немногих свидетелей последних раскопок на Гиссарлыке и увидел, как сожженный город восстает, целиком и полностью, из-под мусора последующих столетий. В то же самое время я видел и саму троянскую землю, неделя за неделей – как она пробуждается от зимнего сна и разворачивает перед нами все красоты природы, создавая все новые и новые, все более впечатляющие и величественные картины. Таким образом, я могу с полным правом говорить не только о трудах неутомимого исследователя, который не успокоился до тех пор, пока та работа, которая лежала перед ним, не была полностью закончена, но и о том, на какой правдивой основе была создана поэтическая идея, которая тысячи лет зачаровывала и улаждала весь образованный мир. И я считаю своей обязанностью выступить свидетелем перед лицом толпы сомневающихся, которые – будь то с добрыми или дурными намерениями – без усталости порицали и достоверность и значение открытий ученого.

Теперь уже бессмысленно спрашивать, действовал Шлиман в начале своей работы исходя из верных или ложных предпосылок. Не только результат доказал его правоту: его метод исследований также оказался великолепным. Может быть, его гипотезы действительно были слишком смелыми, даже произвольными; может быть, действительно захватывающая картина бессмертной поэзии Гомера заворожала его фантазию – однако именно в этом пороке воображения, как я могу это назвать, и коренился секрет его успеха. Кто бы предпринял такой титанический труд в течение столь многих лет, потратив такое огромное количество своих собственных денег, прокопавшись через наваленные друг на друга, казавшиеся почти бесконечными слои мусора вплоть до глубокого материка – кроме человека, проникнутого уверенностью, даже какой-то восторженной убежденностью? Сожженный город и до сего дня лежал бы в земле, если бы Воображение не направляло его лопату.

Однако строгое исследование само собой заняло место воображения. Год за годом факты подвергались все более и более серьезной оценке. Поиски правды – всей правды, и ничего, кроме правды! – наконец, настолько оттеснили поэтическую интуицию на задний план, что я, представитель естественных наук, привыкший к самому бесстрастному и объективному созерцанию (*mit der Gewohnheit der kältesten Objectivität*), чувствовал себя вынужденным напоминать моему другу, что поэт был не только поэтом, что нарисованные им картины могли иметь и объективное основание и что ничто не должно мешать нам связывать реальность, такой, какой она предстает перед нами, с древними легендами, основанными на определенных воспоминаниях о местности и о событиях древности. Я чрезвычайно рад тому, что эта книга в том виде, в котором она предстала перед нами, полностью удовлетворяет обоим требованиям: давая правдивое и точное описание находок и условий страны и местности, она везде связывает нити, которые позволяют нашему воображению определенным образом соединить действующих лиц с предметами.

Раскопки в Гиссарлыке имели бы непреходящую ценность даже в том случае, если бы «Илиада» никогда не была написана. Нигде в мире земля не скрывала столько остатков древних поселений, лежащих один над другим, которые при этом содержали бы в себе такое богатство находок. Когда мы стоим на дне гигантской воронки, которая открывает нам сердце крепости на холме, и наш взгляд бродит по высоким стенам, обнаруженным нами в ходе раскопок, то нашим глазам предстают руины зданий, то орудия труда древних жите-

лей, то остатки их пищи – и всякие сомнения в древности этого поселения исчезают. Речь идет отнюдь не о пустых домыслах. В положении и стратификации предметов есть столько поразительных особенностей, что мы просто вынуждены сравнивать их свойства или между собою, или с иными находками, сделанными в отдаленных местах. Мы должны подходить к делу практически (*objectiv*), и я с удовольствием свидетельствую, что утверждения Шлимана отвечают всем требованиям точности и аккуратности. Любой, кто сам занимался раскопками, знает, что мелких ошибок очень трудно избежать и что в ходе исследования некоторые результаты более ранних стадий работы неизбежно приходится исправлять. Однако в Гиссарлыке это исправление оказалось достаточно простым, чтобы гарантировать точность общего результата, и работа, которая теперь предлагается миру, может быть поставлена в один ряд с лучшими археологическими исследованиями. Кроме того, ошибка в определении положения какого-либо предмета может в каждом случае относиться только к деталям; на основную массу результатов это не оказывает никакого воздействия.

Простого исследования крепости на холме Гиссарлык достаточно, чтобы с полной точностью доказать последовательность поселений, которых, как теперь предполагает Шлиман, было семь. Однако последовательность их смены – еще не хронология. Эта последовательность показывает нам, что старше и что моложе, однако мы не знаем, насколько древним является каждый отдельный слой. Такой вопрос предполагает сравнение с другими подобными местами или, по крайней мере, предметами, датировка которых уже достоверно установлена; другими словами, нужна интерпретация. Однако с интерпретацией начинается неуверенность. Археолог редко может подтвердить свою интерпретацию всеми найденными предметами. Более того, чем дальше идут эти сравнения, тем менее можно рассчитывать, что открытия будут полностью друг другу соответствовать. Таким образом, наше внимание направлено на отдельные предметы, точно так же, как палеонтолог ищет характерные раковины (*Leitmuscheln*), чтобы определить возраст геологического пласта. Однако опыт показывает, что на *Leitmuscheln* в археологии не слишком можно полагаться. Человеческий интеллект способен изобрести одинаковые вещи в различных местах. Некоторые художественные или технические формы развиваются одновременно, безо всякой связи или отношений между художниками или мастерами. Достаточно вспомнить случай с орнаментом *меандр*, который в Германии появляется достаточно поздно, возможно уже в эпоху Римской империи, но еще позже зарождается в Перу и на Амазонке, где его, видимо, уже нельзя считать заимствованием. Таким образом, местные моды и художественные формы не представляют собой ничего исключительного, и специалист иногда может определить место обнаружения по одному предмету.

В случае Гиссарлыка слои, которые можно определить по их характеру в целом, залегают очень близко к поверхности. Под греческим городом (Новый Илион) и городом, который был, возможно, македонским, исследователь находит предметы, особенно керамику, которая по своей форме, материалу и росписям относится к тому, что называется архаическим периодом греческого искусства. Затем начинается доисторический период в более узком смысле этого слова. Доктор Шлиман на серьезных основаниях попытался доказать, что шестой город (считая снизу) следует отнести, согласно традиции, к лидийцам и что мы можем в его художественных формах увидеть параллели с этрусской или умбрской керамикой. Однако чем глубже мы идем, тем меньше соответствий мы находим. В сожженном городе иногда встречаются те или другие предметы, которые напоминают нам о Микенах, Кипре, Египте, Ассирии; или же что-то говорит об их общем происхождении или, по крайней мере, о похожих образцах. Возможно, нам удастся найти и другие связующие нити, однако пока мы еще так мало знаем обо всех этих связях, что приложить иностранную хронологию к этим новым открытиям кажется в высшей степени опасным делом.

Весьма поучительный и предостерегающий пример такого рода казуистической археологии дает нам последняя атака на доктора Шлимана со стороны одного ученого из Санкт-Петербурга. Поскольку Гиссарлык имеет определенные точки соприкосновения с Микенами, а последние, в свою очередь, – с югом России, то, исходя из этого, ученый сделал вывод, что хронология Южной России должна стать мерилom и для Гиссарлыка и что как Микены, так и Гиссарлык следует приписать кочующим ордам герулов в III веке н. э. Бросаясь в противоположную крайность, другие специалисты склонны были относить древнейшие «города» Гиссарлыка к эпохе неолита, поскольку в них были найдены замечательное оружие и инструменты из полированного камня. Обе эти гипотезы одинаково неоправданны и недопустимы. К III веку н. э. принадлежит поверхность холма-крепости Гиссарлык, которая все еще лежит над македонской стеной, и древнейшие города – хотя в них были найдены не только полированные камни, но и ломаные осколки халцедона и обсидиана – тем не менее относятся к эпохе металлов. Ибо даже в первом городе были найдены орудия из меди, золота и даже серебра.

Несомненно, что никакие люди каменного века в строгом смысле на крепости-холме Гиссарлык (настолько, насколько он был раскопан на данный момент) никогда не жили. О том, что здесь происходила постепенная эволюция таких людей к более высокой цивилизации, цивилизации металлов, здесь можно говорить не более чем относительно любого другого до сих пор известного поселения Малой Азии. Орудия из полированного камня также были найдены в других областях Малой Азии – как, например, вблизи древних Сард, – однако до сих пор не доказано, что они принадлежат к каменному веку. Очевидно, эти люди переселились сюда в тот период своего развития, когда они уже находились в веке металлов. Если бы мы взялись рассуждать, основываясь на том, что в первую очередь бросается в глаза, то нам пришлось бы предполагать, что эти люди переселились с границ Китая, поскольку в Гиссарлыке часто встречается нефрит и жадеит, и что, когда эти люди добрались до Геллеспонта, они уже достигли высокой степени технического совершенства и умели изготавливать законченные изделия.

Возможно, является случайностью то, что даже в древнейшем городе были обнаружены два каменных топора с просверленными в них отверстиями, в то время как ни в одном другом месте Малой Азии подобных предметов не встречается. В любом случае искусство обработки камня уже далеко продвинулось, и история основания Илиона (как она очерчена в «Илиаде») в точности совпадает с археологическими открытиями. У нескольких черепов, которые удалось обнаружить в нижних городах, есть одна общая черта: все они без исключения представляют облик (*habitus*) более цивилизованных людей; особенности дикарей в строгом смысле этого слова у них полностью отсутствуют.

Достаточно странно, что у этой расы, судя по всему, *не было железа*. Хотя иногда встречается местный красный железняк, который, очевидно, использовался, однако все предметы, которые первоначально казались железными инструментами, после более тщательного исследования оказались не железными.

Не менее странно и то, что даже в сожженном городе *нигде не было найдено ни одного меча в строгом смысле этого слова*. Оружие из меди и бронзы встречается часто – наконечники копий, кинжалы, наконечники стрел, ножи (если их можно назвать оружием), но мечей нет. Этому пробелу соответствует другой, в области украшений, который для нас, жителей Запада, еще более странен – я имею в виду *отсутствие фибул* (головок брошей). Среди медных и бронзовых булавок есть много таких, которые, судя по их размеру и изогнутости, могут считаться булавками для платья; однако ни одной фибулы в том смысле, в котором мы понимаем это слово, пока найдено не было. Я всегда полагал, что обилие фибул в северных раскопках объясняется тем, что в более холодном климате застегивать одежду было более необходимо. Римская провинциальная фибула в северных областях является едва ли

не самой частой находкой эпохи Римской империи, в то время как в самой Италии она отступает на задний план. Однако тот факт, что у племени столь богатого металлами, как древние троянцы, не было найдено абсолютно ни одной фибулы, безусловно, признак большой древности и, безусловно, отличает их от большинства западных культур, с которыми сравнивали троянскую. То же самое можно заметить и об *отсутствии ламп* в древних городах.

В керамике обнаруживается множество соответствий с западной. Разумеется, я не могу назвать ни одного места, где весь комплекс найденной там керамики полностью соответствовал бы керамике древних городов Гиссарлыка. Только в шестом городе мы обнаруживаем, как убедительно доказал доктор Шлиман, многочисленные связи с этрусскими вазами; и далее я могу отметить, что многие формы, которые встречаются в Гиссарлыке в глине, в Этрурии исполнялись в бронзе. В связи с этим я могу указать как на «ведущую окаменелость» на этрусские кувшины с носиками, которые были найдены в самом сердце Германии и в Бельгии. В большинстве доисторических городов Гиссарлыка мы находим терракоты, в точности соответствующие тем, которые часто встречаются в Венгрии и Трансильвании, в Восточной и Средней Германии и даже в свайных постройках Швейцарии. Благодаря любезности доктора Виктора Гросса я сам владею фрагментами чаш из черной полированной глины, обнаруженных в озере Бьенн, внутренняя поверхность которых покрыта прочерченными геометрическими узорами, заполненными белой глиной, таких же, как я привез из древнейшего города на Гиссарлыке. Совсем недавно я присутствовал на раскопках большого конического кургана, которые профессор Копфляйш проводил на территории Ангальта: значительное количество обнаруженных здесь глиняных сосудов имеют широкие выступы в виде крыльев с перпендикулярными отверстиями и очень большие и широкие ручки, которые прикреплены достаточно низко, рядом с дном – совсем как в сосудах из сожженного города. Ранее я уже упоминал о сходстве маленьких фигурок животных, орнаментированных штампов и других терракот, найденных в Венгрии. Странные сосуды для благовоний с отверстиями (фонарики) Гиссарлыка находят себе многочисленные аналогии в древних кладбищах Лаузица и Познани.

Я не готов утверждать, что все это – доказательства прямой связи. Этот вопрос можно рассматривать только тогда, когда будет произведено более тщательное археологическое исследование стран Балканского полуострова, – и желательно, чтобы это произошло как можно скорее. Но даже если мы обнаружим прямую связь, останется открытым другой вопрос: шел ли цивилизационный поток из Малой Азии в Восточную Европу или наоборот; и поскольку логически первое более возможно, то из этого мало что прояснится для хронологии Гиссарлыка.

В связи с этим о многом можно поговорить – как, например, о кресте с крюками (свастика), треугольнике, круглом и спиральном орнаменте, орнаменте с волнами, однако здесь я об этом говорить не буду: все это широко распространенные признаки, которые, как очевидно по нашему опыту, мало что дают для определения периода. С другой стороны, я не могу полностью воздержаться от того, чтобы не упомянуть вопрос, в котором я не могу полностью согласиться со Шлиманом. Я имею в виду наши «лицевые урны», такие, как мы часто находим в Поммерле и Восточной Померании и даже в самой Познани и Силезии, в одном определенном регионе. Я не могу отрицать, что между ними и троянскими «совиными» вазами есть значительное сходство, хотя я также признаю, что на первых совиного «лица» нет. Однако в этом вопросе мне хотелось бы несколько подкорректировать формулировку моего друга. Насколько я вижу, нет ни одной троянской лицевой вазы, о которой можно было бы сказать, что на ней изображена настоящая совиная голова или что упомянутая часть вазы полностью имеет форму птицы. Что касается естественной истории, то образ, изображенный на верхней части вазы, является человеческим, и нос и область глаз выглядят совиными лишь в пределах человеческого облика и пропорций. Уши, с другой стороны,

всегда изображаются человеческими и никогда – совиными. Я не отрицаю, что форма изображенного лица часто представляет «совиный» тип, и я не возражаю против связи с прилагательным «совоокая», однако мне не кажется, что это сходство простирается дальше, чем область вокруг глаз и верхней части носа: уши и нос (там, где они показаны), а также груди – чисто человеческие. И то же самое – только в еще более человеческой форме – мы видим и на лицевых урнах Поммерля. Таким образом, я считаю, что можно надеяться обнаружить между этими урнами некоторую связь; но в то же время меня не удивит и если окажется, что наши лицевые урны гораздо более поздние, чем троянские.

Итак, я пришел к следующему выводу: открытия Гиссарлыка не могут быть объяснены открытиями, сделанными на севере или на западе, но, напротив, мы должны сверять наши коллекции с восточными образцами. Источники, с которыми мог быть связан Гиссарлык, также, возможно, лежат на востоке и на юге, однако их определение требует новых и гораздо более тщательных исследований в сфере востоковедения, где до сих пор работа была совершенно недостаточна. Отнюдь не «Илиада» первой связала финикийцев и эфиопов с легендарным циклом троянских легенд: сами открытия в Гиссарлыке представили перед нашими глазами слоновую кость, фигурки гиппопотамов и изящные золотые изделия, которые отчетливо указывают на Египет и Ассирию. Именно здесь хронологические проблемы Гиссарлыка должны найти свое решение.

Однако между тем перед нами – огромный холм из руин, который для взгляда реалиста представляет собой столь же уникальное явление, как и «священный Илион» для чувства поэта. Ему нет равных. И ни в одной груде руин нет заранее заданного шаблона, по которому можно о ней судить. Поэтому она и не входит в прокрустово ложе систематизаторов (Schematiker). *Hinc illae irae*<sup>1\*</sup>. Эти раскопки открыли перед археологами совершенно новое поле для исследований – целый новый мир. Отсюда берет начало новая отрасль науки.

И в этом уникальном холме есть слой, один из глубочайших его слоев – согласно последним расчетам Шлимана, третий слой снизу, – который в особенности привлекает наше внимание. Здесь бушевало страшное, всепожирающее пламя, в котором глиняные стены зданий плавилась и текли, как воск, так что застывшие капли стекла до сих пор свидетельствуют о чудовищном пожаре. Лишь в некоторых местах остались обгоревшие фрагменты, структура которых позволяет нам определить, что же именно горело – дерево или солома, пшеница или горох. Лишь малая часть города избежала огня. И только местами на сожженных участках остались не пострадавшие части домов под щебнем от осыпавшихся стен. Почти все сгорело до пепла. Каким чудовищным должен быть пожар, поглотивший всю эту роскошь! Мы словно слышим треск дерева и грохот рушащихся зданий. И, несмотря на все это, какие богатства были найдены среди пепла и углей! Пораженному глазу исследователя представляли одно за другим золотые сокровища. В то давнее время, когда человек еще так мало знал о земле и о своей собственной силе, в то время, когда, как рассказывает нам поэт, сыновья царей были пастухами, владение такими сокровищами из драгоценных металлов, изящнейшей и самой драгоценной работы, должно было быть известно повсеместно. Роскошь этого повелителя должна была возбуждать зависть и жадность, и разрушение его высокой крепости говорит ни о чем другом, как о его собственном падении и уничтожении всего его племени.

Был ли этим повелителем Приам? Был ли этот город священным Илионом? Никто и никогда не сможет дать ответа на вопрос – действительно ли именно эти имена были на устах у людей, когда прославленный царь смотрел из своей высокой крепости через Троянскую долину на Геллеспонт. Возможно, все эти названия – лишь поэтический вымысел.

---

<sup>1\*</sup> Отсюда и этот гнев (лат.). (Здесь и далее примечания автора обозначены цифрами, примечания переводчика – цифрами со звездочкой.)

Кто знает? Возможно, в легенде передавалась всего лишь история победоносного похода с Запада, целью которого было уничтожить царство и город. Но кто может усомниться, что на этом месте действительно была одержана устрашающая победа над гарнизоном крепости, который защищал не только себя, свою семью и дома оружием из камня и бронзы, но и пытался при этом сохранить огромное богатство, которым обладал, – золото, серебро, украшения и мебель? Не имеет большого смысла спорить об именах этих людей или их города. Однако любой – как сегодня, так и в эпоху Гомера – задается вопросом: кто были эти люди и откуда они пришли, к какому племени принадлежали? Хотя строгий исследователь и воздержится от того, чтобы давать им имена, хотя все это племя может, словно призраки Аида, безмолвно пройти перед судом науки, однако для нас, тех, кто предпочитает яркие краски дня, одеяние жизни и блеск личности, для нас Приам и Илион, как только мы обратимся к событиям этого периода, останутся обозначениями, к которым привык наш ум. Именно здесь Европа и Азия впервые встретились в человекоубийственной войне (in völkerfressendem Kampfe); именно здесь была одержана в бою единственная решительная победа, в которой Запад одолел Восток на почве Азии за все время вплоть до Александра Великого.

А теперь перед нашими глазами снова открывается этот город. Когда писали те авторы, которых мы называем классическими, сожженные руины уже давно лежали под развалинами последующих поселений. И на вопрос «Где находился Илион?» ответа не было ни у кого. Даже сама легенда уже не была привязана к определенному месту. Но конечно, когда зародилась поэма, дело обстояло по-другому: будем ли мы звать нашего поэта Гомером или поставим на его место целую толпу безымянных бардов – когда родилось поэтическое предание, в этих местах все еще должна была сохраняться традиция о том, что царская крепость стояла в точности на этом горном отроге. Бесполезно пытаться оспорить тот факт, что поэт видел эти места своими глазами. Кем бы ни был «божественный бард», он определенно стоял на этом холме, на Гиссарлыке (то есть на Замковом или Крепостном холме) и смотрел с него на землю и море. Ни в каком другом случае он не мог бы вложить в свою поэму столько верности природе. В кратком очерке<sup>2</sup> я описал Троянскую область такой, какова она теперь, и, сравнивая мое описание с тем, что говорит об этой местности «Илиада», любой из нас может сказать, возможно ли, что поэт, живущий вдали отсюда, мог выработать в своем собственном воображении столь верное изображение земли и народа, как то, что содержится в «Илиаде».

К этому следует добавить еще одно соображение. «Илиада» – это не просто эпос, повествующий о делах человеческих: в этом споре людей принимает участие великий сонм олимпийских богов, действующих и страдающих. Поэтому случилось так, что «Илиада» стала особенной, религиозной книгой, своего рода Библией греков и отчасти – римлян. Об этом не следует забывать. Поэтому я особо обращаю внимание на тот факт, что сцена, на которой действуют боги, обрисована гораздо шире, чем поле деятельности людей. По своему содержанию поэма простирается гораздо дальше Троянской долины. Граница «Илиады» там, где глаз находит пределы долины, – на величественных вершинах Иды и Самофракийском пике, где рождаются облака и обитают бури. Кто мог бы поведать нам такую историю о богах со столь подробной и точной локализацией, если не тот, кто сам наблюдал явленные здесь величественные природные феномены? Кто же, если не тот, кто целые дни и недели смотрел на то, как они сменяют друг друга?

Вопрос об «Илиаде» – это не просто древний вопрос «Ubi Ilium fuit?»<sup>3\*</sup>. Нет, этот вопрос затрагивает целое. Мы не должны отделять историю богов от истории людей. Поэт, который пел об Илионе, нарисовал вместе с тем портрет всей Троицы. Ида и Самофракия,

<sup>2</sup> См. приложение I. Троя и Гиссарлык.

<sup>3\*</sup> Где был Илион? (лат.)

Тенедос и Геллеспонт, Калликолона и вал Геракла, Скамандр и погребальные курганы героев – все это являлось перед глазами увлеченного слушателя. И все это неразделимо. Поэтому не нам решать и выбирать, где находился Илион. Мы должны найти место, которое отвечает всем требованиям поэмы. Поэтому мы вынуждены сказать: *здесь*, на крепостном холме Гиссарлык, – *здесь*, на месте руин сожженного Золотого города, – *здесь был Илион*.

И поэтому трижды счастлив тот, на чью долю пришлось уже в зрелом возрасте осуществить мечты своего детства и обнаружить Сожженный город. Каково бы ни было признание современников, никто не сможет лишить его сознания того, что он разрешил великую тысячелетнюю загадку. Варварская власть, которая тяжким бременем легла на эту землю, в общем и целом сохранила состояние земли и обычаи человеческой жизни в Трояде на том же уровне, как тогда, когда она утвердила здесь свое иго. Таким образом, сохранилось многое из того, что в других местах, скорее всего, было бы уничтожено постоянными сельскохозяйственными работами. Шлиман проводил свои раскопки как будто бы на девственной почве. У него хватило смелости копать все глубже и глубже, снять целые горы мусора и щебня, и наконец он увидел перед собой сокровище, которое он искал и о котором мечтал, в его вещественной реальности. И теперь искатель сокровищ превратился в ученого, который в ходе долгого и серьезного исследования сравнил факты своего опыта, а также утверждения историков и географов с легендарными традициями поэтов и мифологов. Пусть та работа, которую он завершил, станет для многих тысяч людей источником познания и радости и прославит самого Шлимана в веках!

*Берлин, 10 сентября 1880*  
*Рудольф Вирхов<sup>4\*</sup>*

---

<sup>4\*</sup> Вирхов Рудольф (1821—1902) – немецкий ученый, врач и общественный деятель.

## Введение

### Автобиография автора и рассказ о его работе в Трое

*Достопочтенному ару Остину Генри Лэйарду, рыцарю Большого креста ордена Бани, доктору гражданского права, пионеру в открытии утраченной истории древних городов Западной Азии с помощью мотыги и лопаты, за добрую и действенную помощь в раскопках Трои в качестве посланника при Блистательной Порте посвящает эту работу с уважением и признательностью.*

*Автор*

## § I. Детство и коммерческая деятельность: с 1822 до 1866 года

Если я начинаю эту книгу со своей автобиографии, то делаю это отнюдь не из чувства тщеславия, но из желания показать, что труд моей последующей жизни стал естественным следствием впечатлений, которые я получил в самом раннем детстве, и что, образно говоря, мотыга и лопата для раскопок в Трое и царских гробницах Микен были выкованы и заточены в той немецкой деревушке, где в раннем детстве я провел восемь лет. Я также считаю необходимым рассказать, как я получил средства, которые позволили мне на закате жизни осуществить великие цели, которые я поставил перед собою, будучи еще бедным маленьким мальчиком. Однако я льщу себя надеждой, что то, как я распорядился своей жизнью, а также то, как я использовал свое богатство, заслужило всеобщее одобрение и что моя автобиография может помочь распространить среди образованной публики во всех странах вкус к высоким и благородным занятиям, которые поддерживали мою отвагу в ходе тяжких испытаний моей жизни и которые станут отрадой на все оставшиеся мне дни.

Я родился 6 января 1822 года в маленьком городке Ной-Буков в Мекленбург-Шверине, где мой отец<sup>5</sup> Эрнест Шлиман был протестантским священником и откуда в 1823 году он был избран на ту же должность в приход деревни Анкерсхагена между Вареном и Пенцлином в том же герцогстве. Именно в этой деревне я и провел восемь последующих лет моей жизни; и мое естественное расположение к таинственному и волшебному переросло в настоящую страсть благодаря чудесам той местности, где я жил. Говорили, что беседку в нашем саду посещает призрак предшественника моего отца, пастора фон Руссдорфа; и как раз за нашим садом был пруд под названием *Das Silberschälchen*<sup>6\*</sup>, из которого, как считалось, каждую полночь поднималась дева, державшая в руках серебряную чашу. Еще в деревне был маленький холм, окруженный рвом, возможно доисторический курган (или так называемая *Hünengrab*)<sup>7</sup>, в котором, как гласила легенда, в древние времена рыцарь-разбойник похоронил своего любимого ребенка в золотой колыбели. Говорили, что в руинах круглой башни в саду владельца деревни были погребены великие сокровища. Я так был уверен в

---

<sup>5</sup> Скончался в ноябре 1870 года в возрасте девяноста лет.

<sup>6\*</sup> Серебряная чашечка (нем.).

<sup>7</sup> Это погребение все еще существует, и, когда недавно я вновь посетил Анкерсхаген, я от всей души посоветовал его нынешнему собственнику, превосходному г-ну Э. Винкельману, и его очаровательной супруге, которых я должен сердечно поблагодарить за щедрое гостеприимство, раскопать погребение, поскольку весьма вероятно, что они найдут здесь если и не золотую колыбель, то весьма интересные доисторические древности.

существовании этих сокровищ, что каждый раз, когда я слышал, что мой отец жалуется на бедность, удивлялся, почему же он не выкопает серебряную чашу или золотую колыбель и не разбогатеет.

Кроме того, в Анкерсхагене был средневековый замок, стены которого имели толщину 6 футов, и в них был тайный проход; подземная дорога, якобы длиной 5 миль, выходила из замка и проходила под глубоким озером Шпек; говорили, что там водятся страшные привидения, и все селяне говорили о ней с ужасом<sup>8</sup>. Существовала легенда, согласно которой в замке некогда обитал рыцарь-разбойник по имени Хеннинг фон Хольстайн, которого в народе звали Хеннинг Браденкирль: его боялись по всей стране, ибо он грабил и захватывал все, что мог. Однако, к великому его неудовольствию, герцог Мекленбургский даровал охранные грамоты многим купцам, которым приходилось проезжать мимо его замка. Желая отомстить герцогу, Хеннинг смиренно попросил его оказать ему честь и посетить его. Герцог принял его приглашение и в назначенный день прибыл с большой свитой. Однако некий пастух, который был посвящен в план Хеннинга убить своего гостя, спрятался в подлеске у дороги за холмом, который отстоит примерно на милю от нашего дома, и стал ждать герцога, которому он открыл злодейский замысел своего хозяина, и герцог, конечно, немедленно вернулся. Поэтому, говорят, тот холм и называется Вартенсберг, или холм Стражи. Хеннинг, узнав о том, что план его провалился по вине пастуха, в отместку изжарил этого человека живьем на большой железной сковородке да еще и пнул его напоследок левой ногой, когда тот уже умирал. Вскоре после этого герцог явился с полком, осадил замок и захватил его. Когда Хеннинг увидел, что ему не спастись, он сложил все свои сокровища в ящик и зарыл их вблизи круглой башни в своем саду (ее руины все еще существуют), а затем покончил с собой. Говорили, что могила злодея в нашем церковном дворе отмечена длинным рядом плоских камней и из нее веками вырастала его левая нога в черном шелковом чулке<sup>9</sup>. И пономарь Пранге, и ризничий Веллерт клялись, что в детстве они сами отрезали эту ногу и использовали ее кость, чтобы сшибать груши с деревьев, однако в начале нашего века нога внезапно перестала расти. В своей детской простоте я, конечно, верил во все это; я даже часто просил своего отца разрыть могилу или позволить мне раскопать ее, чтобы посмотреть, почему же нога больше не растет.

Еще очень глубокое впечатление на мой ум произвел терракотовый рельеф с изображением человека на задней стене замка; говорили, что это портрет самого Хеннинга Браденкирля. Поскольку к нему не приставала никакая краска, то в народе считали, что он был покрыт кровью пастуха, которую нельзя было стереть. Считалось, что закрытый камин в зале был тем самым местом, где пастуха поджарили на железной сковороде. Хотя остов этой ужасной печи изо всех сил пытались уничтожить, тем не менее он все равно был виден; и это также считали знаком Провидения, которое не желало, чтобы сие дьявольское дело позабылось.

Я также верил в историю о том, как г-н фон Гундлах, собственник соседней деревни Румсхаген, раскопал курган близ церкви и обнаружил в нем большие деревянные бочки с римским пивом.

Хотя отец мой не был ни ученым, ни археологом, он горячо интересовался древней историей. Нередко он с восторженным энтузиазмом рассказывал мне о трагической судьбе Геркуланума и Помпей и, кажется, почитал тех, у кого были средства и время посетить эти

---

<sup>8</sup> В этом самом замке знаменитый немецкий переводчик Гомера, Й.Х. Фосс, работал гувернером и был очень несчастен. См. работу доктора Фр. Шли (Schlie) Шлиман и его труды, со ссылкой на книгу В. Хербста (Herbst) Иоганн Генрих Фосс. (Т. I. С. 46).

<sup>9</sup> Согласно преданию, одна из этих ног была похоронена прямо перед алтарем. Как ни странно, когда несколько лет назад церковь в Анкерсхагене ремонтировали, то, как уверяет меня мой кузен, преподобный Ханс Беккер, на небольшой глубине перед алтарем была найдена одиночная кость ноги.

раскопки, счастливейшими из людей. Он также рассказывал мне с восхищением о великих деяниях гомеровских героев и о событиях Троянской войны и всегда находил во мне горячего сторонника троянцев. С величайшим огорчением услышал я от него, что Троя была разрушена настолько, что исчезла, не оставив никаких следов своего существования. Следовательно, можно представить мою радость, когда в возрасте примерно восьми лет я получил в 1829 году от отца в качестве рождественского подарка «Всемирную историю для детей» доктора Георга Людвига Еррера<sup>10</sup>, в которой была гравюра, изображающая горящую Трою с ее огромными стенами и Скейскими воротами, из которых бежал Эней, неся своего отца Анхиза на спине и ведя за руку сына Аскания. Я воскликнул: «Отец, вы ошибаетесь: должно быть, Еррер видел Трою, иначе он не мог бы изобразить ее здесь». – «Сын мой, – отозвался он, – этот рисунок – лишь плод воображения». Однако на мой вопрос, действительно ли древняя Троя имела такие огромные стены, как показано в этой книжке, отец ответил утвердительно. «Отец, – возразил я, – если некогда такие стены действительно существовали, то они не могли быть полностью разрушены; должны были остаться их большие руины, они просто скрыты под пылью веков». Отец утверждал обратное, и наконец оба мы согласились на том, что когда-нибудь я должен раскопать Трою.

Что бы ни лежало у нас на сердце, будь то радость или горе, всегда у нас на устах, особенно в детстве; так что с детьми, с которыми я играл, я не говорил ни о чем, кроме Трои и всех тех тайн и чудес, которыми изобиловала наша деревня. Надо мною постоянно все смеялись, за исключением двух маленьких девочек, Луизы<sup>11</sup> и Минны<sup>12</sup> Майнке, дочерей фермера в Царене, деревеньке, которая примерно на милю отстояла от Анкерсхагена; первая из них была старше меня на шесть лет, вторая – моя ровесница. Они не только не смеялись надо мною, но, напротив, всегда слушали меня с глубочайшим вниманием, особенно Минна, которая чрезвычайно симпатизировала мне и принимала участие во всех моих грандиозных планах на будущее. Между нами возникла теплая привязанность, и в нашей детской простоте мы обменялись клятвами вечной любви. Зимой 1829/30 года мы оба брали уроки танцев, то в доме моей маленькой невесты, то в нашем, то в старом замке с привидениями, где тогда обитал фермер г-н Хельдт, и там, с тем же глубоким интересом, мы созерцали кровавый бюст Хеннинга, страшный остов зловещего очага, тайные проходы в стенах и вход в подземную дорогу. Когда урок танцев проходил в нашем доме, мы или ходили на кладбище, которое было у наших дверей, чтобы посмотреть, не выросла ли снова наружу нога Хеннинга, или сидели в восхищении перед церковными книгами, написанными рукою Иоганна Христиана фон Шредера и Готтфридриха Генриха фон Шредера – отца и сына, которые занимали место моего отца с 1709 по 1799 год; древнейшие записи о рожденьях, свадьбах и смертях, занесенные в эти регистры, имели для нас особое очарование. Иногда мы посещали дочь младшего пастора фон Шредера<sup>13</sup>, которой тогда было восемьдесят четыре года и которая жила рядом с нами, чтобы расспросить ее об истории деревни или посмотреть на портреты ее предков; особенно мы любили портрет ее матери, Ольгарты Кристины фон Шредер, скончавшейся в 1795 году, отчасти потому, что мы почитали его шедевром, а отчасти потому, что он был похож на Минну.

Мы часто заходили и к деревенскому портному Веллерту, который был одноглазым и одноногим, и поэтому его прозвали Петер Хюпперт, то есть Прыгающий Петер. Он был неграмотен, но обладал поразительной памятью, так что мог повторить проповедь моего

<sup>10</sup> *Jerrer G.L. Universal History. Nrnberg, 1828.*

<sup>11</sup> В 1838 году Луиза стала счастливой супругой преподобного Э. Фрелиха и теперь проживает в Ной-Бранденбурге (Мекленбург).

<sup>12</sup> Минна Майнке в 1846 году вышла замуж за превосходного фермера по фамилии Рихерс, и теперь они счастливо живут во Фридланде, Мекленбург.

<sup>13</sup> Скончалась в 1844 году в возрасте девяноста восьми лет.

отца слово в слово после того, как слышал ее в церкви. Этот человек, который, если бы у него было университетское образование, мог бы стать одним из величайших ученых в этом мире, был полон остроумия и чрезвычайно возбуждал наше любопытство своим неистощимым запасом всяческих историй, которые он рассказывал с поразительным ораторским мастерством. Приведу лишь одну из них. Он рассказал нам, как, желая знать, улетают ли аисты на зиму, во время предшественника моего отца, патера фон Руссдорфа, поймал одного из аистов, которые строили свои гнезда на амбаре, и привязал к его ноге кусочек пергамента, на котором по его просьбе пономарь Пранге написал, что сам он, пономарь и портной Веллерт в деревне Анкерсхаген в Мекленбург-Шверине, смиренно просит владельца того амбара, на котором аист вьет свое гнездо зимой, сообщить им, как называется его страна. Когда он снова поймал того аиста весной, к его ноге был привязан другой кусочек пергамента, на котором стихами на плохом немецком был написан такой ответ:

Про Мекленбург-Шверин здесь и не знают,  
Страну, куда аисты прилетают,  
Святого Иоанна землей называют.

Конечно, мы во все это верили и отдали бы годы своей жизни, чтобы узнать, где же находилась эта таинственная земля Святого Иоанна. Если этот и подобные ему рассказы и не улучшили наших знаний по географии, по крайней мере, они возбудили в нас желание знать ее лучше и разожгли нашу страсть ко всему таинственному.

Наши уроки танцев не принесли ни Минне, ни мне никакой пользы – то ли потому, что от природы у нас не было дара к этому занятию, то ли потому, что наши умы были слишком заняты важными археологическими изысканиями и планами на будущее.

Мы договорились, что, как только вырастем, поженимся и тогда немедленно займемся исследованием всех тайн Анкерсхагена; выроем золотую колыбель, серебряную чашу, огромные сокровища, которые спрятал Хеннинг, потом – могилу Хеннинга и, наконец, раскопаем Трою; мы не могли вообразить себе ничего приятнее, чем потратить всю нашу жизнь на то, чтобы откапывать реликвии прошлого.

Благодарение Богу, моя твердая вера в существование Трои никогда не покидала меня во всех превратностях моей насыщенной событиями карьеры; однако мне суждено было только на закате жизни и уже без Минны – или, скорее, вдали от нее – осуществить наши светлые мечты полувековой давности.

Отец мой не знал греческого, однако знал латинский и пользовался каждой свободной минутой, чтобы преподавать его мне. Когда мне было от силы девять лет, умерла моя дорогая матушка; это была невозвратимая потеря, возможно величайшая из тех, что могли выпасть на долю мою и моих шести братьев и сестер<sup>14</sup>. Однако кончина моей матери совпала с другим несчастьем, в результате которого все наши знакомые внезапно отвернулись от нас и отказались общаться с нами далее. Другие были мне безразличны, но больше не видеть семейство Майнке, вовсе расстаться с Минной – никогда снова не видеть ее – это было в тысячу раз болезненнее для меня, нежели кончина моей матери, о которой я вскоре позабыл под грузом подавляющего горя от потери Минны. Позднее в жизни я перенес множество различных несчастий в разных частях света, но ни одно из них никогда не причинило мне и тысячной доли той скорби, которую я почувствовал в возрасте девяти лет из-за расставания с моей маленькой невестой. Обливаясь слезами, один, я часами стоял перед портретом

---

<sup>14</sup> Оба моих брата умерли. Из моих четырех сестер только старшая, Элиза, осталась незамужней. Вторая, Дорис, состояла в счастливом браке с покойным секретарем Гансом Петровски в Ребеле (Мекленбург); третья, Вильгельмина, счастливо замужем за профессором Вильгельмом Кузе в Дилленбурге (Гессен-Кассель), а четвертая, Луиза, счастливо замужем за учителем Мартином Пехелем в Даргуне (Мекленбург).

Ольгарты фон Шредер, вспоминая в своем несчастье счастливые дни, которые я провел в обществе Минны. Будущее казалось мне темным, и все таинственные чудеса Анкерсхагена и даже сама Троя на время потеряли для меня интерес. Увидев мое отчаяние, отец послал меня на два года к своему брату, преподобному Фридриху Шлиману<sup>15</sup>, который был пастором в деревне Калькхорст в Мекленбурге, где в течение одного года я имел счастье иметь своим учителем кандидата Карла Андреса<sup>16</sup> из Ной-Штрелица; и под руководством этого велико-лепного филолога я продвинулся столь далеко, что на Рождество 1832 года я смог подарить своему отцу дурно написанное латинское сочинение о главных событиях Троянской войны и о приключениях Улисса и Агамемнона. В возрасте одиннадцати лет я поступил в гимназию в Ной-Штрелице, где меня поместили в третий класс. Однако именно в это время великая катастрофа постигла нашу семью, и, опасаясь, что у моего отца в течение нескольких лет не будет средств, чтобы содержать меня, я ушел из гимназии, пробыв там только три месяца, и пошел в «реальную школу» (Realschule) в том же городе, где меня поместили во второй класс. Весной 1835 года я перешел в первый класс, который я покинул в апреле 1836 года в возрасте четырнадцати лет, чтобы стать подмастерьем в небольшом магазине бакалейщика Эрнеста Людвиг Хольца<sup>17</sup> в небольшом городке Фюрстенберге в Мекленбург-Штрелице.

За несколько дней до моего отъезда из Ной-Штрелица, в Страстную пятницу 1836 года, я случайно встретился с Минной Майнке, которую не видел более пяти лет, в доме г-на К.Э. Лауэ<sup>18</sup>. Я никогда не забуду этой встречи, моей последней встречи с нею. Она очень выросла, и теперь ей было четырнадцать. Она была одета в простое черное платье, и простота ее наряда, казалось, подчеркивала ее чарующую красоту. Когда мы посмотрели друг на друга, то оба разрыдались и упали друг другу в объятия, не в силах ничего сказать. Мы много раз пытались говорить, однако наши чувства были слишком сильны; ни один из нас не мог выговорить ни слова. Однако вскоре в комнату вошли родители Минны, и нам пришлось расстаться. Прошло много времени, прежде чем я опомнился. Теперь я был уверен, что Минна все еще любит меня. С той самой минуты я почувствовал внутри себя бесконечную энергию и был уверен, что неустанным усердием я смогу подняться в этом мире и показать, что я достоин ее. Я только молил Бога, чтобы она не вышла замуж до того, как я добьюсь независимого положения.

Я работал в маленьком бакалейном магазине в Фюрстенберге пять с половиной лет; первый год у г-на Хольца и потом у его наследника, превосходного г-на Теодора Хюкстедта<sup>19</sup>. Мое занятие состояло в том, чтобы торговать в розницу селедкой, маслом, картофельным виски, молоком, солью, кофе, сахаром, маслом и свечами; я должен был толочь картошку, чтобы гнать из нее виски, подметать магазин и т. п. Наше дело было настолько мелким, что все наши продажи от силы составляли 3 тысячи талеров, то есть 450 фунтов в год; мы считали необыкновенной удачей, когда удавалось в день продать бакалейных товаров больше чем на 2 фунта стерлингов. Конечно, здесь я общался только с нижними классами общества. Я работал с пяти утра до одиннадцати вечера, и у меня не было ни одной свободной минуты на учение. Более того, я быстро позабыл то небольшое, что выучил в детстве. Однако я не утратил любви к учению; в самом деле, я никогда не терял ее, и, пока я жив, я никогда не забуду того вечера, когда в магазин зашел пьяный мельник. Звали его Герман Нидерхеф-

<sup>15</sup> Скончался в 1861 году.

<sup>16</sup> Кандидат Карл Андрес теперь библиотекарь в библиотеке великого герцога и хранитель в музее древностей в Ной-Штрелице.

<sup>17</sup> Скончался в 1836 году.

<sup>18</sup> Г-н Лауэ умер в 1860 году, однако госпожа Лауэ, которой теперь восемьдесят четыре, все еще живет в Ной-Штрелице, где автор недавно встречался с нею.

<sup>19</sup> Т. Хюкстедт умер в 1872 году, однако это мелкое бакалейное дело продолжает его почтенная вдова и ее зять, г-н Мейер.

фер. Он был сыном протестантского священника в Ребеле (Мекленбург) и почти закончил свое обучение в гимназии в Ной-Руппине, откуда его выгнали из-за плохого поведения. Не зная, что делать с ним, отец отдал его в учение к фермеру Лангерману в деревне Дамбек; и, поскольку и там его поведение было отнюдь не образцовым, он снова отдал его в учение на два года к мельнику Деттману в Гюстрове. Недовольный своей судьбой, молодой человек предался пьянству, которое, однако, не заставило его забыть то, что он знал из Гомера; ибо в тот вечер, когда он вошел в магазин, он продекламировал нам примерно сто строк поэта, соблюдая ритмическую каденцию стихов<sup>20</sup>. Хотя я не понимал ни одного слога, мелодичное звучание слов произвело на меня глубокое впечатление, и я стал проливать горькие слезы над своей несчастной судьбой. Три раза я заставил его повторить мне эти божественные стихи, вознаградив его за труды тремя стаканами виски, которые я купил за те несколько монет, что составляли все мое состояние. С той самой минуты я никогда не переставал молить Бога, чтобы Он Своей милостью даровал мне счастье выучить греческий.

Однако казалось, что у меня нет никакой надежды вырваться из того злосчастного и низкого положения, в котором я оказался. И, однако, как бы чудом я вырвался. Подняв слишком тяжелый для меня бочонок, я повредил себе грудь, начал харкать кровью и больше уже не мог работать. В отчаянии я отправился в Гамбург, где мне удалось найти место с ежегодной зарплатой 180 марок, или 9 фунтов стерлингов: сначала в бакалейном магазине Линдемана-младшего на рыбном рынке в Альтоне и потом в магазине Э.Л. Дейке-младшего на углу Мюрета и Маттен-Твите в Гамбурге. Однако поскольку я не мог делать тяжелую работу из-за слабости груди, мои наниматели нашли меня бесполезным; отовсюду меня увольняли, после того как я проработал только восемь дней. Видя невозможность найти место продавца в бакалейном магазине и подталкиваемый необходимостью найти любую работу, какой бы грязной она ни была, просто чтобы заработать себе на жизнь, я попытался найти место на борту корабля, и по рекомендации добрейшего корабельного маклера г-на Й.Ф. Вендта, уроженца Штернберга в Мекленбурге, который в детстве воспитывался с моей покойной матушкой, мне удалось найти место стюарда на борту маленького брига «Доротей», которым командовал капитан Симонсен; владельцами его были купцы Вахсмут и Кроогманн из Гамбурга; направлялся он в Ла-Гуайру в Венесуэле.

Я всегда был беден, но никогда еще не оказывался в такой отчаянной нищете, как в то время; мне даже пришлось продать свое пальто, чтобы купить одеяло. 28 ноября 1841 года мы оставили Гамбург при попутном ветре; однако через несколько часов ветер стал встречным, и, таким образом, нам пришлось простоять три дня в реке Эльбе близ Бланкенезе, пока 1 декабря ветер опять не стал попутным. В тот день мы прошли Куксхавен и вышли в открытое море, однако едва мы добрались до Гельголанда, как ветер снова стал западным и оставался таковым до 12 декабря. Мы постоянно поворачивали на другой галс, однако почти или совсем не продвигались вперед, вплоть до ночи с 11 на 12 декабря, когда мы потерпели крушение во время страшного шторма у берега острова Тексель, на банке, которая называлась De Eilandsche Grond. Избежав бесчисленных опасностей, после того как нас в течение

---

<sup>20</sup> Этому Герману Нидерхефферу теперь шестьдесят шесть лет; он живет довольно благополучно в Ребеле, где автор недавно с ним встретился и сразу узнал его по тому пафосу, с которым он декламировал Гомера, а также и по другим приметам. Родился он в 1813 году, и ему было двадцать четыре года, когда в 1837 году он вошел в магазинчик Эрнеста Людвиг Хольца в Фюрстенберге, где автор был учеником. После этого в течение семи лет (в общем и целом – в течение десяти лет) он оставался мельником-поденщиком, работая во множестве различных мест в Германии. В 1844 году он вернулся к своей семье в Ребель и благодаря влиянию своих родственников получил работу общинного секретаря в Вреденхагене и оставался в этой должности в течение четырех лет, пока в 1848 году магистрат Ребеля не дал ему работу сборщика податей на заставе. Получив эту должность, он немедленно женился на прекрасной женщине, которая заставила его совершенно отказаться от алкогольных напитков, так что он оставался на том же месте в течение тридцати одного года, оставив его только весной 1879 года, когда он ушел на пенсию и поселился в Ребеле. Как ни удивительно, несмотря на все превратности своей полной событиями жизни, он не забыл ни Гомера, ни Вергилия и все еще декламирует их с тем же горячим энтузиазмом, как и сорок три года назад в магазинчике в Фюрстенберге.

девяти часов бросало по воле стихий в крошечной открытой лодке, вся команда, состоявшая из девяти человек, спаслась. Я всегда буду вспоминать с благодарностью Небесам тот радостный момент, когда нашу лодку выбросило прибоем на берег Текселя и все опасности были позади. Я не знал, в какую страну мы попали, но я понял, что это заграница. У меня было такое чувство, как будто бы на этой банке какой-то голос прошептал мне, что в моих земных делах настал прилив и что мне нужно лишь следовать за волной. Моя уверенность подтвердилась, когда в самый день нашего прибытия нашли и подобрали плавающим на волнах мой маленький сундучок, в котором было несколько рубашек и чулок, а также моя записная книжка с рекомендательными письмами в Ла-Гуайру, которые дал мне г-н Вендт – в то время как все мои товарищи и сам капитан потеряли все. Из-за этого странного события меня прозвали Ионой, и так меня называли все время, пока мы оставались на Текселе. Нас любезно приняли там консулы Зондердорп и Рам, которые предложили послать меня вместе с остальной командой через Харлинген обратно в Гамбург. Однако я отказался возвращаться в Германию, где я был так страшно несчастен, и сказал им, что я считаю, что судьба судила мне остаться в Голландии и что я хочу поехать в Амстердам, чтобы записаться там в солдаты, поскольку я был совершенно нищ и в тот момент не знал, как еще я мог бы заработать себе на жизнь. Итак, по моей настоятельной просьбе господ Зондердорп и Рам заплатили 2 гульдена (3 шиллинга 4 пенса) за мой проезд в Амстердам.

Теперь ветер стал южным, и небольшой кораблик, на котором я путешествовал, должен был остановиться на день в городке Энкхойзен, и нам понадобилось не меньше трех дней, чтобы добраться до голландской столицы. При этом переезде я страшно страдал из-за недостатка одежды. Сначала в Амстердаме судьба не улыбалась мне. Началась зима; у меня не было пальто, и я страшно страдал от холода. Мое намерение поступить в солдаты не могло осуществиться так скоро, как я воображал; и те несколько флоринов, которые я собрал в качестве милостыни на острове Тексель и в Энкхойзене, а также те 2 флорина, которые я получил от г-на Квака, мекленбургского консула в Амстердаме, были скоро потрачены в таверне господ Граальман в Рамскее в Амстердаме, где я остановился. Поскольку жить мне было совершенно не на что, я притворился больным, и меня забрали в больницу. Из этого ужасного положения спас меня уже упомянутый любезный корабельный маклер, г-н Вендт<sup>21</sup> из Гамбурга, которому я написал из Текселя, сообщив ему о кораблекрушении и о моем решении искать счастья в Амстердаме. По счастливой случайности он получил мое письмо в тот момент, когда обедал с многочисленной компанией друзей. Рассказ о постигшем меня несчастье возбудил всеобщее сочувствие, и для меня немедленно была организована подписка, в результате которой образовалась сумма 240 флоринов (20 фунтов), которую он послал мне через консула Квака. В то же самое время он рекомендовал меня превосходному генеральному консулу Пруссии в Амстердаме, г-ну В. Хепнеру<sup>22</sup>, который добился для меня места в фирме г-на Ф.К. Квина<sup>23</sup>.

В моем новом положении моя работа состояла в том, что я наклеивал марки гербового сбора на векселя и обналичивал их в городе, а также носил письма с почты и на почту. Это механическое занятие подходило мне, поскольку оно оставляло мне время, чтобы подумать об образовании, которым я до сих пор пренебрегал.

В первую очередь я позаботился о том, чтобы научиться писать разборчиво, и преуспел в этом после двадцати уроков у знаменитого каллиграфа Магне из Брюсселя. После этого, чтобы добиться повышения, я стал изучать современные языки. Моя ежегодная зарплата

<sup>21</sup> Мой благодетель Й.Ф. Вендт скончался в январе 1856 года.

<sup>22</sup> Консул Хепнер умер в 1870 году.

<sup>23</sup> Коммерческий дом Ф.К. Квина все еще существует в Амстердаме под тем же самым названием. Основатель фирмы скончался, но два его сына, Чарльз и Джордж Квины, которые уже были партнерами фирмы в то время, когда автор впервые попал в нее в начале 1842 года, оба еще живы.

составляла только 800 франков (32 фунта), половину из которых я тратил на свои занятия; на другую половину я жил – достаточно бедно, конечно. Моя квартира, которая стоила 8 франков в месяц, представляла собой жалкий чердак без огня, где я дрожал от холода зимой и изнывал от жары летом. Мой завтрак состоял из ржаной каши, и обед никогда не стоил больше 2 пенсов. Однако ничто не подвигает человека к учению сильнее, чем нищета и определенная перспектива вырваться из нее с помощью неустанного труда. Кроме того, желание показать себя достойным Минны создало и развило во мне бесконечную отвагу. Я с необычайным старанием стал изучать английский. Необходимость научила меня способу, который очень облегчает изучение языка. Этот метод состоит в том, чтобы много читать вслух без перевода, брать по уроку в день, постоянно писать сочинения на интересные темы и исправлять их под наблюдением преподавателя, учить их наизусть и повторять на следующем уроке то, что было исправлено днем раньше. Память у меня была плохая, поскольку с детства я не упражнял ее ни на чем; однако я использовал каждую минуту и даже крал время для учения. Чтобы быстро добиться хорошего произношения, я дважды каждое воскресенье ходил в английскую церковь и тихо повторял каждое слово из проповеди священника. Я никогда не ходил по поручениям, даже под дождем, без книги в руке, заучивая что-нибудь наизусть; и я никогда не ждал на почте без чтения. Такими способами я постепенно укрепил свою память, и через три месяца я уже мог без труда прочесть по памяти своему учителю, г-ну Тейлору, на каждом ежедневном уроке, слово в слово, двадцать печатных страниц, прочтя их внимательно три раза. Таким образом я заучил целиком «Векфильдского священника» Голдсмита и «Айвенго» сэра Вальтера Скотта. От перевозбуждения я почти не спал и эти бессонные ночные часы использовал на то, чтобы повторять то, что я прочел предыдущим вечером. Поскольку память всегда гораздо больше сконцентрирована ночью, чем днем, *я нашел, что эти ночные повторения полезны в самой высшей степени.* Таким образом в течение полугода я выучил английский язык в совершенстве.

Затем я применил тот же метод к изучению французского, трудности которого также преодолел за шесть месяцев. Из французских авторов я наизусть выучил целиком «Приключения Телемака» Фенелона и «Поля и Виргинию» Бернардена де Сен-Пьера. Такое непрерывное учение в течение года усилило мою память настолько, что изучение голландского, испанского, итальянского и португальского показалось мне очень легким, и, чтобы начать писать и говорить бегло на каждом из этих языков, мне понадобилось не более шести недель.

То ли от постоянного громкого чтения вслух, то ли от влажного голландского воздуха моя грудная болезнь постепенно исчезла в ходе первого года моего пребывания в Амстердаме и никогда более не возвращалась. Однако моя страсть к учебе заставила меня пренебрегать механической работой в фирме г-на Ф.К. Квина, особенно поскольку я начал считать, что она меня недостойна. Мое начальство не собиралось меня повышать; возможно, они считали, что человек, который не может работать в офисе прислугой, тем самым показывает свою неспособность к какой бы то ни было более высокой должности. Однако наконец, после вмешательства моих достойных друзей, Луи Штолля<sup>24</sup> из Маннхайма и Й.Х. Баллауфа<sup>25</sup> из Бремена, 1 марта 1844 года мне повезло получить работу корреспондента и бухгалтера в фирме г-д Б.Х. Шредера и компании в Амстердаме<sup>26</sup>, которая наняла меня на зарплату 1200 франков (48 фунтов); однако, когда они увидели мое усердие, они, дабы поощрить меня, добавили еще 800 франков в год. Эта щедрость, за которую я всегда буду им благодарен, фактически послужила основанием моего благосостояния; ибо, поскольку я считал, что я

<sup>24</sup> Г-н Л. Штолль до сих пор благополучно проживает в Маннхайме.

<sup>25</sup> Скончался в 1873 году.

<sup>26</sup> Дом Б.Х. Шредера и компании в Амстердаме до сих пор существует и продолжает процветать. Г-н Б.Х. Шредер умер в 1849 году, однако г-н Генри Шредер, тот самый, который лично нанял меня 1 марта 1844 года и уже тогда был партнером фирмы, все еще является одним из ее директоров.

могу стать еще более полезным, если выучу русский, я начал учить и этот язык. Но единственными русскими книгами, которые я смог достать, были старая грамматика, словарь и плохой перевод «Приключений Телемака». Несмотря на все свои усилия, я не смог найти преподавателя русского языка, поскольку, за исключением русского вице-консула, г-на Танненберга, который не согласился бы давать мне уроки, во всем Амстердаме не было никого, кто понимал бы хоть слово на этом языке. Так что я начал учить язык без учителя и с помощью грамматики за несколько дней выучил русские буквы и их произношение. Затем, следуя моему старому методу, я начал писать свои собственные рассказы и учить их наизусть. Поскольку никто не мог поправить мои работы, они, несомненно, были очень плохи; однако в то же самое время я старался исправить свои ошибки практическими занятиями, выучивая русские «Приключения Телемака» наизусть. Мне пришло в голову, что я стану быстрее продвигаться вперед, если у меня будет хоть кто-то, кому я смогу рассказывать о приключениях Телемака; так что за 4 франка в неделю я нанял одного бедного еврея, который должен был приходить каждый вечер на два часа, чтобы слушать мои русские декламации, в которых он не понимал ни слова.

Поскольку полы комнат в обычных домах в Голландии состоят из одинарных досок, люди в нижнем этаже могут слышать то, что говорят на третьем этаже. Таким образом, мои громкие чтения причиняли неудобства другим жильцам, которые жаловались домохозяину, и, изучая русский, я был вынужден дважды менять квартиру. Однако все эти неудобства не уменьшили моего энтузиазма, и через шесть недель я написал свое первое письмо на русском языке г-ну Василию Плотникову, лондонскому агенту крупных торговцев индиго, г-д М., П. и Н. Малютиных<sup>27</sup> в Москве, и оказалось, что я могу свободно беседовать с ним и с русскими купцами Матвеевым и Фроловым, когда они приехали в Амстердам на аукционы индиго. Закончив свое изучение русского языка, я начал серьезно заниматься литературой на языках, которые выучил.

В январе 1846 года мои достойные директора послали меня в качестве своего агента в Санкт-Петербург. Здесь, как и в Москве, в течение первых двух месяцев мои старания увенчивались полным успехом, который далеко превосходил самые горячие ожидания моих нанимателей и мои собственные. Как только я стал необходимым для г-д Б.Х. Шредера и компании в моей новой карьере и таким образом добился практически независимого положения, я поторопился написать другу семьи Майнке, г-ну К.Э. Лауэ в Ной-Штрелиц, описав ему все мои приключения и умоляя его попросить немедленно для меня руки Минны. Однако, к ужасу моему, месяц спустя я получил от него ответ, разбивший мне сердце, – она только что вышла замуж. В то время я считал это разочарование величайшей трагедией, которая только могла постичь меня, и некоторое время я совершенно не мог делать никакую работу и лежал больной в постели. Я постоянно вспоминал все, что произошло между мною и Минной в раннем детстве, все наши сладкие мечты и широкие планы, в окончательном осуществлении которых я теперь видел блестящий шанс для меня; однако как мог я думать о том, чтобы осуществлять их без ее участия? Затем я снова и снова горько обвинял себя за то, что я не попросил ее руки перед отъездом в Санкт-Петербург; но я снова вспоминал, что я не мог сделать этого, не подвергшись насмешкам, поскольку в Амстердаме я был всего лишь клерком, в зависимом положении, подверженный капризу своих нанимателей; кроме того, я отнюдь не был уверен в своем успехе в Санкт-Петербурге, где меня мог ожидать полный провал. Я воображал себе, что ни она не может быть счастлива ни с кем, кроме меня, ни что я не смогу когда-либо жить с другой женой, кроме нее. Почему же судьба оказалась такой жестокой, оторвав ее от меня именно тогда, когда после шестнадцати долгих лет борьбы за то, чтобы приблизиться к ней, я, казалось, наконец преуспел в том, чтобы получить ее? Со

<sup>27</sup> Три брата Малютины уже давно умерли, однако фирма продолжает процветать под тем же названием.

мною и Минной как будто случилось то, что бывает с нами во сне, когда нам снится, что мы преследуем кого-то и никогда не можем догнать его, поскольку, как только мы догоняем его, он снова ускользает от нас. Я думал, что никогда не смогу пережить несчастье потери Минны в качестве спутницы жизни; однако время, которое лечит все раны, наконец исцелило и мою, так что, хотя я годами горевал по ней, все же смог продолжать свои купеческие занятия без дальнейших перерывов.

В мой первый год в Санкт-Петербурге мои действия были уже настолько успешны, что в начале 1847 года я был записан в гильдию, как настоящий купец. Но, несмотря на свои новые функции, я остался в связи с г-дами Б.Х. Шредером и компанией из Амстердама, которые были моими посредниками в течение почти одиннадцати лет. Поскольку в Амстердаме я узнал все об индиго, мои деловые операции были почти исключительно ограничены этим товаром; и, пока мое состояние не превысило 200 тысяч франков (8 тысяч фунтов), я никогда не давал кредит никому, кроме первостатейных купцов. Поэтому сначала я должен был довольствоваться очень небольшими доходами, однако мой бизнес был совершенно безопасным.

Не слыша ничего от моего брата Луи Шлимана, который в начале 1849 года эмигрировал в Калифорнию, я отправился туда весной 1850 года и узнал, что он умер. Таким образом, случилось так, что я был в Калифорнии тогда, когда 4 июля 1850 года она стала штатом, и все, кто жил в ней, тем самым стали натурализованными американцами, я с радостью воспользовался возможностью стать гражданином США.

В конце 1852 года я основал в Москве дочернюю фирму для оптовой торговли индиго, сначала под руководством моего превосходного агента, г-на Алексея Матвеева, и после его кончины – под заведованием его слуги Ющенко, которого я сделал купцом 2-й гильдии, считая, что способный слуга может легко стать хорошим директором, в то время как из директора никогда не получится хорошего слуги.

Поскольку в Санкт-Петербурге я всегда был по горло занят работой, я не мог продолжать там свои лингвистические исследования, и только в 1854 году я смог выучить шведский и польский языки.

Божественное провидение чудесным образом хранило меня, и не однажды лишь случайность спасала меня от очевидно верного разорения. На всю жизнь я запомню утро 4 октября 1854 года. Это было во время Крымской войны. Русские порты были заблокированы, все товары, направлявшиеся в Санкт-Петербург, пришлось везти в прусские порты Мемель или Кенигсберг, а оттуда переправлять по суше. Сотни ящиков с индиго, а также большое количество других товаров было таким образом переправлено г-дами Б.Х. Шредером и компанией в Лондоне<sup>28</sup> и г-дами Б.Х. Шредером и компанией в Амстердаме от моего имени двумя пароходами моим агентам, г-дам Мейеру и компании в Мемеле, чтобы последние послали их по суше в Санкт-Петербург. Я только что вернулся с индиговых аукционов в Амстердаме, чтобы присмотреть за своими товарами в Мемеле, и поздно вечером 3 октября прибыл в «Отель де Прусс» в Кенигсберге, где, выглянув из окна своей спальни на другое утро, я увидел следующую зловещую надпись, выведенную большими золотыми буквами на башне соседних ворот<sup>29</sup>, которые назывались *Das Grune Tor*<sup>30\*</sup>:

---

<sup>28</sup> Дом г-д Д. Генри Шредера и компании в Лондоне и Гамбурге, с которым я имел счастье работать теперь уже в течение тридцати четырех лет, – одна из богатейших и наиболее выдающихся коммерческих фирм в мире. Старший партнер, досточтимый барон Джон Генри фон Шредер, которому теперь девяносто шесть лет, основатель знаменитого благотворительного фонда *Das Schrödersche Stift*, все еще управляет гамбургским отделением; его партнером является весьма способный г-н Фоглер. Лондонский дом управляется досточтимым бароном Д.Г.В. Шредером-младшим и его весьма способными партнерами, г-ном Генри Тиарком и г-ном фон дер Меденом.

<sup>29</sup> Эти ворота были снесены в августе 1864 года в ходе строительных работ, устроенных муниципалитетом для усовершенствования города.

<sup>30\*</sup> Зеленые ворота (*нем.*).

Vultus fortunae variatur imagine lunae,  
Crescit decrescit, constans persistere nescit<sup>31\*</sup>.

Хотя я и не суеверен, эта надпись сильно подействовала на меня, и меня охватило что-то вроде паники, как будто бы надо мною нависло неведомое несчастье. Продолжая свое путешествие в почтовой карете, я с ужасом узнал на первой станции после Тильзита, что днем раньше весь город Мемель поглотил страшный пожар; когда я подъехал к городу, это, увы, слишком хорошо подтвердилось: город напоминал огромное кладбище, из которого почерневшие стены и трубы выступали, как надгробные камни, печальные памятники хрупкости всего земного. Почти в отчаянии я бежал среди дымящихся руин, пытаюсь отыскать г-на Мейера. Наконец я нашел его и спросил, в безопасности ли мои товары; вместо ответа он указал на дымящиеся склады и сказал: «Там они и похоронены». Удар был ужасным: в ходе восьми с половиной лет тяжелой работы в Санкт-Петербурге мне удалось отложить лишь 150 тысяч талеров, то есть 22 500 фунтов, и все это теперь уже было потеряно. Однако, как только я со всей уверенностью осознал, что разорен, мне удалось взять себя в руки. Меня очень утешало то, что у меня не было никаких долгов: это было только самое начало Крымской войны, и, поскольку все дела были очень ненадежны, я покупал только за наличные. Так что я решил, что г-да Б.Х. Шредер и компания в Амстердаме дадут мне кредит, и я был вполне уверен в том, что мне удастся возместить эту потерю с течением времени. Вечером, собираясь уже уезжать в почтовой карете в Санкт-Петербург, я рассказывал о своем несчастье другим пассажирам, когда один из присутствующих внезапно спросил мое имя и, услышав его, воскликнул: «Шлиман – единственный, кто ничего не потерял! Я – главный клерк фирмы «Мейер и компания». Когда прибыли пароходы с его товарами, наши склады были забиты до отказа, и нам пришлось соорудить рядом со складом деревянный барак, в котором вся его собственность лежит в целости и неприкосновенности».

Внезапный переход от глубокой скорби к огромной радости трудно перенести без слез; на несколько минут я решился дара речи. Мне казалось, что это сон: я не мог поверить, что я один невредимым спасся от всеобщего разорения. Но это было именно так. Странно то, что пожар начался на каменном складе фирмы «Мейер и компания», на северном конце города, откуда из-за страшного ветра, который все время дул с севера, пламя быстро распространилось по всему городу; в то время как, под защитой того же самого ветра, деревянный барак остался невредимым, хотя он стоял лишь в нескольких ярдах к северу от склада. Таким образом мои товары сохранились, и я быстро продал их, и очень выгодно, снова и снова оборачивая деньги; я вел крупную торговлю индиго, красильным деревом и военными материалами (селитрой, серой и свинцом); и, поскольку капиталисты боялись вести крупные дела во время Крымской войны, я смог получить значительную прибыль и за год более чем удвоил свой капитал. В моих делах во время Крымской войны мне очень помогли огромный такт и способности моего агента и дорогого друга г-на Изидора Лихтенштейна, старшего партнера в фирме г-д Маркуса Кона и сына в Кенигсберге и его младшего партнера, г-на Людвига Лео, который переправлял мне все мои транзитные товары с поистине поразительной быстротой.

Мое желание выучить греческий всегда было велико, но до Крымской войны я не осмеливался взяться за его изучение, ибо боялся, что этот язык слишком очарует и отвлечет меня от моих коммерческих дел; а во время войны я был так занят работой, что не мог даже читать газеты, не говоря уж о книге. Однако, когда в январе 1856 года первые новости о мире достигли Санкт-Петербурга, я уже не мог сдерживать свое желание учить греческий и немедленно энергично принялся за работу, взяв в качестве преподавателя сначала г-на Николаоса

---

<sup>31\*</sup> Фортуна и луна – суть у двоих одна: Растет и убывает, но прежней не бывает.

Паппадакеса, а потом г-на Теоклетоса Вимпоса; оба были родом из Афин, где последний из них теперь архиепископ. Я снова верно следовал моему старому методу; однако, чтобы быстро приобрести словарный запас в греческом, который показался мне гораздо труднее, чем даже русский, я достал современный греческий перевод «Поля и Виргинии» и тщательно прочел его, сравнивая каждое слово с его эквивалентом во французском оригинале. Когда я закончил этот труд, я знал по меньшей мере половину греческих слов в книге, и, повторив эту операцию, я уже знал их все, или почти все, не теряя ни одной минуты на то, чтобы смотреть в словарь. Таким образом, мне потребовалось не более шести недель, чтобы овладеть трудностями современного греческого, и затем я занялся древнегреческим; за три месяца я выучил этот язык достаточно, чтобы понимать некоторых древних авторов, и особенно Гомера, которого я читал и перечитывал с живейшим энтузиазмом.

Затем я почти два года занимался исключительно литературой Древней Греции; в это время я с любопытством прочел почти всех классических авторов и множество раз – «Илиаду» и «Одиссею». Что касается греческой грамматики, то я выучил только склонения и глаголы и почти не терял своего драгоценного времени на то, чтобы овладеть ее правилами; ибо, когда я увидел, что мальчиков в течение восьми лет утомляют и мучают в школах утомительными правилами грамматики и тем не менее ни один из них не может написать ни буквы на древнегреческом без сотен страшных ошибок, я подумал, что метод, который применяют школьные учителя, должен быть неверен в принципе и что подробное знание греческой грамматики можно приобрести только на практике, – то есть внимательным чтением прозы классиков и заучиванием наизусть избранных мест из них. Следуя этому очень простому методу, я выучил древнегреческий так же, как я учил бы современный язык. Я могу писать на нем очень бегло на любую тему, с которой я знаком, и никогда не смогу забыть его. Я превосходно знаком со всеми его грамматическими правилами, даже не зная, содержатся они в грамматиках или нет; и каждый раз, когда кто-нибудь находит в моем греческом ошибку, я могу доказать, что прав я, просто прочитав вслух пассажи из классиков, где встречаются предложения, употребленные мною<sup>32</sup>.

Между тем мои купеческие дела в Санкт-Петербурге и Москве продолжались с постоянным благоприятием. Я был весьма осторожен в своем бизнесе, и, хотя я получил суровые удары во время страшного коммерческого кризиса 1857 года, они не сильно заделали меня, и даже в этом катастрофическом году мне в конце концов удалось получить некоторую прибыль.

Летом 1858 года я возобновил со своим другом, профессором Людвигом фон Муральтом<sup>33</sup>, в Санкт-Петербурге мое изучение латинского языка, которое прервалось почти на два-

<sup>32</sup> Я с удовольствием услышал от моего досточтимого друга, профессора Рудольфа Вирхова из Берлина, что он выучил классические языки подобным же образом; ибо он написал мне об этом следующее: «До тринадцати лет я брал частные уроки в небольшом городке в Померании. Моим последним учителем там был второй священник, который обычно заставлял меня переводить и писать очень много экспромтом; с другой стороны, он не заставлял меня учить наизусть ни одно грамматическое правило в строгом смысле этого слова. Таким образом, изучение древних языков доставляло мне большое удовольствие, так что я также часто делал переводы для себя, даже когда мне их не задавали. Когда меня послали в гимназию в Кослине, директору так понравился мой латинский, что вплоть до того времени, как я покинул школу, я оставался его любимчиком. С другой стороны, преподаватель греческого, профессор Грибен, который изучал теологию, не мог понять, как человек может делать хорошие греческие переводы, не зная слово в слово грамматику Буттмана, и он открыто обвинял меня в обмане. Даже когда, несмотря на всю его бдительность, профессор не мог уличить меня в каких-либо незаконных уловках, тем не менее он продолжал преследовать меня своей подозрительностью вплоть до моего *examen abiturientis* (выпускной экзамен в школе. – *лат.*). Он экзаменовал меня по греческому тексту Нового Завета, и, когда я успешно выдержал испытание, он заявил собравшимся преподавателям, которые единодушно дали мне положительную оценку, что он должен голосовать против меня, поскольку я не обладаю достаточно зрелой моралью, которая требуется для обучения в университете. К счастью, этот протест остался без последствий. Пройдя экзамен, я засел в своей комнате и выучил итальянский без всякой посторонней помощи».

<sup>33</sup> Профессор фон Муральт ныне проживает в Лозанне (Швейцария).

дцать пять лет. Теперь, когда я знал и современный, и древнегреческий, я нашел латинский язык достаточно легким и вскоре овладел всеми его трудностями.

Таким образом, я настоятельно рекомендую всем директорам колледжей и школ ввести тот метод, которому я следовал; избавиться от жуткого английского произношения греческого, которое не используют нигде вне Англии; сначала заставить детей выучить современный греческий с помощью профессоров-греков и начинать древнегреческий только тогда, когда они смогут бегло говорить и писать на современном языке, что едва ли может занять у них более шести месяцев. Те же самые преподаватели могут преподавать и древний язык, и, следуя моему методу, умные мальчики смогут овладеть всеми его трудностями за год, так что они не только выучат его как живой язык, но смогут и понимать древних классиков, и окажутся способными бегло писать на любую тему, с которой они знакомы.

Это не пустая теория, а факт, который, как известно, упрямая вещь, и к нему следует прислушаться. Жестоко и несправедливо годами навязывать несчастному ученику язык, о котором после окончания школы он, как правило, будет знать едва ли больше, чем знал, когда только начал учить его. Причинами этого жалкого результата, как правило, является своевольное и отвратительное произношение греческого, принятое в Англии; а во-вторых, используемый ошибочный метод, благодаря которому учащиеся привыкают полностью пренебрегать ударениями и считать их просто помехой, в то время как ударения дают огромное подспорье в изучении языка. Как было бы полезно для всеобщего образования и каким огромным стимулом для научных исследований послужило бы, если бы образованные молодые люди в течение восемнадцати месяцев могли полностью овладеть современным греческим и прекраснейшим, божественнейшим и наизвучнейшим языком, на котором говорили Гомер и Платон, и могли бы выучить его, как живой язык, так чтобы никогда не забывать! И как легко и с какими малыми расходами можно было бы произвести эту перемену! В Греции есть множество высокообразованных людей, которые прекрасно знают язык своих предков, вполне знакомы со всеми древнегреческими классиками и с радостью за умеренную плату согласились бы работать в Англии и Америке. Я не могу лучше показать, насколько знание современного греческого помогает ученику овладеть древнегреческим, чем приведу в пример такой факт: в Афинах я видел канцелярских клерков, которые, не чувствуя склонности к коммерции, оставляли банк, садились за учебу и за четыре месяца могли уже понимать Гомера и даже Фукидида.

По моему мнению, латынь следует учить не до, а после греческого.

В 1858 году я решил, что у меня достаточно денег, и пожелал уйти из коммерческой жизни. Я путешествовал по Швеции, Дании, Германии, Италии и Египту, где плавал вверх по Нилу вплоть до Второго порога. Я воспользовался возможностью выучить арабский и потом путешествовал по пустыне из Каира в Иерусалим. Я посетил Петру и объехал всю Сирию; таким образом, у меня была прекрасная возможность приобрести практическое знание арабского, более глубокое изучение которого я продолжил впоследствии в Санкт-Петербурге. Оставив Сирию, я посетил Смирну, Киклады и Афины летом 1859 года и уже собирался отплыть на остров Итаку, когда меня сразила горячка. В то же самое время я получил из Петербурга сообщение, что один купец, г-н Степан Соловьев, который разорился, будучи должным мне большую сумму денег, и с которым я договорился, что он выплатит мне эти деньги за четыре года с помощью ежегодных платежей, не только не сделал первой своей выплаты, но и подал на меня в коммерческий суд. Вследствие этого я спешно вернулся в Санкт-Петербург, и перемена климата исцелила меня от горячки; я быстро выиграл дело. Однако мой противник направил апелляцию в Сенат, где ни один процесс нельзя закончить меньше чем за три с половиной или четыре года; поскольку мое присутствие на месте было необходимо, я снова вернулся к делам, скорее против своей воли и с гораздо большим размахом, чем раньше. Мой импорт с мая по октябрь 1860 года был настолько велик, что составил

сумму 500 тысяч фунтов. Кроме индиго и оливкового масла, я также в 1860 и 1861 годах занимался в основном хлопком, который дал мне большую прибыль, благодаря Гражданской войне в США и блокаде портов южан. Но когда хлопок стал слишком дорог, я оставил его и вместо этого занялся чаем, импорт которого по морю был позволен с мая 1862 года. Мой первый заказ чая к г-дам Д. Генри Шредеру и компании в Лондоне был на 30 ящиков; и когда я с выгодой продал их, я импортировал тысячу, и после 4 тысяч и 6 тысяч ящиков. Я также купил у г-на Й.Э. Гюнцбурга из Санкт-Петербурга, который решил отойти от дел, весь его запас чая по довольно низкой цене и в первые полгода заработал 7 тысяч фунтов на сделках с этим товаром. Однако когда зимою 1862/63 года в Польше разразилось восстание и евреи, пользуясь царившим там беспорядком, начали провозить огромное количество чая в Россию контрабандой, я не мог вынести такой конкуренции, поскольку я-то должен был платить большую пошлину на импорт. Таким образом, я снова ушел из чайной торговли, однако мне понадобилось много времени, чтобы продать с довольно небольшой прибылью те 6 тысяч ящиков, которые оставались у меня на руках. Однако моим основным товаром всегда оставалось индиго, поскольку этот товар я знал хорошо и г-да Джон Генри Шредер и компания в Лондоне всегда любезно предоставляли мне возможность приобрести высококачественный и дешевый товар; кроме того, я импортировал большое количество индиго прямо из Калькутты и никогда не доверял продажу индиго клеркам или слугам, как это делали другие, но всегда стоял на складе сам и показывал и продавал товар лично и оптом торговцам индиго. Так что у меня не было причины бояться конкуренции, и мой чистый доход с этого товара составлял в среднем 10 тысяч фунтов в год с 6 процентами ренты на используемый капитал.

Небо продолжало благословлять все мои купеческие предприятия чудесным образом, так что к концу 1863 года я был владельцем состояния, о котором никогда не осмеливался даже мечтать. Однако среди всей этой бурной коммерческой деятельности я никогда не забывал о Трое или об уговоре раскопать Трою, который я заключил со своим отцом и с Минной в 1830 году. Действительно, я любил деньги – но только как средство осуществления этой великой мечты всей своей жизни. Кроме того, мне пришлось снова заняться делами против моей воли и просто для того, чтобы чем-то заняться и отвлечься, пока продолжался этот утомительный процесс с купцом, который так напал на меня. Итак, когда его апелляция была в конце концов отвергнута Сенатом и я получил от него в декабре 1863 года последнюю уплату, я начал ликвидировать мое дело. Однако перед тем, как посвятить себя целиком археологии и осуществлению мечты всей моей жизни, я захотел еще немного посмотреть мир. Так что в апреле 1864 года я отправился в Тунис, чтобы исследовать руины Карфагена, и оттуда через Египет проследовал в Индию. Я побывал на острове Цейлон, в Мадрасе, Калькутте, Бенаресе, Агре, Лакхнау, Дели, в Гималайских горах, Сингапуре и на острове Ява; два месяца провел в Китае, где я посетил Гонконг, Кантон, Амой, Фучу, Шанхай, Тяньцзинь, Пекин и Великую стену. Затем я отправился в Иокогаму и Эдо в Японии, оттуда пересек Тихий океан на небольшом английском судне и прибыл в Сан-Франциско в Калифорнии. Наше плавание продолжалось пятьдесят дней, которые я употребил на написание своей первой книги – «Китай и Япония»<sup>34</sup> (*La Chine et le Japon*). Из Сан-Франциско я, через Никарагуа, перебрался в Восточные Соединенные Штаты, пропутешествовал через большинство из них, посетил Гавану и город Мехико и весной 1866 года обосновался в Париже, чтобы изучать археологию, отныне уже без всяких перерывов, кроме небольших путешествий в Америку.

<sup>34</sup> *Schliemann H. La Chine et le Japon. Paris: Librairie Centrale, 1866.*

## § II. Первые посещения Итаки, Пелопоннеса и Трои: 1868, 1870

Наконец я мог осуществить мечту всей своей жизни и на досуге посетить места, где происходили те события, которые всегда так сильно интересовали меня, и страну героев, чьи приключения радовали и утешали меня в детстве. Таким образом, в апреле 1868 года я через Рим и Неаполь направился на Корфу, Кефалонию и Итаку. Я тщательно исследовал этот знаменитый остров; однако единственные раскопки, которые я произвел там, были в так называемом замке Улисса, на вершине горы Ээт. Я нашел, что характер местности на Итаке вполне согласуется с описаниями в «Одиссее», и на следующих страницах я еще опишу этот остров более подробно.

После этого я посетил Пелопоннес и, в частности, осмотрел руины Микен, где мне стало ясно, что тот пассаж Павсания<sup>35</sup>, в котором описываются царские гробницы и который теперь стал таким знаменитым, неправильно интерпретировали; и, вопреки общему мнению, этот автор считал, что гробницы находятся не в нижнем городе, но в самом акрополе. Я посетил Афины и из Пирея направился в Дарданеллы, откуда я прибыл в деревню Бунарбаши на южном конце Троянской долины. Бунарбаши вместе со скалистыми вершинами за ним, которые именуются Бали-Даг, до сих пор, в *Новое время*, почти по всеобщему мнению считались местом, где располагался гомеровский Илион; думали, что источники у подножия этой деревни – те самые, о которых писал Гомер<sup>36</sup>, один из которых изливал теплую, другой – холодную воду. Но вместо всего лишь двух источников я нашел их тридцать четыре, и, возможно, их сорок; место, где они находятся, турки называют Кырк-Гоз, то есть «сорок глаз»; более того, я обнаружил, что температура всех источников одинаковая – 17° Цельсия, что равняется 62,6° по Фаренгейту. Вдобавок к этому расстояние от Бунарбаши до Геллеспонта по прямой линии составляет 8 миль, в то время как все указания в «Илиаде», как кажется, доказывают, что расстояние между Илионом и Геллеспонтом было очень кратким и едва превышало 3 мили. Кроме того, было бы невозможно, чтобы Ахиллес преследовал Гектора по долине вокруг стен Трои, если бы Троя стояла на вершине Бунарбаши. Я немедленно убедился в том, что гомеровский город здесь находиться не мог. Тем не менее я хотел исследовать столь важный вопрос с помощью настоящих раскопок и нанял нескольких рабочих, чтобы выкопать ямы в сотне различных мест между сорока источниками и самой высшей точкой холма. Однако у источников, а также в Бунарбаши и в других местах я нашел только чистую девственную землю и на очень небольшой глубине наткнулся на скалу. Лишь на южном конце холма находились какие-то руины, принадлежавшие очень небольшому укреплению, которое я – вместе с ученым археологом, моим другом, г-ном Фрэнком Калвертом<sup>37\*</sup>, вице-консулом США в Дарданеллах, – считаю идентичным с древним городом Гергифой. Здесь покойный австрийский консул, Г. фон Хан<sup>38\*</sup>, производил в мае 1864 года некоторые раскопки в обществе астронома Шмидта из Афин. Оказалось, что в среднем глубина, на которую уходят эти руины, не превышает полутора футов; и фон Хан, как и я, обнаружил только фрагменты эллинской керамики невысокого качества, относящиеся к македонскому времени, и ни одного фрагмента архаической керамики. Стены этой крошечной цитадели, в которой столько светил археологии признавали стены приамовского Пергама, ошибочно называли «циклопическими».

<sup>35</sup> Павсаний. II. 16. 4.

<sup>36</sup> II. XXII. 147—156.

<sup>37\*</sup> К а л в е р т Ф р э н к (1828—1908) – дипломат, археолог-любитель.

<sup>38\*</sup> Х а н Иоганн Георг фон (1811—1869) – путешественник, дипломат, археолог-любитель.

Итак, поскольку Бунарбаши дал отрицательные результаты, я затем осмотрел все возвышенности справа и слева от Троянской долины, однако мои изыскания не принесли никаких плодов, пока я не прибыл на место, где располагался город, именуемый у Страбона Новый Илион<sup>39</sup>, который отстоит лишь на 3 мили от Геллеспонта и полностью соответствует как в этом, так и во всех прочих отношениях топографическим требованиям «Илиады». Особое мое внимание к этому месту привлекло господствующее положение и естественные укрепления холма, именовавшегося Гиссарлык, который образовывал северо-западный угол Нового Илиона и, казалось мне, отмечал место его акрополя, а также приамовский Пергам. Согласно измерениям моего друга, месье Эмиля Бюрнуфа<sup>40\*</sup>, почетного директора Французской школы в Афинах, высота этого холма составляет 49°, 43 метра, или 162 фута, над уровнем моря.

В яме, вырытой здесь в случайном месте двумя крестьянами примерно двадцать пять лет назад, на краю северного склона, в той части холма, что принадлежала двум туркам из Кум-Кале, был найден небольшой клад примерно из 1200 статеров Антиоха III.

Первым современным писателем, идентифицировавшим Гиссарлык с гомеровской Троей, был Макларен<sup>41</sup>. Он показал с помощью самых убедительных аргументов, что Троя никогда не могла находиться на высотах Бунарбаши и что, если она когда-либо существовала, она должна была находиться на месте Гиссарлыка. Однако еще до него доктор Эдв. Дан. Кларк<sup>42</sup> высказывался против Бунарбаши и считал, что гомеровский город находился у деревни Чиблак; эта теория потом была принята П. Баркером Уэббом<sup>43</sup>. Такие весомые авторитеты, как Джордж Грот<sup>44</sup>, Юлиус Браун<sup>45</sup> и Густав фон Экенбрехер<sup>46</sup>, также высказывались в пользу Гиссарлыка. Далее, г-н Фрэнк Калверт, который начал с поддержки теории, помещавшей Трою в Бунарбаши, благодаря аргументам вышеупомянутых авторов, и особенно, судя по всему, Макларена и Баркера Уэбба, перешел на сторону теории «Троя—Гиссарлык» и стал ее горячим защитником. Калверт владеет почти половиною Гиссарлыка, и в двух маленьких рвах, которые он выкопал на принадлежащей ему земле, перед моим визитом ему удалось обнаружить некоторые остатки македонского и римского периода, а также часть стены эллинской кладки, которая, согласно Плутарху (в его жизнеописании Александра), была построена Лисимахом. Я немедленно решил начать здесь раскопки и объявил об этом намерении в книге «Итака, Пелопоннес и Троя» (*Ithaque, le Péloponnèse et Troie*), которую я опубликовал в конце 1868 года<sup>47</sup>. Когда я послал экземпляр этой работы вместе с диссертацией на древнегреческом в университет Росток, это ученое учреждение почтило меня дипломом доктора философии. С неустанным усердием я с тех пор стараюсь показать себя достойным оказанной мне чести.

В вышеозначенной книге я упомянул (гл. 2), что, согласно моей интерпретации пассажа Павсания (II. 16. § 4), в котором он говорит о микенских гробницах, царские гробницы надо искать в самом акрополе, а не в нижнем городе. Поскольку эта моя интерпретация противо-

<sup>39</sup> Или, используя его точное выражение, «нынешний Илион», Илион его времени, τ# νυν #λιον, # νυν πόλις, τ# σημεριν#ν #λιον.

<sup>40\*</sup> Б ю р н у ф Э м и л ь-Луи (1821—1907) – французский филолог и религиовед.

<sup>41</sup> *Maclaren Ch. Observations on the Topography of the Plain of Troy. Edinburgh, 1822; The Plain of Troy described. Edinburgh, 1863.* (Макларен Чарльз (1782—1866) – шотландский журналист и историк. – *Ред.*)

<sup>42</sup> *Clark E.D. Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. London, 1812.*

<sup>43</sup> *Webb P.B. Topographie de la Troade. Paris, 1844.* (Уэбб, Филип Баркер (1793—1854) – английский ботаник. – *Ред.*)

<sup>44</sup> *Grote G. History of Greece. 4th ed. London, 1872. I. P. 305, 306.*

<sup>45</sup> *Braun J. Geschichte der Kunst in ihrem Entwicklungsgange. Wiesbaden, 1856 и Homer und sein Zeitalter. Heidelberg, 1856—1858. II. S. 206—274.*

<sup>46</sup> *Eckenbrecher G. Die Lage des Homerischen Troja. Dsseldorf, 1875.*

<sup>47</sup> Опубликовано по-французски (C. Reinwald, 15 rue des Saints Pères, Paris) и по-немецки (F.A. Brockhaus, Leipzig).

речила мнению всех других ученых, она в то время была отвергнута; однако, когда в 1876 году я обнаружил эти погребения с их великими сокровищами на том самом месте, которое я указал, оказалось, видимо, что не правы были мои критики, а не я.

Обстоятельства вынудили меня пробыть почти весь 1869 год в США, и только в апреле 1870 года я смог вернуться в Гиссарлык и произвести предварительные раскопки, чтобы проверить глубину, на которую простирался культурный слой (*artificial soil*). Я делал раскопки на северо-западном углу, там, где величина холма значительно возростала и где, соответственно, скопление руин эллинского периода было очень большим. Здесь, только углубившись на 16 футов ниже поверхности, я обнаружил стену из огромных камней толщиной  $6\frac{1}{2}$  фута, которая, как показали мои позднейшие раскопки, принадлежала башне македонской эпохи.

### § III. Первый год работы в Гиссарлыке: 1871

Чтобы произвести более обширные раскопки, мне нужен был фирман от Блистательной Порты, который я получил только в сентябре 1871 года благодаря любезному содействию моих друзей, дипломатического представителя США в Константинополе, г-на Уэйна Маквея, и покойного драгомана посольства США, г-на Джона П. Брауна.

Наконец, 27 сентября я отправился к Дарданеллам вместе со своей женой, Софией Шлиман, которая является уроженкой Афин и горячей почитательницей Гомера и которая с жизнерадостным энтузиазмом присоединилась ко мне в осуществлении той великой задачи, которую примерно полвека назад я в своей детской простоте обещал осуществить своему отцу и которую планировал вместе с Минной. Однако на нашем пути вставали постоянные помехи со стороны турецких властей, и лишь 11 октября мы наконец смогли фактически начать нашу работу. Поскольку у нас не было никакого другого крова, нам пришлось поселиться в соседней турецкой деревне Чиблак, в миле с четвертью от Гиссарлыка. Проработав в среднем с восьмьюдесятью рабочими в день до 24 ноября, мы были вынуждены прекратить раскопки на зиму. Однако за это время мы смогли выкопать большую траншею на поверхности крутого северного склона и углубиться на 33 фута под поверхность холма.

Сначала мы обнаружили здесь остатки позднего эолийского Илиона, которые, в среднем, достигали глубины  $6\frac{1}{2}$  фута. К несчастью, нам пришлось разрушить фундамент здания длиной 59 футов и шириной 43 из больших обработанных камней, судя по надписям, найденным в здании или близ него (они будут приведены в главе о греческом Илионе), очевидно, представляло собой булевтерий, или Дом Сената. Под этими эллинскими руинами на глубине около 13 футов руины состояли из нескольких камней и кое-какой очень грубо сработанной вручную керамики. Под этим слоем я нашел большое количество стен домов из необработанных камней, цементированных землей, и в первый раз обнаружил огромное количество каменных орудий и жерновов, а также еще больше грубой керамики ручной работы. На глубине примерно от 20 до 30 футов мы не обнаружили ничего, кроме обугленных руин, огромные массы высушенных на солнце или слегка обожженных кирпичей и стен домов из них, много жерновов, но меньше каменных орудий других видов и керамику, сделанную вручную, но гораздо более качественно. На глубине 30 футов и 33 фута мы нашли фрагменты стен домов из больших камней; многие из них были грубо обтесаны; мы также нашли большое количество огромных блоков. Эти камни из стен домов выглядели так, как будто их отделило друг от друга страшное землетрясение. Мои рабочие инструменты для раскопок были весьма несовершенны; мне приходилось работать с одними мотыгами, деревянными лопатами, корзинами и восемью тачками.

## § IV. Второй год работы в Гиссарлыке: 1872

Я вернулся в Гиссарлык с женой в конце марта 1872 года и возобновил раскопки со 100 рабочими. Но вскоре я смог увеличить число моих рабочих до 130, и часто у меня работало даже до 150 человек. Теперь я был хорошо подготовлен к работе, поскольку мои дорогие друзья г-да Джон Генри Шредер и компания в Лондоне снабдили меня самыми лучшими английскими тачками, мотыгами и лопатами, а также прислали трех надсмотрщиков и инженера, г-на А. Лорана, чтобы сделать карты и планы. Последний получал ежемесячно 20 фунтов, надсмотрщики – 6 фунтов каждый и мой слуга – 7 фунтов 4 шиллинга; в то время как ежедневная заработная плата моих обычных рабочих составляла 1 франк 80 сантимов, или около 18 пенсов. Теперь я построил на холме Гиссарлык деревянный дом с тремя комнатами и складом, кухней и т. п. и покрыл здания водонепроницаемым войлоком, чтобы защитить их от дождя.

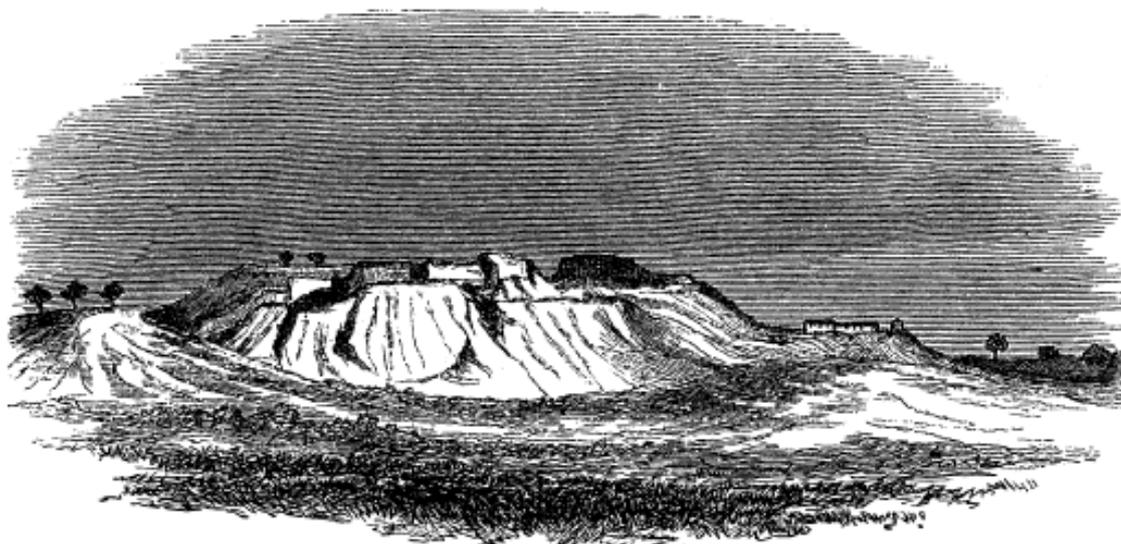


Рис. 1. Вид на Трою с Кум-Кея в июне 1879 г.

На крутом северном склоне Гиссарлыка, который поднимается под углом  $45^\circ$  на глубине  $46\frac{1}{2}$  фута по перпендикуляру к поверхности, я выкопал платформу шириной 233 фута; там я обнаружил огромное количество ядовитых змей; среди них весьма многочисленные экземпляры маленькой черной гадюки, которую называют antelion ( $\acute{\alpha}\nu\tau\acute{\eta}\lambda\iota\omicron\nu$ ): она лишь чуть толще земляного червя и получила свое название от народного поверья, что человек, которого она укусила, доживает только до заката.

Впервые я наткнулся на скалу на глубине около 53 метров под поверхностью холма и обнаружил, что низшая часть культурного слоя состоит из очень компактных руин домов, твердых как камень, и стен из небольших кусков необработанного или очень грубо обтесанного известняка, сложенных так, что соединение между двумя камнями в нижнем слое было всегда покрыто камнем в слое над ним. За этим нижним слоем следовали стены домов из больших известняковых блоков, чаще всего необработанных, но нередко и грубо обтесанных приблизительно в форме параллелепипеда. Иногда я обнаруживал большие массы таких массивных блоков, которые плотно лежали друг на друге и выглядели как разрушенные стены какого-то большого здания. Следов большого пожара не было, как в слое зданий, построенных из больших камней, так и в нижнем слое руин; в самом деле, многочисленные ракушки, обнаруженные в этих двух нижних слоях, совершенно не пострадали, что вполне

доказывает, что они не подвергались воздействию сильного жара. В этих двух нижних слоях я нашел те же каменные орудия, что и раньше, но керамика была другая. Керамика также отличалась от керамики в верхних слоях.

Поскольку раскопки большой платформы на северной стороне Гиссарлыка продолжались довольно медленно, 1 мая я заложил вторую большую траншею с южной стороны; однако, поскольку склон здесь был не очень крутым, мне пришлось дать ей угол наклона 14°. Здесь близ поверхности я обнаружил небольшой аккуратный бастион, состоявший из больших блоков известняка, который может быть датирован эпохой Лисимаха. Южная часть Гиссарлыка была образована в основном руинами позднейшего, или Нового, Илиона, и поэтому греческие древности обнаруживаются здесь на гораздо большей глубине, чем на вершине холма.

Поскольку моей целью было раскопать Трою, которую я ожидал найти в одном из нижних городов, я был вынужден уничтожить многие интересные руины в верхних слоях; так, например, на глубине 20 футов под поверхностью руины доисторического здания 10 футов вышиной, стены которого состояли из обтесанных блоков известняка, совершенно гладких и цементированных глиной. Это здание, очевидно, принадлежало к четвертому из огромных слоев руин (считая от материка); и если, в чем нельзя сомневаться, каждый слой представляет собой руины отдельного города, оно принадлежало к четвертому городу. Оно стояло на обугленных кирпичях и других руинах третьего города<sup>48</sup>; последний был, очевидно, отмечен руинами четырех разных домов, которые следовали на этом месте один за другим; самый нижний был основан на остатках стен или просто камнях, относившихся ко второму городу. Я также был вынужден уничтожить небольшую канаву, выложенную зеленым песчаником шириной 8 дюймов и глубиной 7, которую я обнаружил на глубине около 36 футов под поверхностью и которая, возможно, служила сточной канавой в каком-то доме.

С согласия г-на Фрэнка Калверта я также начал 20 июня с помощью семидесяти рабочих раскопки на его поле на северной стороне Гиссарлыка<sup>49</sup>, где, рядом с моей большой платформой и на глубине 40 футов по перпендикуляру под плоскостью холма, я выкопал на его склоне другую платформу, шириной примерно 109 футов, с верхней террасой и боковыми галереями, чтобы облегчить срытие руин. Как только я начал работу, мы наткнулись на мраморный триглиф с великолепной метопой, изображающей Феба Аполлона и четырех коней Солнца<sup>50</sup>. Этот триглиф, а также несколько барабанов дорических колонн, которые я обнаружил здесь, не оставляли никаких сомнений в том, что здесь некогда существовал храм Аполлона, построенный в дорическом ордере, который, однако, был настолько разрушен, что я не обнаружил ни единого камня фундамента *in situ*.

Стена построена из больших блоков, соединенных с маленькими; ряды камней наклонены и, видимо, следуют углу наклона древней почвы. Стена А еще древнее; это *abaturus*, или поддерживающая стена; она должна была поддерживать склон холма.

<sup>48</sup> В моей предыдущей работе, «Троя и ее остатки» (Trois and its Remains), было сказано, что сожженный город, который я считал Илионом Гомера, является *вторым* от материка. Причины, по которым я теперь считаю его *третьим*, я назову в нужном месте.

<sup>49</sup> См. большую траншею, помеченную V, на северной стороне справа от пункта С на плане I (план Трои). Планы и карту Трои см. в кн. 2.

<sup>50</sup> См. рисунок и описание в главе о греческом Илионе.

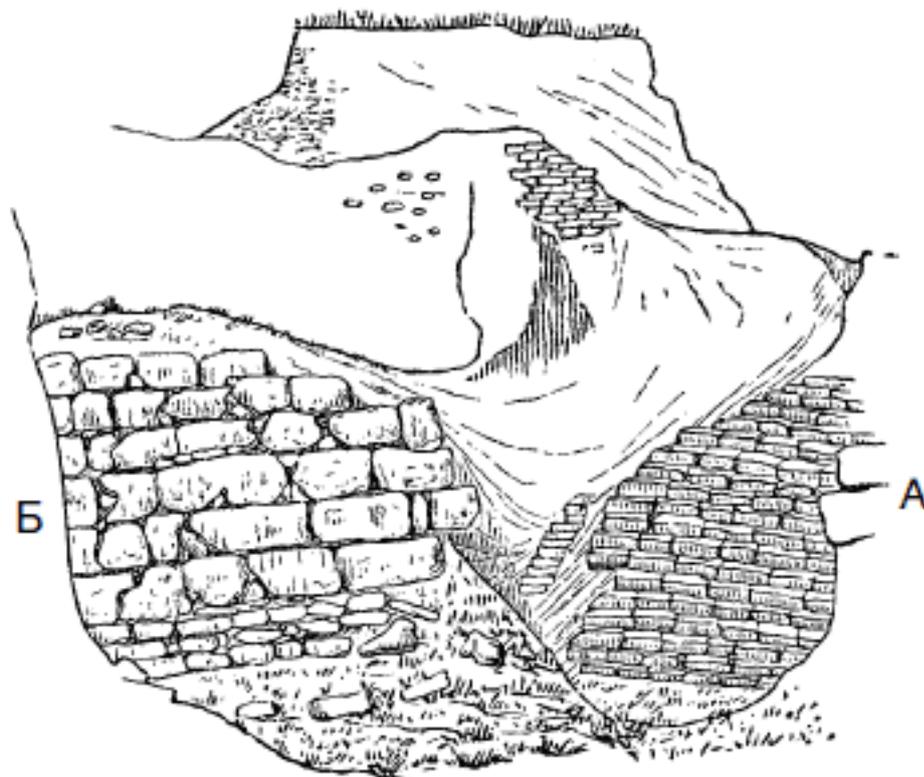


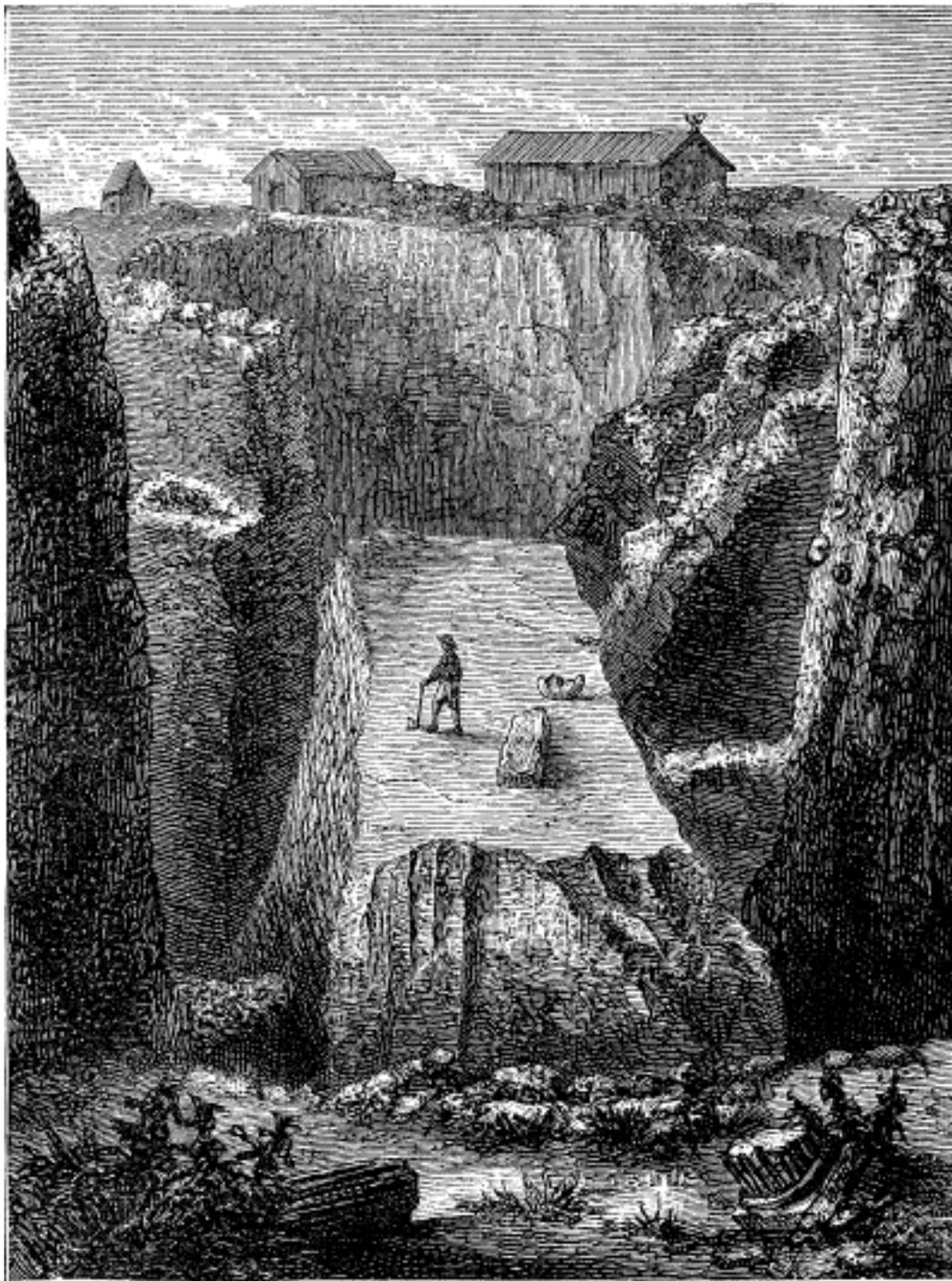
Рис. 2. Вид спереди на стены, относящиеся к первому и второму городам

Когда я выкопал эту платформу на расстояние 82 фута в глубину холма, понял, что начал ее по меньшей мере на  $16\frac{1}{2}$  фута выше, чем следовало, и вследствие этого я забросил ее, удовлетвовавшись тем, что вырыл в центре ее траншею шириной 26 футов вверху и 13 футов шириной на дне<sup>51</sup>. На расстоянии 131 фута от склона холма я нашел большую стену высотой 10 футов и толщиной  $6\frac{1}{2}$  фута (см. рис. 2B), вершина которой находилась только на 34 фута ниже поверхности. Она построена в так называемой циклопической манере – из больших блоков, соединенных с маленькими; некогда она была гораздо выше, как, видимо, доказывает множество камней, лежащих рядом с нею. Она, очевидно, принадлежала к городу, построенному из больших камней, второму от материка. На глубине 6 футов под этой стеной я нашел поддерживающую стену из более мелких камней (см. рис. 2A), которая поднималась под углом  $45^\circ$ . Эта последняя, конечно, должна была быть гораздо древнее первой: она, очевидно, служила для того, чтобы удерживать склон холма, и, несомненно, доказывает, что со времени ее постройки холм вырос на 131 фут в ширину и 34 фута в высоту. Мой друг профессор А.Г. Сэйс<sup>52\*</sup> был первым, кто указал, что эта стена А построена точно в том же стиле, что и стены домов первого и самого нижнего города: соединение между двумя камнями в нижнем слое всегда покрыто третьим камнем в верхнем. Соответственно, соглашаясь с ним, я, без сомнения, отношу эту стену к первому городу. Руины нижнего слоя были тверды как камень, и мне было очень трудно раскапывать их обычным способом; мне было легче подрываться под них, пробиваясь через них по вертикали; с помощью лебедок и огромных железных рычагов (примерно 10 футов длиной и 6 дюймов в обхвате) мне удалось расшатать их и таким образом разбить на фрагменты высотой 16 футов, шириной 16 и толщиной 10 футов. Однако я нашел такой способ раскопок очень опасным, поскольку двое рабочих

<sup>51</sup> См. эту траншею, помеченную W, в центре большой траншеи V справа от точки С на плане I (план Трои).

<sup>52\*</sup> Сэйс Арчибальд Генри (1845—1933) – английский филолог и ассириолог.

оказались под массой руин объемом 2560 кубических футов, и спаслись лишь чудом. После этого происшествия я отказался от идеи прокопаться через большую платформу шириной 233 футов по всей длине холма и решил сначала выкопать траншею шириной 98 футов вверху и 65 футов у дна<sup>53</sup>.



*Рис. 3.* Большая башня Илиона: вид с юго-востока. Верх находится на 8 метров (26 футов) ниже поверхности холма; основание стоит на скале 14 метров (46<sup>1</sup>/<sub>2</sub> фута) глубиной; высота башни составляла 20 футов

<sup>53</sup> См. рис. 4, справа, а также план III (в разрезе) в конце этой книги. Буквами X—Y на этом плане помечена восточная сторона этой большой траншеи, которая обозначена теми же самыми буквами на плане I (план Трой).

Поскольку большие масштабы моих раскопок делали для меня необходимым работать не менее чем с 120–150 рабочими, 1 июня я был вынужден, ввиду начала сезона жатвы, увеличить поденную плату до 2 франков. Но даже это не позволило бы мне набрать достаточное число людей, если бы покойный г-н Макс Мюллер, германский консул в Галлиполи, не прислал мне 40 рабочих оттуда. Однако после 1 июля я легко мог получить 150 рабочих на постоянной основе. Благодаря любезности г-на Чарльза Куксона, английского консула в Константинополе, я достал 10 ручных тележек, которые везли два человека и толкал третий. Таким образом, у меня было для работы 10 ручных тележек и 88 тачек; вдобавок к этому я держал 6 повозок с лошадьми, каждая из которых стоила 5 франков, или 4 шиллинга в день, так что общая стоимость моих раскопок доходила до более чем 400 франков (16 фунтов) в день. Помимо винтовых домкратов, цепей и лебедок, мои инструменты состояли из 24 больших железных рычагов, 108 лопат и 103 мотыг, все – лучшего английского производства. У меня было три бригадира, и моя жена и я сами присутствовали на раскопках от рассвета до заката; однако наши трудности постоянно возрастали, поскольку ежедневно расстояние, на которое мы должны были отвозить мусор и щебенку, увеличивалось. Кроме того, постоянный сильный ветер с севера бросал нам в глаза ослепляющую пыль, что было крайне неудобно.

На южной стороне холма из-за небольшого естественного склона мне пришлось проложить свою большую траншею с наклоном  $76^\circ$ . Здесь я обнаружил на расстоянии 197 футов от начала траншеи большую массу каменной кладки, представлявшую собой две отдельных стены, каждая примерно 15 футов шириной, построенные близко друг к другу и заложённые на скале на глубине  $46\frac{1}{2}$  фута ниже поверхности. Высота обеих составляет 20 футов; поверхность внешней стены на южной стороне имеет угол наклона  $15^\circ$ , а на северной стороне – вертикальна. Внутренняя стена имеет угол наклона  $45^\circ$  на южной стороне, которая находится напротив северной стороны внешней стены. Таким образом, между двумя стенами пролегает глубокая впадина. Внешняя стена построена из небольших камней, сцементированных глиной, однако она не состоит из сплошной каменной кладки. Внутренняя стена построена из больших необработанных кусков известняка; на северной стороне сплошной камень доходит только до глубины около 4 футов; здесь стена опирается на нечто вроде вала шириной  $65\frac{1}{2}$  фута и высотой  $16\frac{1}{2}$  фута, который отчасти состоит из известняка, который пришлось снять, надо было сровнять скалу для того, чтобы построить на ней стену. Эти две стены наверху совершенно плоские и никогда не были выше; длина их составляет 140 футов, общая ширина 40 футов с востока и 30 футов на западном конце. Остатки кирпичных стен и массы разбитых кирпичей, керамики, пряслиц, каменных орудий, жерновов и т. д., которыми они были покрыты, судя по всему, говорят о том, что стены использовались жителями третьего, или сожженного, города, как и основания Большой башни; итак, чтобы избежать недопонимания, я буду называть в данной работе эти стены Большой башней, хотя, возможно, первоначально строители предназначали их и для иной цели. Рис. 3 схематично показывает две стены так, как они выглядели тогда, когда были впервые обнаружены и когда они все еще казались сплошной массой кладки. Гораздо лучший вид на эти две больших стены дает рис. 144.

## § V. Третий год работы в Гиссарлыке: 1873

Я прекратил раскопки 14 августа 1872 года и возобновил свою деятельность в обществе своей жены 1 февраля следующего года. Предыдущей осенью рядом с нашими двумя деревянными бараками мы построили себе дом из камней, обнаруженных в ходе моих раскопок, и сделали стены толщиной 2 фута<sup>54</sup>; однако нам пришлось поселить в нем наших бригадиров, поскольку у них было недостаточно одеял и покрывал, и иначе они просто пропали бы от страшного зимнего холода. Поэтому бедная моя жена и я очень страдали, поскольку ледяной северный ветер (заставлявший вспомнить о частых упоминаниях порывов Борея у Гомера) так яростно дул через щели в стенах нашего дома, которые были сделаны из досок, что вечером мы даже не могли зажечь лампы, и, хотя в очаге у нас и был огонь, термометр показывал  $-4^{\circ}$  по Реомюру, или  $23^{\circ}$  по Фаренгейту, так что вода, которая стояла рядом с очагом, замерзала в сплошную массу льда. Днем мы хоть как-то могли терпеть холод, работая на раскопках, однако вечерами ничто не согревало нас, кроме нашего энтузиазма от великой работы – открытия Трои<sup>55</sup>.

Однажды мы просто каким-то чудом едва не сгорели заживо. Камни нашего очага лежали просто на досках пола, и то ли через трещину в цементе между камнями, то ли по какой-то другой причине, но однажды ночью огонь перекинулся на пол, и он загорелся; когда случайно в три часа ночи я проснулся – увидел, что большая часть пола горит. Комната наполнилась густым дымом, и северная стена уже начала гореть; нескольких секунд было бы достаточно, чтобы в ней прогорело отверстие, и тогда весь дом загорелся бы меньше чем за минуты, поскольку с той стороны дул сильный северный ветер. Однако я не потерял присутствия духа. Вылив содержимое ванны на горящую стену, я немедленно остановил огонь в том направлении. Наши крики разбудили рабочего, который спал в соседней комнате, и он позвал бригадиров из каменного дома нам на помощь. Не теряя ни минуты, они схватили молотки, железные рычаги и мотыги; они разбили пол, разобрали его на куски и набросали на него кучи мокрой земли, поскольку воды у нас не было. Однако, поскольку нижние бревна горели во многих местах, прошло четверть часа, прежде чем мы потушили огонь и опасность миновала.

Первые три недели у меня было в среднем только 100 рабочих, однако 24 февраля нам удалось увеличить их число до 158 и позднее до 160; таким оставалось среднее число наших рабочих вплоть до самого конца.

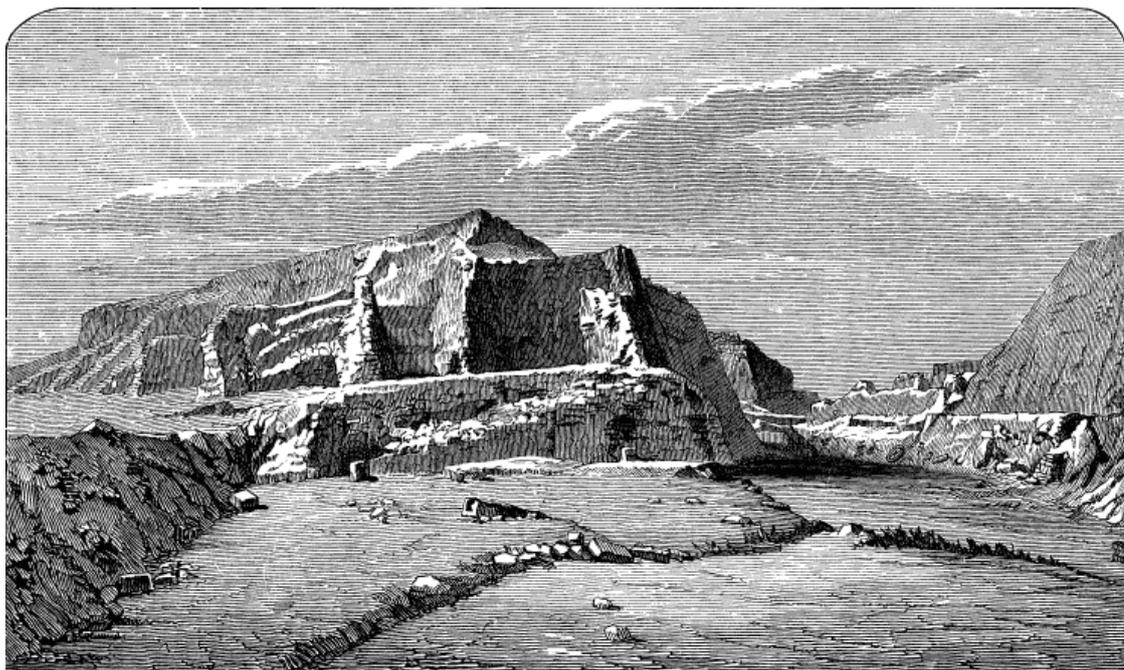
Кроме продолжения раскопок на северной стороне на поле г-на Фрэнка Калверта, я открыл другую траншею шириной  $42\frac{1}{2}$  фута на той же стороне, на восточном конце большой платформы<sup>56</sup>, на которую я должен был бросать основную часть выработанного мусора, поскольку трудно было бы относить его на отдаленное расстояние. Кроме того, я копал в северо-западном направлении из юго-восточного угла древнего города<sup>57</sup>.

<sup>54</sup> См. рис. 9, дом справа, изображенный также на рис. 10, слева – это один из деревянных домов, перемещенных туда.

<sup>55</sup> Ради удобства в ходе всей этой работы я буду использовать название Троя, которое в особенности используется для обозначения сожженного города, третьего по счету от материка, – каково бы ни было имя, которое в конечном счете даст этому городу ученый мир.

<sup>56</sup> См. рис. 4 слева и на плане I (план Трои) буквы P—P к югу от точки C.

<sup>57</sup> См. на плане I (план Трои) траншею Z—Z и на плане IV (в разрезе) точки Z—Z.



*Рис. 4.* Троянские здания на северной стороне. Справа – большая траншея, которая проходит через весь холм, – вид на раскопки в июне 1873 г. В начале траншеи, справа и слева, видимая часть большой внешней стены

Поскольку в этой точке холм был очень пологим, мне пришлось дать новой траншее значительный угол наклона, однако мы смогли сделать восемь боковых проходов для выемки отвалов. Опыт показал, что масса драгоценного времени была потеряна на разборку земляного вала длинными железными рычагами с помощью молотов и что гораздо полезнее и менее опасным для рабочих было всегда оставлять земляной вал под восходящим углом  $55^\circ$ , поскольку тогда они смогут копать так, как этого требуют обстоятельства, и вынимать мусор из-под мотыг.

В этой новой траншее мне сначала пришлось пробиться через стену толщиной 10 футов, состоящую из больших блоков мрамора, большинство из которых были барабанами коринфских колонн, сцементированных известью; затем мне пришлось пробиться через стену Лисимаха, которая также имела толщину 10 футов и была построена из больших обтесанных камней. Кроме того, нам пришлось пробиться через две троянских стены – первая толщиной 5 с четвертью футов, вторая – 10; обе они состояли из камней, сцементированных землей<sup>58</sup>. Производя эти раскопки, я обнаружил большое количество крупных глиняных винных кувшинов (пифосов) высотой от  $3\frac{1}{3}$  до  $6\frac{2}{3}$  фута и шириной от 2 до 4 футов, а также многочисленные барабаны коринфских колонн и другие скульптурные блоки мрамора. Все эти мраморы, видимо, принадлежали зданиям эллинского времени, южную стену которых я открыл на расстоянии  $285\frac{1}{2}$  фута<sup>59</sup>. Сначала эта стена состоит из небольших камней, соединенных цементом, и покоится на хорошо обтесанных блоках известняка; далее она состоит только из кладки второго типа. Направление стены (и поэтому – всего здания) – на восточно-юго-восток.

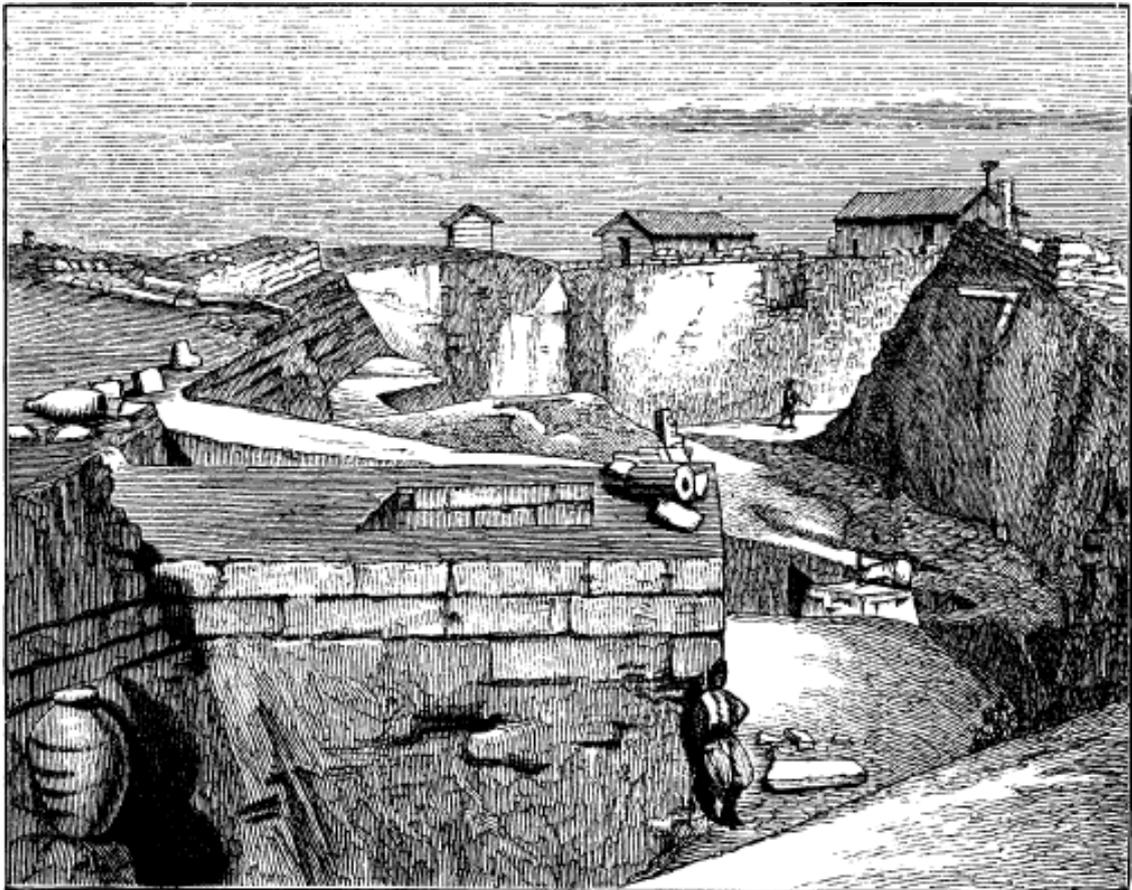
<sup>58</sup> См. на плане I (план Трои) траншеею Z—Z и на плане IV (в разрезе) точки Z—Z.

<sup>59</sup> См. план IV (разрез), линия Z—Z и план I (план Трои) под теми же буквами.

Среди руин я обнаружил три надписи<sup>60</sup>, в одной из которых говорится, что она была поставлена в #ερόν – то есть в святилище, и это не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о храме илионской Афины, Богини-Градодержицы, поскольку только это святилище могло быть названо просто «святилище» из-за его размера и важности, которая превосходила все храмы Нового Илиона.

Фундамент храма нигде не достигал глубины больше чем  $6\frac{1}{2}$  фута. Пол, состоявший из больших известняковых плит, покоившихся на двойном слое обтесанных блоков из того же материала, нередко был покрыт всего лишь футом земли, и никогда не более чем  $3\frac{1}{4}$  фута ее. Это объясняет полное отсутствие целых скульптур; ибо, какие бы скульптуры ни стояли в храме или на храме, они не могли погрузиться в почву на вершине холма, когда здание было разрушено, и, таким образом, оставались на поверхности в течение многих веков, пока их не разбили – от религиозного ли усердия или просто из чисто хулиганских побуждений. Поэтому мы легко можем объяснить огромную массу фрагментов статуй, которые покрывают весь холм. Чтобы откопать саму Трою, мне пришлось пожертвовать руинами этого храма, из которых я оставил только некоторые части северной и южной стен<sup>61</sup>.

Прямо под южной стеной храма я обнаружил остатки небольшого круглого погреба диаметром  $3\frac{1}{2}$  фута и высотой около  $2\frac{1}{2}$  фута, который стоял под фундаментом и, следовательно, был древнее, чем сам храм. Он был построен из мела и камней, однако внутренняя его сторона была покрыта штукатуркой из чего-то вроде лака или глазури и казалась глянцевой на вид. Этот маленький подвал был заполнен фрагментами греческих терракот, среди которых, однако, я нашел шесть почти целых небольших ваз.



<sup>60</sup> Они будут приведены в главе о греческом Илионе.

<sup>61</sup> См. рис. 5, 7, а также план IV (в разрезе), точки Z—Z в верхнем ряду, помеченном U.

*Рис. 5. Раскопки перед храмом Афины. Вид с востока. Вид на раскопки в апреле 1873 г.*

Под храмом, на глубине от 23 до 26 футов под поверхностью, я обнаружил дом с восемью или девятью комнатами<sup>62</sup>; стены его состояли из небольших камней, сцементированных землей, толщиной от  $19\frac{2}{3}$  до  $25\frac{1}{2}$  дюйма. Многие из этих стен были 10 футов в высоту, и на некоторых из них можно было видеть большие куски штукатурки из желтой или белой глины. В большинстве комнат полы были деревянные; только в одной я обнаружил пол из необтесанных плит известняка.

Около дома, а также в его более обширных комнатах я нашел большое количество человеческих костей, но только два скелета, которые, видимо, были скелетами воинов, поскольку они были найдены на глубине 23 фута с фрагментами шлемов на головах или около них. К несчастью, фрагменты были так малы и подверглись такой коррозии, что шлемы нельзя было собрать снова; однако их верхние части (φάλοι) сохранились хорошо, и их рисунок будет приведен в нужном месте. Мой досточтимый друг, профессор Рудольф Вирхов из Берлина, любезно сделал точные рисунки этих черепов, которые будут приведены в главе о третьем, сожженном городе, вместе с его очерком о нем. Около одного из этих скелетов я нашел большой наконечник копья, рисунок которого я также приведу.

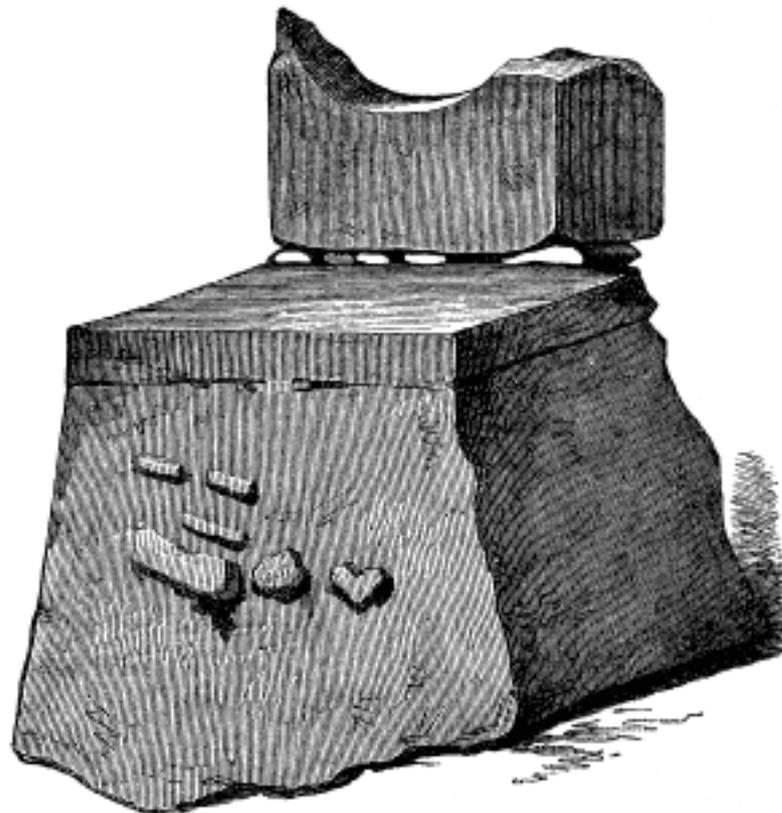
Количество керамики, обнаруженной в доме и вокруг него, было действительно огромным. Заслуживает особого упоминания то, что, когда был построен храм Афины, место, на котором он стоял, было искусственно разровнено и значительная часть его была скрыта. Это доказывается обгорелыми руинами сожженного города, которые были обнаружены непосредственно под фундаментами храма, в то время как в других местах между эллинским и сожженным городом есть два отчетливых отдельных слоя руин.

На восточной стороне дома был жертвенный алтарь очень примитивного вида, который был повернут на северо-западо-запад и состоял из куска сланцевого гранита длиной около  $5\frac{1}{4}$  фута и шириной  $5\frac{1}{2}$  фута<sup>63</sup>. Верхняя часть камня была вырезана в форме полумесяца, возможно чтобы облегчить забой жертвенного животного. Примерно в 4 футах ниже жертвенного алтаря я обнаружил канавку из плит зеленого сланца, которая, возможно, служила для отвода крови. Алтарь стоял на пьедестале из лишь слегка обожженных кирпичей и был окружен огромным количеством подобных же кирпичей и угля на высоту до 10 футов. Как жертвенный камень, так и пьедестал были покрыты коркой белой глины, которая на пьедестале была почти в дюйм толщиной.

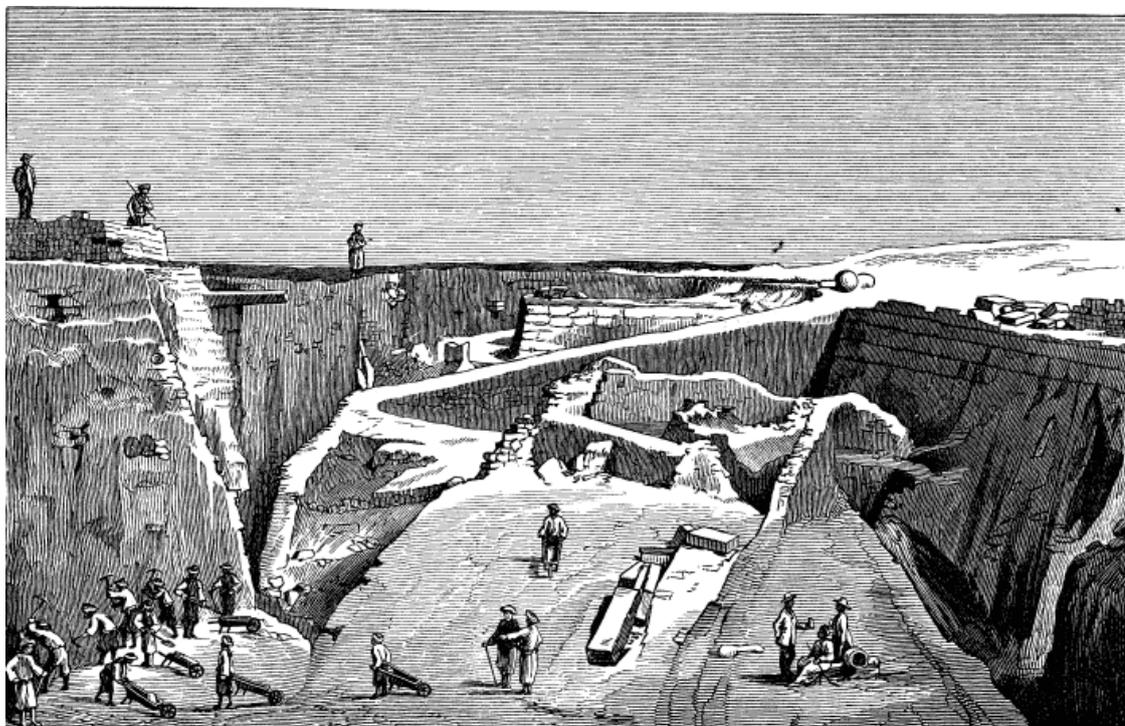
---

<sup>62</sup> См. рис. 7.

<sup>63</sup> См. рис. 6.



*Рис. 6.* Большой алтарь для жертвоприношений, найденный под храмом Афины (масштаб 1:25). Вид алтаря в 1873 г.



*Рис. 7.* Троянские постройки (алтарь и нижние постройки), открытые под храмом Афины; вид раскопок в июне 1873 г.

Ниже уровня алтаря и уже упомянутого доисторического дома я нашел стены укрепления<sup>64</sup> и стены очень древних домов<sup>65</sup>, которые были все еще частично покрыты слоем глины и белой краской; все это несло на себе следы страшного пожара, который настолько пожрал все в комнатах, что мы лишь иногда находили обугленные фрагменты керамики среди красных и желтых древесных углей, которыми было заполнено это пространство. Любопытно, что ниже были найдены еще и другие стены: они опять-таки должны быть древнее, чем стены над ними, и так же, как они, несут на себе следы воздействия сильного жара.

Фактически этот лабиринт древних стен домов, построенных один над другим и открытых под храмом Афины, построенным Лисимахом, совершенно уникален и дает археологу богатейший материал для исследования. В связи с этим открытием величайшие трудности доставила нам одна из вышеупомянутых крепостных стен высотой  $11\frac{3}{4}$  футов, которая проходит через весь этот лабиринт с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Она также построена из камней, скрепленных землей, и ее ширина составляет 6 футов вверху и 12 футов у основания. Она стоит не прямо на материке; она была построена только тогда, когда скала уже покрылась слоем земли  $1\frac{3}{4}$  фута толщиной. Параллельно с этой крепостной стеной, только в  $2\frac{1}{2}$  фута от нее и на той же глубине проходит стена высотой 2 фута, которая также построена из камней, сцементированных землей<sup>66</sup>.

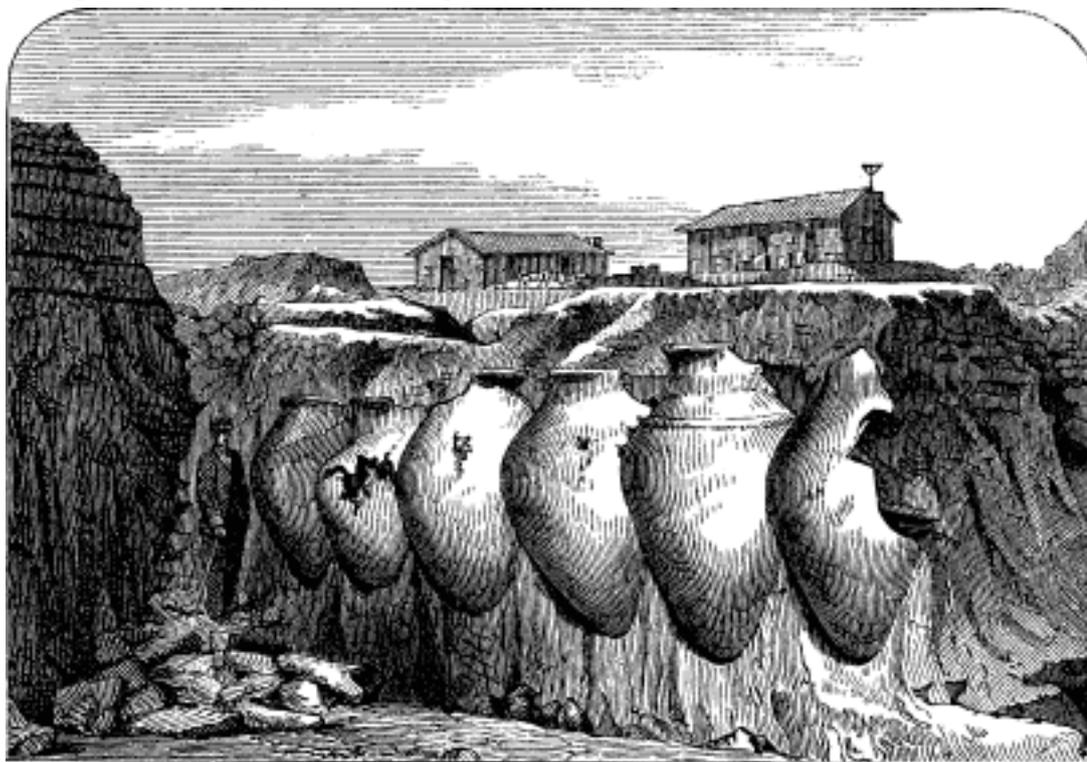


Рис. 8. Склад с колоссальными кувшинами под храмом Афины; вид в июне 1873 г.

Комната на самой большой глубине, на которой я раскапывал, имеет 10 футов в высоту и  $11\frac{1}{4}$  фута в ширину; однако она могла быть и выше; в ее длине я не имел возможности удостовериться. Одно из помещений в самых верхних домах, прямо под храмом Афины, и относящееся к третьему, сожженному городу, видимо, использовалось как склад для хранения

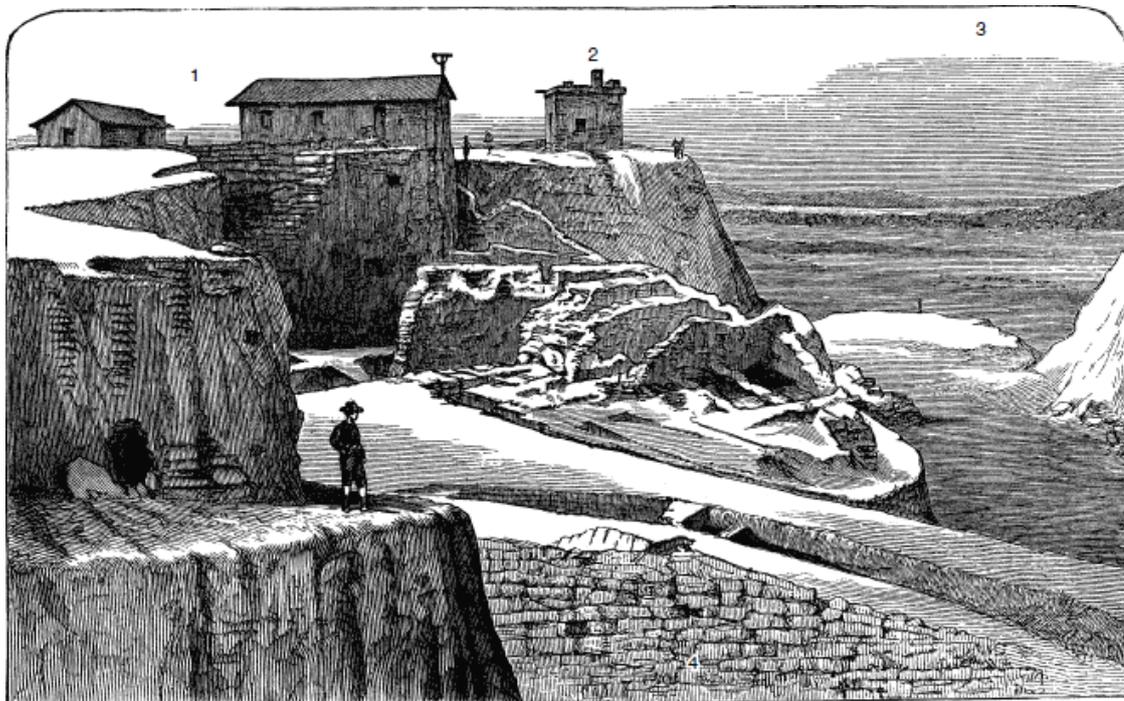
<sup>64</sup> См. план Трои на южной стороне, места, помеченные буквами f, h.

<sup>65</sup> См. рис. 7, слева, как раз под нависающим мраморным блоком.

<sup>66</sup> См. план I (план Трои) на южной стороне, места, помеченные буквами f, h.

зерна или вина, поскольку в нем есть девять гигантских глиняных кувшинов (пифосов) различной формы примерно  $5\frac{3}{4}$  фута высотой и  $4\frac{3}{4}$  фута в поперечнике; ширина их горлышка составляет от  $29\frac{1}{2}$  до  $35\frac{1}{4}$  дюйма<sup>67</sup>. Каждый из них снабжен четырьмя ручками шириной  $3\frac{3}{4}$  дюйма, и толщина глины, из которой они сделаны, составляет целых  $2\frac{1}{4}$  дюйма. На южной стороне от кувшинов я нашел крепостную стену длиной 26 футов и высотой 10 футов, построенную из высушенных на солнце кирпичей, которые, хотя они и были полностью обожжены в пламени пожара, оказались исключительно хрупкими.

В середине марта я также начал большие раскопки рядом со своим деревянным домом и к западу от Большой башни<sup>68</sup>. Недалеко от поверхности я обнаружил руины большого дома греческого времени, которые простирались на глубину  $6\frac{1}{2}$  фута. Он, видимо, принадлежал какому-то выдающемуся человеку, возможно первосвященнику, поскольку полы комнат были сделаны из больших плит красного камня и прекрасно отполированы. Под этим греческим домом я обнаружил, как обычно, слой мусора и лишь несколько камней; затем – несколько стен домов, сложенных из небольших камней, цементированных землей; и под ними – снова огромные массы сожженных и отчасти остеклившихся кирпичей. Наконец, на глубине 30 футов под поверхностью, я обнаружил улицу шириной  $17\frac{1}{2}$  фута, замощенную каменными плитами длиной от  $4\frac{1}{4}$  до 5 футов и шириной от 35 дюймов до  $4\frac{1}{2}$  фута, которая идет круто вниз к долине на юго-запад<sup>69</sup>. Наклон улицы настолько велик, что, в то время как на северной стороне (насколько ее там удалось раскрыть) она находится лишь в 30 футах под поверхностью холма, на расстоянии 33 футов дальше к югу она уже лежит на глубине целых 37 футов от поверхности.



*Рис. 9.* Башня Илиона, ворота и руины большого дома; вид на север через траншею, которая проходит по всему холму. Вид на раскопки в мае 1873 г. 1 – деревянный дом и склады

<sup>67</sup> На виде на рис. 8 показаны шесть кувшинов; седьмой (разбитый) находится снаружи траншеи справа. Два самых больших кувшина не видны; они находятся по другую сторону стены склада.

<sup>68</sup> См. рис. 9 слева.

<sup>69</sup> См. рис. 10, 13 и план I (план Трои), а.

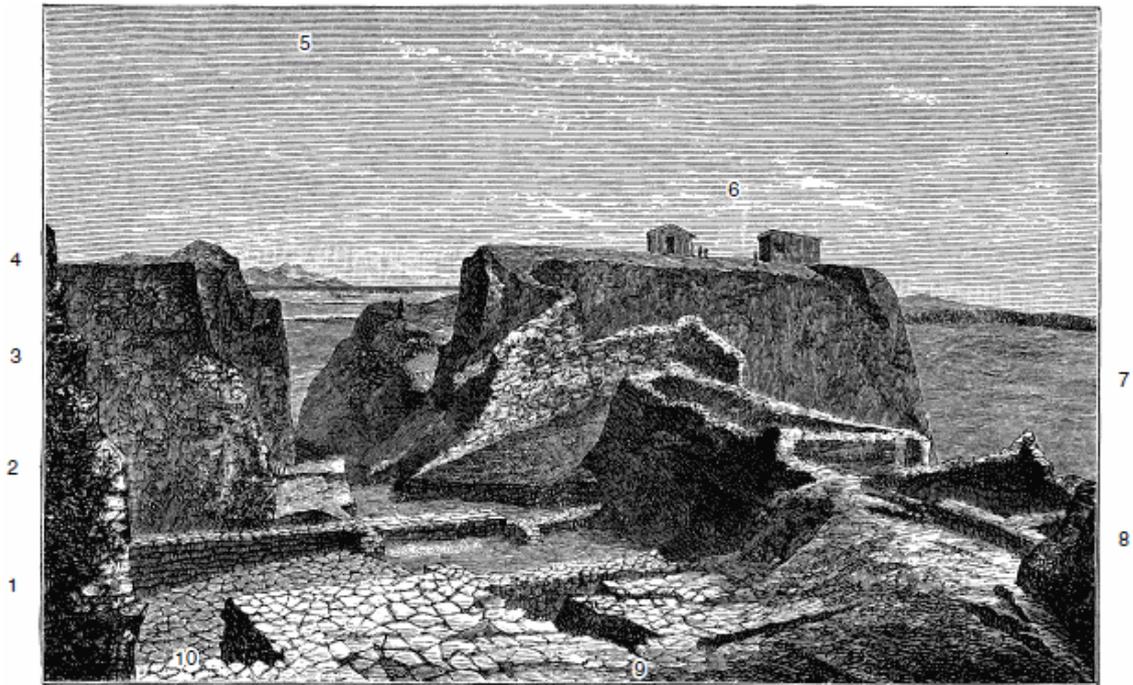
доктора Шлимана; 2 – каменный дом доктора Шлимана, упомянутый выше; 3 – долина Трои и Геллеспонт; 4 – башня Илиона

Эта хорошо замощенная улица заставила меня сделать вывод, что упомянутое большое здание некогда стояло в конце ее, на небольшом расстоянии к северо-востоку, и поэтому я немедленно послал 100 человек копать землю, которая лежит перед ним в том направлении. Я обнаружил, что улица на высоту от 7 до 10 футов покрыта желтыми, красными или черными древесными углями, смешанными с полностью обожженными и нередко отчасти остеклившимися фрагментами кирпичей и камня. Над этим толстым слоем руин я нашел руины большого здания, состоявшего из камней, цементированных землей, которое я разрушил лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы расчистить дорогу с ее парапетами<sup>70</sup>. Продвигаясь таким образом в северо-восточном направлении, я обнаружил два больших проема для ворот, которые стоят на расстоянии 20 футов друг от друга, и в каждом из них – большой железный засов, который, несомненно, служил, чтобы запирать деревянные створки ворот; изображения засовов я привожу здесь. Ширина первых ворот составляет  $12\frac{1}{4}$  фута; их образуют два выступа боковой стены, один из которых выступает на расстояние  $2\frac{1}{2}$  фута, другой – на расстояние  $2\frac{3}{4}$  фута; у обоих высота составляет  $3\frac{1}{4}$  фута, ширина –  $3\frac{3}{4}$  фута. Мостовая из больших плит кончается у первых ворот, откуда до вторых ворот (на расстоянии около 20 футов) улица очень грубо замощена большими необтесанными камнями<sup>71</sup>. Возможно, мостовая стала неровной вследствие падения стен Большой башни, которая некогда должна была венчать ворота; о ее существовании со всей очевидностью свидетельствуют массы обугленного щебня глубиной от 7 до 10 футов, покрывавшие проход. Вполне очевидно, что дерево широко применялось при постройке этих стен; это ясно не только по огромному количеству древесного угля, но также и из того факта, что большие красные плиты на улице, хотя и выглядели новыми и прочными, когда были впервые обнаружены, очень скоро крошились, как только подвергались воздействию воздуха; это обстоятельство можно объяснить только тем, что они пережили страшный пожар.

---

<sup>70</sup> См. рис. 10.

<sup>71</sup> См. рис. 10, 13, а также место, помеченное *a*, на плане I (план Трои).



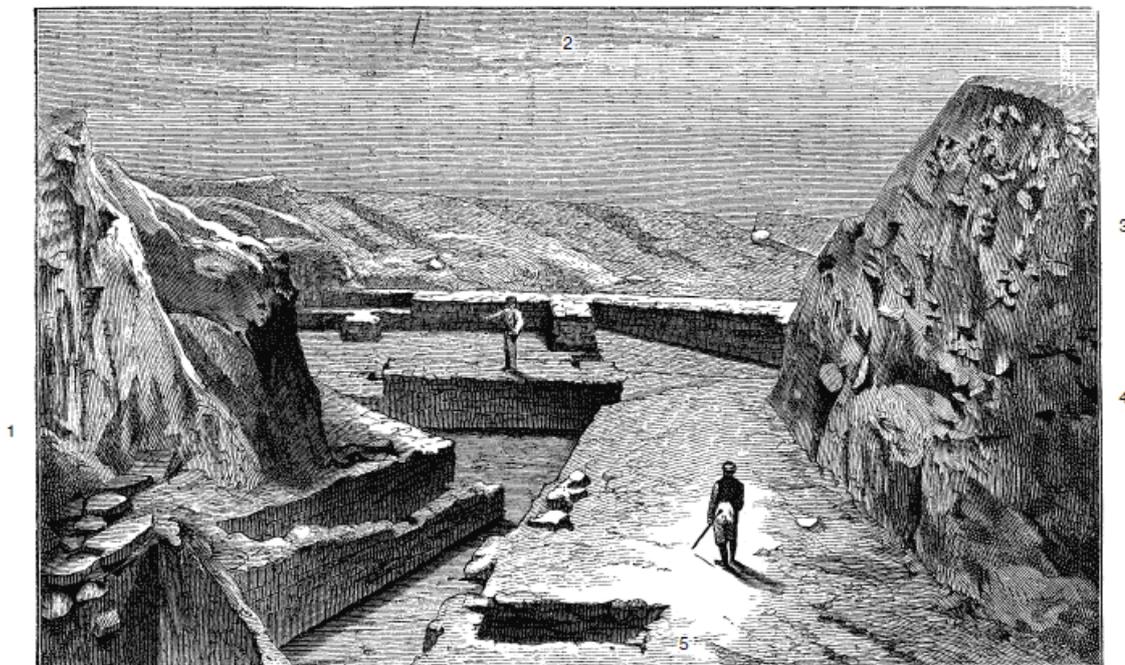
*Рис. 10.* Большая траншея на северо-западной стороне, ворота и замощенная улица, городская стена, часть дома старейшины или царя и стены башни греческого периода; вид с юго-востока. Вид на раскопки в июне 1873 г.: 1 – стена Трои, ворота и замощенная дорога к долине; 2 – место, где был найден самый большой клад; 3 – греческая башня (там, где стоит человек); 4 – Геллеспонт, долина Трои, Скамандр; 5 – Самофракия, Имброс; 6 – каменный дом и бараки доктора Шлимана; 7 – долина Трои: вид через большую траншею; 8 – позднейшие, но доэллинистические строения, отчасти построенные над руинами дома старейшины или царя; 9 – большая башня; 10 – мощеная дорога



*Рис. 11, 12.* Медные засовы. Обнаружены точно в центре первых (рис. 11) и вторых (рис. 12) ворот

Как и первые ворота, вторые также были образованы двумя выступами стены, высота которых составляла 2 фута, ширина – более 3 футов, и выступали они примерно на  $2\frac{1}{2}$  фута.

Я очистил улицу примерно на 5 футов на северо-восток от вторых ворот, но не осмелился двигаться дальше, поскольку это можно было сделать, только разрушив еще больше стены большого дома, воздвигнутого на руинах, которыми она была покрыта на глубину от 7 до 10 футов. Дом, конечно, был построен позднее, чем двойные ворота; однако я все же полагал, что он представляет большой интерес для археологии, тем более что под ним находились руины обширных и более древних зданий справа и слева от ворот. Эти последние находились на одном уровне с двойными воротами, и, поскольку к северо-востоку от них находилось, видимо, самое большое здание сожженного города (третьего по счету от материка), я счел, что это жилище городского старейшины или царя этого города. Справедливость этого мнения, судя по всему, подтверждает большое количество сокровищ, которые я обнаружил в нем или рядом с ним. Более новый дом был воздвигнут тогда, когда руины более древних домов были полностью покрыты пеплом и сгоревшими руинами: это очевидно из того факта, что более новые стены идут во всех направлениях через древние стены и никогда не стоят прямо на них; зачастую они отделены от них слоем обгорелого мусора толщиной от 7 до 10 футов. Разрушенные стены нижних, как и верхних домов построены из камней, скрепленных землей; однако стены нижних домов гораздо толще и более прочной постройки, чем верхних. Очевидно, что более новый дом был построен только тогда, когда улица была уже покрыта на глубину от 7 до 10 футов руинами и мусором от разрушенных зданий.



*Рис. 13.* Двойные ворота. Башня Илиона и часть дома городского старейшины; вид с северо-запада. Вид на раскопки в июне 1873 г.: 1 – блок щебня, покрывавшего руины дома городского старейшины или царя; 2 – башня Илиона; 3 – блок щебня; 4 – ворота и замощенная дорога; 5 – стена Трои

По этим и другим соображениям я хотел сохранить так много, как только возможно, как от древних, так и от более новых построек, тем более что я боялся, что моим утверждениям касательно их могут не поверить. Вследствие этого после очистки двойных ворот я оставил руины обоих зданий *in situ* и убрал мусор из комнат только тех древних домов, которые могли быть раскопаны без вреда для зданий над ними. Я обнаружил в них большое количество керамики самого любопытного вида, о которой я поведаю читателю в нужном месте.

Страшный холод длился недолго, и потом у нас все время была прекрасная погода. Однако ночи оставались холодными вплоть до середины марта, и к утру термометр нередко падал до точки замерзания, в то время как днем жар солнца уже начинал становиться мучительным; нередко термометр в полдень показывал 18° в тени по Реомюру (72,5° по Фаренгейту). С 1 марта мы слышали беспрестанное кваканье миллионов лягушек в окружающих болотах; на второй неделе марта вернулись аисты. Одним из множества неудобств жизни в этой глуши, в которой мы жили, являлись гнусные вопли бесчисленных сов, которые строили свои гнезда в отверстиях в моих траншеях; эти вопли звучат странно и жутко и ночью были особенно невыносимы.

Вплоть до начала мая 1873 года я полагал, что холм Гиссарлык, который я раскапывал, скрывал под собой только цитадель Трои; бесспорным является то, что Гиссарлык представлял собой акрополь Нового Илиона<sup>72</sup>. Таким образом, я воображал, что Троя была больше, чем позднейший город, или, по крайней мере, такой же большой. Однако я считал важным обнаружить точные границы гомеровского города. С этой целью я прорыл двадцать шахт вплоть до самого материка к западу, юго-западу, юго-юго-востоку и к востоку от Гиссарлыка, прямо у подножия или на некотором расстоянии от холма, на плато Илиона греческой колонии. Поскольку в этих шахтах я не нашел никаких следов фрагментов доисторической керамики или доисторических стен домов и ничего, кроме фрагментов эллинской посуды и эллинских стен домов; и, более того, поскольку холм Гиссарлык имеет очень крутой склон на севере, северо-востоке и северо-западе, там, где он смотрит на Геллеспонт, и такой же крутой склон на западной стороне, которая смотрит на долину, город не мог простираться ни в одном из этих направлений за пределы самого холма. Таким образом, кажется очевидным, что древний город не мог распространяться ни в одну сторону за пределы первоначального плато Гиссарлык, окружность которого обозначена с юга и юго-запада Большой башней и двойными воротами, а с северо-запада, северо-востока и востока большой пограничной стеной.

Шахты, которые я выкопал за пределами холма, все обозначены буквами от А до U на плане эллинского Илиона, где также указано, на какой точно глубине в каждой из них мы наткнулись на скалу; даны также разрезы семи наиболее глубоких шахт. Таким образом, я обращаю особое внимание читателя на этот план<sup>73</sup>. Я также обращаю особое внимание на погребения, которые я обнаружил в шахтах, которые помечены буквами D, O и R на плане Нового Илиона. Каждая из этих трех гробниц была вырублена в скале и покрыта плоскими плитами; в каждой находилось тело; однако тела были так повреждены, что черепа рассыпались в пыль, когда соприкоснулись с воздухом. Гробницы были поздними и очевидно принадлежали небогатым людям, поскольку та немногая керамика, найденная в них, оказалась очень низкого качества и явно принадлежала римскому периоду. Однако тот факт, что в трех из двадцати шахт, которые я вырыл случайным образом на месте Нового Илиона, содержались погребения, как кажется, с большой долей вероятности говорит о том, что обитатели этого города хоронили своих умерших или большую их часть в границах города. Однако они

<sup>72</sup> Я с неохотой даю позднему Илиону эпитет Новый, поскольку город существовал по меньшей мере 1 тысячу лет и место, на котором он находился, стояло пустым по меньшей мере 1400 лет. Все античные писатели, кроме Страбона, называют его просто Илионом.

<sup>73</sup> См. план II в конце этой книги.

также использовали и кремацию, поскольку в первой траншее, которую я вырыл в апреле 1870 года, я наткнулся на урну римского периода, заполненную пеплом, образовавшимся от горения животной материи, перемешанным с остатками обугленных костей, которые, очевидно, принадлежали человеческому телу. Я не нашел никаких других сожженных тел в слое Нового Илиона, однако следует помнить, что я вел раскопки только на Гиссарлыке, который занимает от силы двадцать пятую часть позднейшего города<sup>74</sup>. Более того, Гиссарлык был акрополем Нового Илиона и в нем находились основные храмы, вследствие чего он, вероятно, считался священной землей, где не позволялось делать могил. Поэтому весьма возможно, что если в нижнем городе произвести систематические раскопки, то можно обнаружить множество захоронений и погребальных урн.

Обитатели пяти доисторических городов Илиона, как кажется, чаще всего сжигали своих умерших, поскольку в 1872 году я обнаружил две урны-треножника с обугленными человеческими останками на материке в первом городе; и в 1871, 1872 и 1873 годах я нашел большое число крупных погребальных урн с человеческим пеплом в третьем и четвертом городах. Однако я не нашел костей, за исключением одного зуба, и однажды среди пепла я обнаружил человеческий череп, который хорошо сохранился, за исключением пропавшей нижней челюсти; поскольку рядом с ним я нашел бронзовую брошь, я полагаю, что он мог принадлежать женщине. Я также обязан профессору Вирхову за рисунки этого черепа, которые будут приведены, вместе с его работой о нем и о других черепаках, в главе о третьем, сожженном городе.

Действительно, почти вся керамика, найденная в доисторических руинах Гиссарлыка, разбита, и едва ли можно найти хоть один большой сосуд из двадцати, который не сохранился бы в виде одних лишь фрагментов; ведь в первых двух городах вся керамика была расколота от веса и давления камней, из которых построен второй город. Но даже если все погребальные урны с человеческим пеплом, когда-либо захороненные в Гиссарлыке, хорошо сохранились, однако, судя по их фрагментам – несмотря на изобилие этих фрагментов, – я едва ли могу думать, что общее количество целых урн когда-либо превышало тысячу. Таким образом, очевидно, что обитатели пяти доисторических городов Гиссарлыка хоронили только небольшую часть своих погребальных урн в самом городе, и, следовательно, мы должны искать их главный некрополь в другом месте.

В то время как происходили все эти важные раскопки, я пренебрегал траншеями на северной стороне и работал там только тогда, когда у меня были лишние рабочие. Однако здесь я обнаружил продолжение большой стены, которую я, в согласии с профессором Сэйсом, отношу ко второму каменному городу<sup>75</sup>.

Желая исследовать укрепления на западной и северо-западной сторонах древнего города, в начале мая 1873 года я также начал делать траншею шириной 33 фута и длиной 141 фут на северозападной стороне холма, в том самом месте, где я прорыл первую траншею в апреле 1870 года<sup>76</sup>. Сначала я пробился через эллинскую окружную стену, возможно, ту самую, которую, согласно Плутарху (в жизнеописании Александра) построил Лисимах, и нашел, что ее высота составляет 13 футов и толщина – 10 футов; состоит она из больших обтесанных блоков известняка. После этого я пробился через более древнюю стену высотой  $8\frac{3}{4}$  фута и толщиной 6 футов, состоявшую из больших блоков, цементированных землей. Эта вторая стена была соединена с большой стеной, которую я обнаружил в апреле 1870

<sup>74</sup> См. план II (эллинский Илион).

<sup>75</sup> См. план III (в разрезе), X, v.

<sup>76</sup> Эта траншея расположена непосредственно перед читателем на рис. 10; она также представлена на плане (в разрезе) IV, Z' на западе и на плане I (план Трои) под буквой Z'.

года, и обе они образуют две стороны четырехугольной эллинской башни<sup>77</sup>, через третью стену которой мне пришлось пробиваться позже.

Эта часть холма в древности, очевидно, была намного ниже, что доказывает, по-видимому, не только стена Лисимаха, которая некогда доходила до значительной высоты над поверхностью холма, в то время как теперь она покрыта  $16\frac{1}{2}$  фута щебня, но также остатками эллинского периода, которые здесь найдены на большой глубине. Фактически представляется, как будто веками мусор и обломки зданий сбрасывали на этой стороне вниз по склону, чтобы увеличить высоту этого места.

Чтобы ускорить раскопки на северо-западной стороне холма, я вырубил большую траншею и на западной стороне<sup>78</sup>, в которой, к несчастью, я наткнулся по касательной на окружающую стену Лисимаха, высота которой здесь составляла 13 футов и ширина 10 футов, и, таким образом, был вынужден вынимать двойное количество камней, чтобы пробиться через нее. Однако здесь я снова наткнулся на руины больших зданий эллинского и доэллинского периода, так что раскопки могли продолжаться лишь очень медленно. Здесь на расстоянии 69 футов от склона холма на глубине 20 футов я наткнулся на древнюю окружающую стену высотой 5 футов с выдающейся бойницей, которая вследствие ее сравнительно современной структуры и небольшой высоты должна была относиться к послетроянскому периоду. За ней я обнаружил ровное место, отчасти вымощенное большими каменными плитами, частью – более или менее обтесанными камнями; и после этого шла крепостная стена высотой 20 футов и толщиной 5 футов, построенная из больших камней и земли, которая проходила под моим деревянным домом, но в  $6\frac{1}{2}$  фута над троянской окружающей стеной, которая начинается от ворот<sup>79</sup>.

Идя вдоль этой окружающей стены и открывая ее все более и более рядом с древним зданием и к северо-западу от ворот, я наткнулся на большой медный предмет самой замечательной формы, который тем более привлек мое внимание, поскольку мне показалось, что за ним я вижу золото<sup>80</sup>. Поверх него был слой красных обугленных руин толщиной от  $4\frac{3}{4}$  до  $5\frac{1}{4}$  фута, твердых как камень, и над этим снова вышеупомянутая крепостная стена (шириной 5 футов и высотой 20 футов), построенная из больших камней и земли, которая должна была быть воздвигнута вскоре после разрушения Трои. Чтобы спасти это сокровище от моих рабочих и сохранить его для археологии, нельзя было терять время; так что, хотя час завтрака еще не настал, я немедленно объявил *paídos*. Это слово неизвестного происхождения, которое пришло в турецкий язык, и здесь используется вместо греческого *ἀνάπαυσις*, или время для отдыха. Пока люди ели и отдыхали, я вырыл сокровище с помощью большого ножа. Это требовало огромных усилий и было сопряжено с большим риском, поскольку крепостная стена, под которой мне пришлось копать, каждый момент грозила рухнуть на меня. Однако вид стольких предметов, каждый из которых имел безмерную ценность для археологии, сделал меня бесстрашным, я и не думал ни о какой опасности. Но я не смог бы достать сокровище без помощи моей дорогой жены, которая стояла рядом со мной, готовая сложить вещи, которые я вырубал, в свою шаль и унести их. Все различные предметы, из которых состояло сокровище, будут описаны в должном месте точно в том порядке, в котором они были вынуты из руин. Здесь я даю только общий вид на целое (рис. 14).

<sup>77</sup> См. рис. 10, в траншее за стоящим человеком.

<sup>78</sup> См. на плане I (план Трои), траншея, помеченная R, к западу от ворот.

<sup>79</sup> См. эту троянскую стену, помеченную b, к северо-западу от ворот на плане I (план Трои).

<sup>80</sup> Точное место этой важной находки помечено Δ на плане I (план Трои).

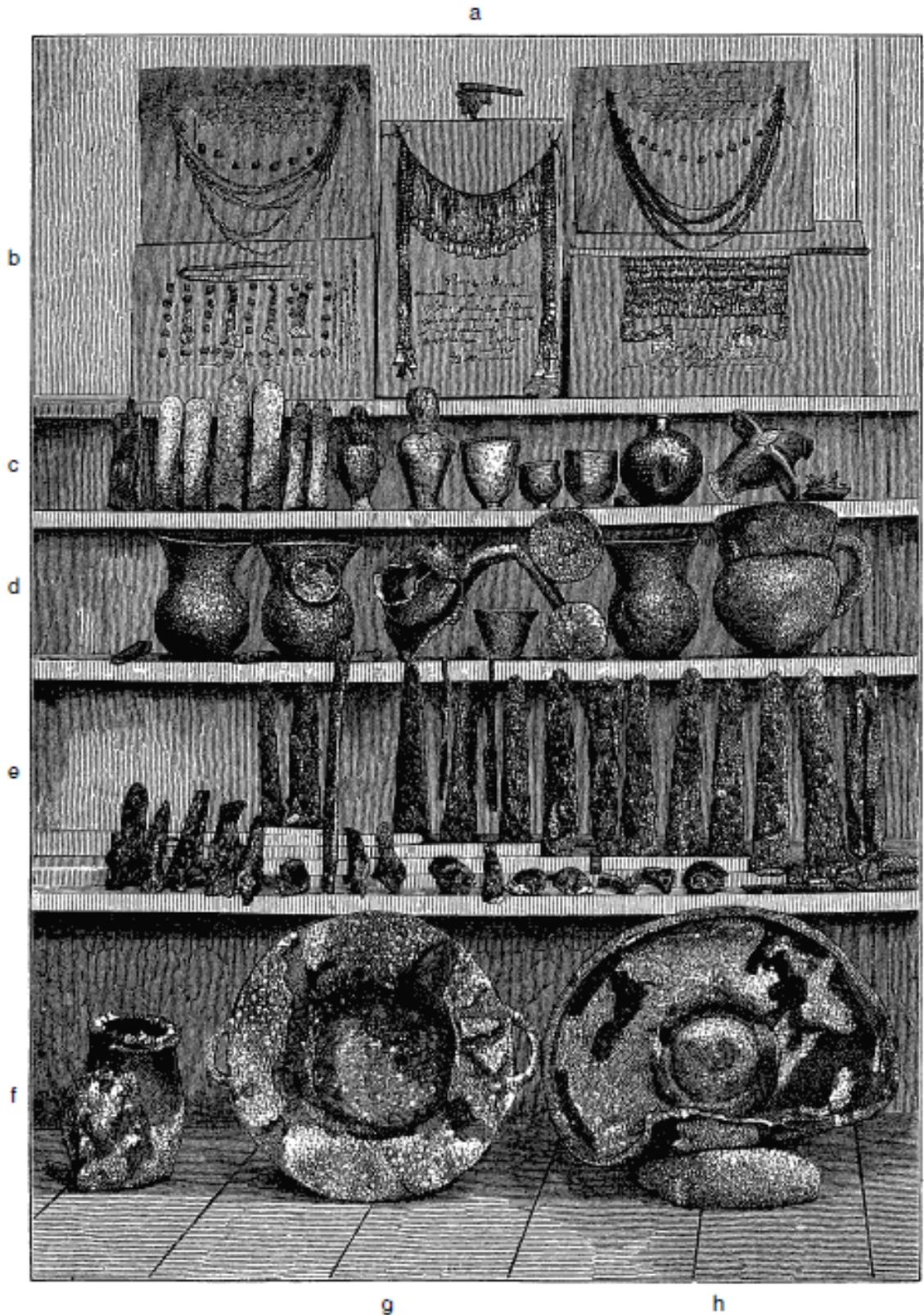


Рис. 14. Общий вид сокровища (обнаружено на глубине 28 футов); *a* – ключ от сундука с сокровищами; *b* – золотые диадемы, повязка, серьги и небольшие драгоценности; *c* – серебряные таланты и сосуды из серебра и золота; *d* – серебряные вазы и любопытная медная тарелка; *e* – оружие и наконечники шлемов из меди или бронзы; *f* – медный сосуд; *g* – медный котел; *h* – медный щит

Поскольку я нашел все эти вещи вместе в форме прямоугольной массы или запак-ованные одно в другое, кажется несомненным, что они были помещены на городскую стену в деревянном ящике. Это предположение, судя по всему, подтверждается тем фактом, что рядом с этими вещами я нашел медный ключ. Таким образом, возможно, что кто-то запак-овал сокровища в ящик и унес их; у него даже не было времени вынуть ключ; когда он достиг стены, рука врага или огонь захватили его, и он был вынужден бросить ящик, кото-рый немедленно был покрыт пеплом и камнями от соседнего дома на высоту 5 футов<sup>81</sup>.

Возможно, предметы, найденные за несколько дней до того в комнате в доме старей-шины, рядом с местом, где было обнаружено сокровище, принадлежали этому несчастному человеку. Этими предметами были шлем и серебряная ваза с чашей из электра; они будут описаны в главе о третьем городе.

На толстом слое щебня, который покрывал сокровище, строители нового города поста-вили уже упомянутую крепостную стену, состоявшую из больших обтесанных и необтесан-ных камней и земли. Эта стена простиралась на  $3\frac{1}{4}$  фута внутрь поверхности холма.

То, что сокровище было запак-овано в момент величайшей опасности, судя по всему, доказывает, помимо всего прочего, содержимое большой серебряной вазы, которое состояло почти из 9 тысяч золотых предметов, которые будут описаны на последующих страницах. Человек, пытавшийся спасти сокровище, к счастью, достаточно сохранил присутствие духа, чтобы поставить серебряную вазу с драгоценными предметами в ней стоймя в ящике, так что ничто не могло выпасть, и все сохранилось целым и невредимым.

Надеясь найти здесь другие клады, я снес верхнюю стену, и также срыл огромный блок щебня, который отделял мою западную и северо-западную траншеи<sup>82</sup> от больших массивных стен, которые я обычно называл башней. Однако, чтобы сделать это, мне при-шлось снести большой из моих деревянных домов и перекрыть ворота, чтобы облегчить выемку мусора. Там я нашел множество интересных древностей, в частности три серебря-ные тарелки (фиалы), на 1 фут 9 дюймов ниже того места, где было открыто сокровище; два из них были разбиты на куски мотыгой рабочего; третья – целая. Само сокровище избежало повреждений от мотыг благодаря большому медному сосуду, который защитил его так, что я мог вырезать все из твердого щебня ножом.

Теперь я понял, что траншея, которую я проделал в апреле 1870 года, пролежала именно там, где нужно было копать<sup>83</sup>, и что, если бы я продолжал ее, я бы в течение нескольких недель обнаружил наиболее замечательные здания Трои; в то время как, оставив ее, мне пришлось проделать колоссальные раскопки с востока на запад и с севера на юг через весь холм с тем, чтобы найти их.

Мы прервали раскопки 17 июня 1873 года.

В декабре того же года турецкие власти в Кум-Кале захватили многие золотые укра-шения, которые два моих рабочих нашли в трех различных местах в марте предыдущего года, работая для меня в траншеях Гиссарлыка на глубине почти 30 футов под поверхностью холма. Большинство этих драгоценностей находилось в вазе с головой совы. К несчастью, один из рабочих попросил ювелира в Рен-Кее расплавить часть своей добычи и сделать из нее украшения по современной турецкой моде. Все эти золотые украшения, как настоящие, так и сделанные заново, теперь находятся в Императорском музее в Константинополе. Под-линные украшения будут воспроизведены и прокомментированы на следующих страницах;

<sup>81</sup> Однако в 1878 и 1879 годах я обнаружил на расстоянии лишь нескольких ярдов от того места, где были открыты эти сокровища, еще четыре сокровища, которые со всей очевидностью должны были упасть с верхнего этажа дома городского старейшины; теперь я скорее склонен думать, что то же самое могло произойти и с большим кладом.

<sup>82</sup> См. план I (план Трои); а также на рис. 9 и 10 блок спереди и на рис. 13 – слева.

<sup>83</sup> См. рис. 10, траншея прямо спереди, под стоящим человеком. Та же самая траншея помечена Z' на плане I.

из этого станет очевидно, что они все почти того же самого типа, как и те, что содержатся в великом сокровище, обнаруженном мною, хотя подобные типы никогда больше не бывали найдены нигде.

В начале 1874 года г-н Ф.А. Брокгауз в Лейпциге опубликовал по-немецки рассказ о моих раскопках и открытиях в Трое под названием «Троянские древности» (Troianische Altertümer), французский перевод которого, выполненный г-ном Александром Р. Рангабе, посланником Греции в Берлине, появился одновременно. Оба издания сопровождались атласом, содержащим 218 фотографий, изображавших почти 4 тысячи предметов, открытых во время раскопок, вместе с подробнейшим описанием каждого из них. Английский перевод той же работы, сделанный мисс Дорой Шмиц и отредактированный г-ном Филипом Смитом, был опубликован г-ном Джоном Мюрреем в Лондоне в ноябре 1874 года под названием «Троя и ее остатки» (Troj and its Remains).

## § VI. Перерыв в работе в Трое: раскопки в Микенах: 1874–1877

Получив от греческого правительства позволение раскапывать в Микенах, я начал работы там в феврале 1874 года, выкопав тридцать четыре шахты на его акрополе, и я только обнаружил место, где находились древние царские могилы, упомянутые Павсанием, как мои исследования были прерваны судопроизводством, начатым против меня в Афинах турецким правительством, которое требовало половину моей коллекции троянских древностей. Процесс продолжался в течение года; наконец суд решил, что я должен заплатить турецкому правительству штраф в 400 фунтов, чтобы удовлетворить его требования. Но вместо 400 фунтов в апреле 1875 года я послал 2 тысячи фунтов в пользу Императорского музея турецкому министру общественного образования, выражая мое горячее желание всегда оставаться в дружеских отношениях с ними и объясняя им, что им столь же нужен такой человек, как я, как они нужны мне. Мое дарение было принято Г.Г. Сафвет-пашой, тогда министром общественного образования, настолько любезно, что в конце декабря 1875 года я осмелился отправиться в Константинополь, чтобы получить новый фирман на раскопки Трои. При энергичном содействии моих досточтимых друзей, его превосходительства дипломатического представителя США г-на Мейнарда, его превосходительства посла Италии графа Корти, Г.Г. Сафвет-паши и в особенности благодаря неустанному энтузиазму и непоколебимой энергии его превосходительства великого логофета Аристархбея я почти что уже получил свой фирман, когда моя просьба внезапно была отвергнута Государственным советом.

Однако его превосходительство великий логофет Аристарх-бей представил меня его превосходительству покойному Рашид-паше<sup>84</sup>, в то время министру иностранных дел, человеку высококультурному, который в течение пяти лет был губернатором Сирии; мне было нетрудно вдохнуть в него горячий энтузиазм к Трое и ее остаткам, так что он сам отправился к его превосходительству великому визирю, Махмуд-Неджим-паше, энергично выступил в мою защиту и получил от него приказ дать мне фирман без промедления. Таким образом, я получил свой фирман в конце апреля 1876 года и немедленно отправился в Дарданеллы, чтобы продолжить свои раскопки. Однако здесь я нашел генерал-губернатора Ибрагим-пашу совершенно враждебным продолжению моих раскопок, возможно, потому, что с тех пор, как в июне 1873 года я прекратил раскопки, он имел обыкновение давать нечто вроде фирмана многочисленным путешественникам, которые приезжали посмотреть на мои раскопки, и, конечно, это прекратилось бы, если бы раскопки возобновились. Таким образом, он держал меня в Дарданеллах почти два месяца под тем предлогом, что он, дескать, еще не получил подтверждения моего фирмана; наконец он позволил мне продолжить раскопки, но дал мне в качестве охранника некоего Иззет-эфенди<sup>85</sup>, единственной задачей которого было ставить мне палки в колеса. Видя полную невозможность продолжать работу, я вернулся в Афины и написал оттуда письмо в «Таймс» (опубликовано 24 июля 1876 года), в котором я выставил поведение Ибрагим-паши на суд цивилизованного мира. Эта статья была перепечатана константинопольскими газетами, и в октябре 1876 года его перевели в другой вилайет.

Таким образом, я мог продолжать раскопки в Трое; однако в конце июля я снова начал копать в Микенах и не мог оставить свою работу там до тех пор, пока полностью не исследовал гробницы. Поистине удивительный успех, сопровождавший мои раскопки, огромные и чудесные сокровища, которыми я обогатил греческую нацию, хорошо известны: во все

<sup>84</sup> Рашид-паша был убит в июне 1876 года.

<sup>85</sup> Этот Иззет-эфенди был недавно вынужден покинуть страну, поскольку присвоил государственные деньги в особо крупных размерах.

грядущие века путешественники со всех концов света будут стекаться в греческую столицу, чтобы увидеть там, в музее Микен, результат моего бескорыстного труда. Публикация моей работы о Микенах на английском и немецком заняла весь 1877 год; работа над французским изданием шла до лета 1878 года, и только в июле того же года я мог подумать о том, чтобы продолжить раскопки в Трое. Однако мой фирман от апреля 1876 года был дан только на два года, и теперь его срок уже прошел, и следовало достать новый фирман; возникло много и новых трудностей, которые я не мог бы преодолеть без помощи моего досточтимого друга сэра Остина Генри Лэйарда<sup>86\*</sup>, посланника ее величества королевы Великобритании в Константинополе, который сгладил все трудности с турецким правительством, добился для меня более либерального фирмана, чем тот, что был у меня раньше, и всегда любезно предоставлял мне свое могущественное содействие в любое время, как только я просил о нем, что иногда в ходе раскопок случалось по два раза в день. Таким образом, я исполняю приятнейшую обязанность и могу теперь сердечнейше поблагодарить его превосходительство публично за все те услуги, что он оказал мне; без этого я никогда бы не мог завершить свою работу. Однако мой новый фирман был готов только в сентябре 1878 года, и между тем у меня было время более тщательно исследовать остров Итаку.

---

<sup>86\*</sup> Лэйард Остин Генри, сэр (1817—1894) – английский археолог и дипломат.

## § VII. Исследование Итаки: 1878

С сожалением я говорю, что о систематических раскопках для археологических целей речь здесь совершенно не шла. Я начал свои исследования в долине под названием Полис, которая находится в северной части острова и обычно считается местом, где находилась гомеровская столица Итаки, – в первую очередь из-за ее названия, которое совпадает с греческим словом «город»; во-вторых, из-за ее великолепной гавани на расстоянии лишь 2 миль от небольшого островка, который теперь именуется Матитарио; это единственный остров в проливе между Итакой и Кефалонией, и его, естественно, всегда отождествляли с гомеровским островом Астер, за которым женихи Пенелопы сидели в засаде, ожидая Телемаха после его возвращения из Пилоса и Спарты<sup>87</sup>. В качестве четвертой причины для отождествления Полиса с местом, где находилась столица Итаки, я могу упомянуть акрополь, который, как кажется путешественнику, он может увидеть на очень крутой скале на высоте около 400 футов на северной стороне порта. Моей первой задачей было взобраться на эту скалу, и я нашел, что она состоит из очень неоднородного известкового камня, который, очевидно, никогда не был тронут руками человека и конечно же никогда не служил в качестве защитного сооружения. Однако, если смотреть на эту скалу снизу, она действительно имеет форму крепости. До сих пор ее здесь называют кастрон, и, скорее всего, точно так же в глубокой древности ее называли полисом; первоначальное значение этого слова, видимо, было акрополь. Таким образом, нет сомнения, что название этой деревни происходит не от настоящего города, как думали раньше, но просто от воображаемой крепости.

Кроме того, эта долина – самое плодородное место на Итаке, и, таким образом, она никогда не могла бы быть использована как место для города; фактически во всей Греции еще не было случая, когда город строили бы на плодородной земле, и менее всего так могло бы быть на скалистой земле Итаки, где пахотная земля так исключительно редка и драгоценна. Таким образом, если в Полисе когда-то и был город, он мог быть построен только на окружающих долину скалистых высотах, а их заостренность, обрывистость и всегда неправильная форма исключают возможность, что на них когда-то жили люди. Полковник Лик (Leake)<sup>88</sup> говорит о древних руинах на южной стороне порта; они все еще существуют, но это всего лишь средневековая христианская церковь.

Я посетил и тщательно измерил остров Матитарио. Его длина составляет 586 футов; ширина варьируется от 108 до 176 футов. Из-за его малых размеров этот остров вряд ли можно отождествить с гомеровской Астерой, где, как говорит поэт, было два порта, каждый из них с двумя входами. Однако у меня все-таки нет причин сомневаться, что вид Матитарио мог дать Гомеру идею его воображаемой Астеры. На этом острове находятся руины башни и трех построек, одна из которых, как говорят, была школой, что объясняет название Матитарио. Руинам этим вряд ли может быть больше двухсот лет.

Хотя по всем этим причинам я вполне убедился в том, что никакого города никогда не могло находиться в плодородной долине Полиса, я тем не менее решил, что для науки будет представлять интерес исследование этого вопроса с помощью настоящих раскопок. С позволения владельца земли, г-на Н. Метаксаса Занниса, я прорыл здесь множество шахт; однако почти что во всех я наткнулся на природную скалу на глубине от 10 до 13 футов, за исключением середины долины, которая, как кажется, была весьма значительно углублена

---

<sup>87</sup> Есть на долине соленого моря утесистый остров Между Итакой и Замом гористым; его именуют Астером; он невелик; корабли там приютная пристань С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы. (Od. IV. 844—847) (Здесь и далее «Одиссея» цитируется в переводе В.А. Жуковского. – Пер.)

<sup>88</sup> Лик. Путешествия по Северной Греции (Travels in Northern Greece).

горным ручьем. Все, что я нашел, – это фрагменты грубо изготовленной черной или белой греческой керамики и куски черепицы. Здесь было лишь несколько фрагментов архаической керамики, которую я мог отнести к VI веку до н. э. На близлежащих высотах иногда обнаруживают захоронения, но, как доказывают содержащаяся в них керамика и монеты, они относятся к III, IV или V веку до н. э. К тому же периоду принадлежат и древности, найденные в пещере справа от порта Полиса; обнаруженную там надпись я могу с уверенностью отнести к VI или даже к VII веку до н. э.<sup>89</sup> Таким образом, предположение, что на месте Полиса находилась гомеровская столица Итаки, теперь должно быть решительно оставлено.

Затем я тщательно исследовал оставшуюся северную часть острова, однако нигде не нашел остатков древнего города, кроме как в окрестностях небольшого здания циклопической кладки, который обычно называют Гомеровской школой и который владелец этой собственности, священник Сп. Врето, в своем благочестивом усердии недавно превратил в небольшую церковь. Однако, к несчастью, он оставил внутри толстый слой щебня, который в ней содержался и который теперь стал полом церкви. Если бы он расчистил и тщательно собрал черепки, то, возможно, мы немедленно нашли бы в них ключ к дате постройки. Он отказал мне в разрешении произвести раскопки в церкви, однако позволил мне сделать это на близлежащих полях, где несколько вырубленных в скале фундаментов домов и остатки циклопических стен свидетельствовали о существовании древнего поселения. Я вырыл здесь множество ям, однако всегда наткнулся на материк на глубине менее чем 3 метра и иногда на глубине менее чем 12 дюймов; так что не может быть сомнений, что здесь в античные времена существовал город, и, скорее всего, это тот самый город, о котором говорит Скилак в «Перипле» (34) и Птолемей (III. 14. 13).

Оттуда я направился на гору Ээт, расположенную на узком перешейке шириной едва ли в милю, который соединяет Северную и Южную Итаку. Я полагал, что древний город должен был быть у северного подножия этой горы и простирается по всему небольшому хребту, который пересекает лощину между ней и горой Меровуни к югу от нее. Однако я обнаружил, что ошибался, ибо везде нашел чистейшую девственную почву, за исключением самого гребня холма, где близ часовни Святого Георгия я отыскал очень небольшую долину, где культурный слой достигал 10 футов в глубину. Я выкопал здесь две большие траншеи, в одной из которых нашел стену-террасу высотой 7 футов, состоящую из огромных многоугольных блоков, хорошо пригнанных друг к другу; при сравнении этой стены с современными стенами террас, которые окружали ее, она кажется работой гиганта рядом с работами карликов. Керамики я не нашел здесь никакой, кроме небольших фрагментов черных греческих ваз. Поскольку здесь мои изыскания также не удались, я тщательнейшим образом исследовал гору Ээт, которая поднимается на 600 футов над уровнем моря; на ее искусственно, но весьма грубо выровненной вершине находится треугольная платформа с двумя большими цистернами и одной небольшой, а также остатки шести или семи небольших циклопических строений, которые или были отдельными домами, или, скорее всего, комнатами большого циклопического дворца, который, как говорят, стоял здесь и который обычно называют замком Улисса. Едва ли можно сомневаться в том, что точно так же, как Кимон расширил афинский Акрополь<sup>90</sup>, взяв большую часть северо-восточного склона и заполнив нижнее пространство камнями и щебнем, ровная вершина горы Ээт была расширена на север и юго-запад с помощью все еще существующей большой циклопической стены, и пространство между вершиной и стеной было заполнено камнями и щебнем. Таким образом, вершина горы образует ровную четырехугольную платформу длиной 166 футов 8 дюймов и шириной 127 футов 4 дюйма, так что на вершине было достаточно места для большого

<sup>89</sup> См.: *Shliemann H. Mykenae*. P. 78.

<sup>90</sup> *Павсаний*. I. 28. § 3.

дома и двора. К северу и югу от окружной стены находятся башни циклопической кладки; от каждой из них вниз идет огромная стена из гигантских булыжников. Однако на некотором расстоянии эти две стены начинают изгибаться и в конце концов соединяются друг с другом. Еще две циклопических стены идут вниз с вершины – одна на восток, другая на юго-восток – и соединяются с изгибом, образованным двумя вышеупомянутыми стенами. Наконец, я должен упомянуть об огромной окружной стене примерно в 50 футах ниже верхней окружной стены. Эта стена на западной стороне рухнула, однако на других сторонах сохранилась удивительно хорошо. Чтобы увеличить обороноспособность этого места, подножие скалы было срезано так, что получилась перпендикулярная каменная стена высотой 10 футов. В стенах можно видеть трое ворот.

Между всеми этими циклопическими стенами некогда находился город, который мог содержать 2 тысячи домов, или вырубленных из скалы, или построенных из циклопической кладки. Я обнаружил более-менее сохранившиеся руины 190 таких домов. Я измерил двенадцать из них и обнаружил, что длина их колеблется между 21 и 63 футами и ширина – от 15 до 20 футов. Обычный размер грубо вырубленных камней – 5 футов в длину, 4 фута 8 дюймов в ширину и 2 фута в толщину. Размер этих камней значительно превосходит камни в циклопических домах, которые я обнаружил в Микенах и Тиринфе. Некоторые дома состоят только из одной комнаты; в других было четыре или даже шесть комнат. Снизу ни один из домов не виден; и поскольку крестьяне Итаки думали, что это просто кучи камней, они не показывали их чужеземцам, которые могли всходить на гору Ээт сотни раз, не замечая ни одного из них, поскольку склоны Ээта поднимаются под углом 35°, и, таким образом, они на 7° круче, чем верхний конус горы Везувий. Вследствие этого подниматься на гору Ээт исключительно тяжело и утомительно, тем более что она полна острых скал и заросла колючим подлеском и чертополохом. Кроме того, тропинка, по которой крестьяне водят гостей на вершину, не проходит мимо ни одного из лучше всего сохранившихся циклопических домов; она идет только мимо нескольких фундаментов, в которых даже лучший археолог может не узнать остатки домов, если только он не видел лучше сохранившиеся здания. По всем этим причинам даже полковник Лик видел только «на склоне Ээта несколько террасных стен и несколько фундаментов зданий»; по этому замечанию никто не мог бы ожидать найти здесь более-менее хорошо сохранившиеся руины 190 домов древнейшей столицы Итаки, которая, однако, еще до полковника Лика была идентифицирована Уильямом Джеллом<sup>91</sup>. Эта циклопическая столица уникальна для всего мира, и каждый поклонник Гомера должен поехать и посмотреть ее. Посетители должны взять в качестве гида крестьянина Николаоса Псарроса, которого я несколько раз водил по древнему городу. Живет он у подножия горы Ээт, рядом с часовней Святого Георгия.

В течение двух недель с тридцатью рабочими я вел раскопки в этих циклопических зданиях, однако единственными результатами всей моей работы были фрагменты керамики, которые не походили ни на какую микенскую керамику, но были очень похожи на керамику двух древнейших городов Трои, фрагменты любопытнейших черепиц с оттиснутым на них орнаментом, а также две с какими-то писаными буквами, которые я не могу считать очень древними, и фрагменты очень древней и весьма интересной ручной мельницы. Однако следует удивиться и тому, что мне удалось найти хотя бы это, поскольку из-за крутого склона скопление мусора здесь было невозможно, и сильные зимние дожди веками смывали все остатки древнего ремесла в море. Жара на вершине Ээта страшная – из-за скал и камней, которые нагреваются на солнце.

Едва ли стоит говорить о том, что рисунок с изображением замка Улисса, который дает сэръ У. Джелл в своей «Итаке», совершенно фантастический.

<sup>91</sup> Gell W. The Geography and Antiquities of Ithaca. London, 1807 (Джелл У. География и древности Итаки).

Я также начал раскапывать сталактитовый грот вблизи небольшого порта Дексия, который обычно отождествляется с портом Форкидой, куда Одиссея высадили феаки; поэтому грот поспешили отождествить с гомеровским гротом нимф, в котором Одиссей с помощью Афины спрятал свои сокровища. Но, вырыв траншею перед маленьким алтарем вплоть до скалы и не найдя ни черепка, я оставил эти бесплодные раскопки. Грот весьма обширен и в точности отвечает описанию Гомера, который говорит, что

... в гроте два входа:

Людам один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;  
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен – не дерзает  
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным  
открыт он<sup>92</sup>.

Все это правда, однако под входом для богов поэт имел в виду искусственно вырезанное отверстие в своде грота, которое должно было служить трубой для отвода дыма от жертвенных огней. От этой «трубы» до дна грота высота составляет 56 футов, и, конечно, ни один человек так войти в грот не может. Однако веками собственники поля, судя по всему, использовали «трубу», чтобы избавляться от камней, которых здесь великое множество, ибо грот заполнен небольшими камнями на глубину около 5 или 6 футов. Со свода грота свисают бесчисленные сталактиты, которые дали Гомеру идею каменных урн и амфор, а также каменных станов и веретен, на которых нимфы ткали пурпурные плащи и покрывала<sup>93</sup>. Я тщательнейшим образом исследовал всю южную часть Итаки. Городу Вати, современной столице Итаки, от силы сто лет от роду, и полное отсутствие древних черепков на плоской почве, по всей видимости, доказывает, что в древние времена на этом месте не было никакого города или деревни. До основания Вати город находился на скалистой высоте примерно в миле дальше к югу. На месте старого города я нашел лишь очень небольшой слой мусора и никаких следов древней керамики.

Близ юго-восточной оконечности острова, примерно в 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub> мили от Вати, есть несколько комнат, напоминающих конюшни, в среднем 25 футов в длину и 10 футов в ширину, отчасти вырубленных в скале, отчасти образованных циклопическими стенами из очень больших, грубо обтесанных камней, которые, очевидно, дали Гомеру мысль о двенадцати стойлах для свиней, построенных божественным свинопасом Евмеем<sup>94</sup>. К востоку от этих стойл и как раз перед ними тысячи весьма обычных, но очень древних черепков говорят о присутствии древнего сельского жилья, которое Гомер, должно быть, описал нам в виде дома и хозяйства Евмея<sup>95</sup>. Это еще более вероятно, поскольку на очень кратком расстоянии к югу от этого места, вблизи моря, находится белая скала с перпендикулярным обрывом высотой 100 футов, которая до сего дня зовется Коракс, Воронья скала, о которой упоминает и Гомер, когда рассказывает о том, как Одиссей подбивает Евмея на то, чтобы «низвергнуть

<sup>92</sup> Полностью этот пассаж (102—112) звучит так: В самой вершине залива широколиственная зрится Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом Грот, посвященный прекрасным, слывающим наядами нимфам; Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов Каменных: пчелы, гнездясь в их недрах, свой мед составляют; Также там много и каменных длинных станов; за станами Сидя, чудесно одежды пурпурные ткуют там наяды; Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа: Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен; К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен – не дерзает Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он. (Od. XIII. 109—112)

<sup>93</sup> См. стихи 105—108 в только что процитированном отрывке.

<sup>94</sup> ... на дворе же Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось: Каждую ночь в те закуты свиней загоняли... (Od. XIV. 12—14)

<sup>95</sup> Он на дворе перед домом в то время сидел за работой; Дом же стоял на высоком, открытом и кругообзорном Месте, просторный, отсюда обходный; его для свинных там Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом, Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых Камней построил; ограда терновая стены венчала... (Od. XIV. 5—10)

его с утеса», если он сочтет, что гость лжет<sup>96</sup>. Под Кораксом, в укромном уголке находится природный и всегда полноводный источник чистой воды, который традиция отождествляет с гомеровским источником Аретуса, где поили свиней Евмея<sup>97</sup>. Я вел раскопки в конюшнях, а также перед ними на месте сельского поселения; я обнаружил, что конюшни заполнены камнями, однако на месте дома я наткнулся на скалу на глубине 1 фута и нашел там три фрагмента очень интересной, древнейшей нерасписанной керамики и архаической керамики с красными полосами, а также массу разбитой черепицы позднейшего периода.

В ходе своих раскопок у подножия горы Ээт я нашел две итакийские монеты, на одной стороне которых изображен петух с легендой ΙΘΑΚΩΝ а на другой стороне – голова Одиссея в конической шапочке, или пилидионе; а также две монеты Агафокла Сиракузского. Эти позднейшие монеты нередко обнаруживаются и в большом количестве имеются в продаже. Коринфские и римские монеты здесь также встречаются очень часто. Согласно Аристотелю и Антигону Каристию, ни один заяц не может жить на Итаке. Но на самом деле наоборот: зайцев здесь гораздо больше, чем на каком-либо другом греческом острове, и практически невозможно охотиться на них по крутым склонам огромных гор, поросших колючим подлеском.

Могу добавить, что Итака, как и Утика, – слово финикийское и значит «колония». Согласно Гомеру, Посейдон был дедом Лаэрта, и г-н Гладстон, судя по всему, прав, считая, что происхождение от Посейдона всегда означает «происхождение от финикиян».

Я от души рекомендую посетить Итаку не только всем поклонникам Гомера, но также и всем тем, кто хочет увидеть древнегреческий тип мужской и восхитительной женской красоты. Гости, будучи в Вати, пусть не преминут заглянуть к моему другу г-ну Аристидесу Дендриносу; его и его любезную супругу, г-жу Праксидею Дендринос, я здесь горячо благодарю за их щедрое гостеприимство. Г-н Дендринос – самый богатый человек на Итаке и в любое время будет счастлив помочь путешественникам своим советом. У него есть сын Телемах и дочь Пенелопа.

---

<sup>96</sup> ... когда же, Мне вопреки, господин твой домой не воротится – всех ты Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги. (Od. XIV. 397—400)

<sup>97</sup> Встретишь его ты у стада свиней: близ утеса Коракса, Подле ключа Аретусы лазеревой стадо пасется, Жадно питаюсь там желудью и водой запивая Пищу, которая тушу свиную густым наливает Жиром... (Od. XIII. 407—411)

## § VIII. Четвертый год работы в Трое: 1878

Я возобновил свои раскопки в Трое в конце сентября 1878 года с большим количеством рабочих и множеством запряженных лошадей тележек, заранее построив покрытые войлоком деревянные бараки с девятью комнатами для своего собственного проживания и для моих надсмотрщиков, слуг и гостей. Дополнительно я построил деревянный барак, который служил как складом для древностей, так и небольшой столовой, а также деревянный склад, где хранились древности, которые предстояло разделить между Императорским музеем и мною и ключ от которого был у турецкого представителя; для моих инструментов, тачек, ручных тележек и других машин для раскопок был построен деревянный склад; кроме того, маленький каменный дом под кухню, деревянный дом для моих десяти жандармов и конюшню для лошадей. Все эти здания были поставлены на северо-западном склоне Гиссарлыка, который здесь спускается на долину под углом 75°. Место, где находились мои бараки, по измерениям месье Бюрнуфа, расположено на высоте 25,55 метра = 84 фута над уровнем моря и соответственно на 23,88 метра = 78 футов ниже вершины Гиссарлыка.

Десять жандармов, которым я платил 20 фунтов 10 шиллингов ежемесячно, были все беженцами из Румелии и были очень полезны для меня, поскольку они не только служили охраной против бандитов, которыми кишела Трояда, но также бдительно следили за моими рабочими во время раскопок и таким образом вынуждали их быть честными.

Насколько мои жандармы были необходимы для меня – не могло быть лучше доказано, чем сражением, которое произошло вскоре после моего отъезда в деревне Калифатли лишь в двадцати минутах ходьбы от Гиссарлыка, между крестьянами и большим количеством вооруженных черкесов, которые ночью напали на дом крестьянина, у которого, как говорили, было 10 тысяч франков. Крестьянин поднялся на террасу своего дома и стал звать на помощь, на что его соседи поспешили со своими винтовками и убили двоих нападающих, но, к несчастью, потеряли и двоих своих – шурина и зятя демарха Калифатли.

Заработная плата моих трех наблюдателей составляла от 5 до 10 футов ежемесячно; рядовых рабочих – 2 франка, или 20 пенсов, в день; три плотника получали 3<sup>1</sup>/<sub>4</sub> франка, или 2 шиллинга 7 пенсов; колесник – 5 франков, или 4 шиллинга, в день. Однако самую высокую зарплату приходилось платить моему слуге, который считал себя незаменимым и вследствие этого отказывался работать меньше чем за 300 франков, или 12 фунтов, в месяц; но он зарабатывал по меньшей мере вдвое больше в своей винной и хлебной лавке, где управляющим был его брат, так как он продавал моим рабочим в кредит, и, поскольку он был моим кассиром, он всегда легко мог получить свои деньги обратно и никогда не мог оказаться в проигрыше.

Мои старания теперь были в основном направлены на раскопки большого здания к западу и северо-западу от ворот и на северовосточное продолжение ворот<sup>98</sup>. Я всегда считал большое здание резиденцией последнего правителя или царя Трои, поскольку в нем или рядом с ним было найдено не только большое сокровище, которое я обнаружил сам, но также и сокровище, которое было скрыто от меня моими рабочими и захвачено турецкими властями, помимо большого количества троянской керамики; но теперь я еще больше уверен в этом отождествлении, поскольку я опять открыл в нем или рядом с ним три небольших клада и большой клад золотых украшений. Из них первый был найден и раскопан 21 октября в присутствии семи офицеров корабля ее величества «Монарх», в комнате в северо-восточной части здания на глубине 26 футов 5 дюймов под поверхностью холма. Он содержался в

<sup>98</sup> См. на рис. 10 весь блок спереди; а также блок, на котором стоят два дома.

разбитом терракотовом сосуде ручной работы, который лежал в наклонном положении примерно в 3 футах над полом и, видимо, упал с верхнего этажа.

Я привожу рисунок дома городского старейшины в главе о третьем городе. Его самая длинная стена идет параллельно с большой внешней стеной города и ее длина составляет 53 фута 4 дюйма, а высота – 4 фута 4 дюйма; она состоит из мелких и крупных камней, сцементированных глиной. Вблизи северо-западного конца этой стены и примерно в 3 футах над землей я нашел в слое серых древесных углей два клада поменьше; оба они находились в разбитых терракотовых вазах ручной лепки, из которых одна лежала в наклонном, а другая в горизонтальном положении. Из этого я сделал вывод, что оба они упали с верхней части дома; горлышки ваз почти соприкасались друг с другом. Только в 3 футах от этой находки, но на самой стене дома и на глубине 26 футов под поверхностью земли был найден более крупный клад из бронзового оружия и золотых украшений. Все предметы, содержащиеся в этих четырех кладах, а также все другие древности, обнаруженные в ходе этих раскопок, будут описаны на последующих страницах, как и золотые украшения, найденные в других местах.

Я также продолжил раскопки на месте моей старой платформы, на северной стороне холма<sup>99</sup>, однако из-за зимних дождей был вынужден остановить работы 26 ноября. Согласно тому, что было оговорено в моем фирмане, я должен был отдать две трети всех найденных мною предметов в Императорский музей и увез сам только треть.

---

<sup>99</sup> См. рис. 4, слева; а также план I (план Трои) между точками X и C.

## § IX. Пятый год работы в Трое и курганы героев, а также исследование Трои: 1879

Я отправился в Европу и возвратился в Дарданеллы к концу февраля 1879 года. Обеспечив себе снова услуги десяти жандармов, или заптиехов, и 150 рабочих, я возобновил раскопки 1 марта. До середины марта я жестоко страдал от северного ветра, который приносил такой ледяной холод, что в моих деревянных бараках нельзя было ни читать, ни писать, и я мог согреться только активной физической работой в траншеях. Чтобы не простудиться, я, как всегда, очень рано каждое утро отправлялся к Геллеспонту, чтобы искупаться в море, но всегда возвращался в Гиссарлык до восхода и до начала работы<sup>100</sup>. Два моих жандарма всегда служили мне охраной во время этих омовений и во всех случаях, когда мне приходилось отлучаться с Гиссарлыка. Однако холод длился только две недели, и после этого все время стояла прекрасная погода. Аисты появились в начале марта.

В конце марта ко мне в Гиссарлыке присоединился мой досточтимый друг профессор Рудольф Вирхов из Берлина и месье Эмиль Бюрнуф из Парижа, почетный директор Французской школы в Афинах; последнего послало в Трою с научной миссией французское правительство по инициативе месье Жюля Ферри, министра общественного образования. Оба помогали мне в моих исследованиях в полную силу своих способностей. Профессор Вирхов изучил флору, фауну и геологические характеристики долины Трои и также состояние руин и щебня, обнаруженных в ходе моих раскопок; и месье Бюрнуф, который является прекрасным инженером и художником, сделал все планы и карты, а также многие из набросков, содержащихся в этой книге. Он также изучил геологию долины Трои и многие слои руин на Гиссарлыке.

Мои усилия в тот момент были направлены в основном на то, чтобы раскрыть все стены в окружности, и, таким образом, я вел раскопки к востоку и юго-востоку от ворот<sup>101</sup> (которые, согласно измерениям месье Бюрнуфа, находятся в 41,10 метра = 135 футах 2 дюймах над уровнем моря и в 8,33 метра = 27 футах 5 дюймах ниже поверхности холма), а также к северо-западу и к северу от дома старейшины и к востоку от моей большой северной траншеи<sup>102</sup>. Было особенно важно сохранить дома сожженного города; поэтому я постепенно раскапывал руины трех верхних городов по горизонтали слой за слоем, пока не достиг легкоузнаваемых обгоревших руин третьего, или сожженного, города. Сведя к одному уровню все пространство, которое я намеревался исследовать, я начал с конца этого участка, раскапывая дом за домом и постепенно продвигаясь с этой работой в направлении северного склона, куда приходилось сбрасывать мусор. Таким образом я смог раскопать все дома третьего города, не повредив их стен. Однако, конечно, все, что я смог найти от них, были основания или первые этажи высотой от 3 до 10 футов, построенные из кирпича или камня, сцементированного землей. Огромное количество кувшинов, которое в них было, не оставляет никаких сомнений в том, что эти помещения служили в качестве подвалов; хотя с первого взгляда кажется трудным объяснить редкость дверных проемов, лишь немногие из которых

---

<sup>100</sup> Эти поездки в темноте не обходились без происшествий. Те, кто путешествует по Трое, увидят, что на северном краю моста в Кум-Кее недостает большого камня. Этот камень выломался, когда однажды я в темноте проехал на лошади слишком близко к углу и вместе с лошадей упал в кусты под мостом. Лошадь свалилась на меня, и я не мог из-под нее выбраться; поскольку мои жандармы отправились вперед, они не могли слышать мои крики. Я целый час пробыл в таком отчаянном положении, пока, наконец, мои жандармы, увидев, что я не приехал на свое обычное место купания в Каранлыке, вернулись и освободили меня. После этого происшествия я всегда спешиваюсь перед тем, как въехать на турецкий мост, и веду свою лошадь под уздцы.

<sup>101</sup> См. план I (план Трои).

<sup>102</sup> См. план III (в разрезе), X, Y.

могут видеть посетители, однако представляется, что в эти нижние части домов входили по деревянным лестницам или стремянкам сверху. Тем не менее обычные дверные проемы существуют во всех комнатах и покоях большого здания к западу и северо-западу от ворот.

Профессор Вирхов обращает внимание на тот факт, что с архитектурной точки зрения положение третьего города является точным прототипом зданий того типа, который все еще характерен для деревень Троады. Только когда медицинская практика<sup>103</sup> заставила его войти внутрь современных домов, он смог понять архитектурные детали домов древнего города. Для этой архитектуры характерно то, что в большинстве случаев в нижней части домов не было входа и она окружена каменной стеной. Верхний этаж, который строят из квадратных, высушенных на солнце кирпичей, служит жилищем для всей семьи; нижний, в который входят по лестнице или стремянке сверху, служит кладовкой. Если в нижнем этаже есть отдельная дверь, то он, как правило, используется как стойло для скота. Когда, как нередко случается и сегодня, современные дома такого типа разрушаются, эти руины выглядят точно так же, как руины третьего, или сожженного, города Гиссарлыка. На камнях стен первого этажа троянских домов нет никаких следов обработки; они извлечены из легкодоступных естественных слоев третичного пресноводного известняка соседнего горного хребта. Комнаты, окруженные этими стенами троянских домов, содержат гигантские терракотовые кувшины, которые нередко стоят рядами; их огромный размер (в каждом из них человек может стоять) говорит о значительном богатстве.

Улицы также были редки; ибо за исключением широкой улицы, которая вела от ворот, я обнаружил только одну улицу шириной 4 фута, замощенную большими плитами, которые несут на себе следы сильного жара. Эту улицу можно видеть прямо над руинами второго города на восточной стороне моей большой траншеи<sup>104</sup>; кроме того, есть между троянскими домами проход шириной 2 фута, который отходит под прямым углом от улицы *d* на северо-восток. Далее, я вел раскопки на восток и юго-восток от Большой башни, где я был вынужден уничтожить несколько стен домов рядом со складом, в котором находились десять больших кувшинов, обнаруженных в 1873 году<sup>105</sup>, чтобы открыть городскую стену и ее связь с двумя гигантскими каменными стенами, которые я назвал Большой башней. Все это было исполнено. Мои раскопки на юге, юго-западе, западе, северо-западе и к северу от ворот также позволили мне обнаружить городскую стену в этих направлениях; так что теперь вся ее окружность открыта, за исключением того, что было срезано моей большой траншеей. В ходе этих исследований я нашел (в присутствии профессора Вирхова и месье Бюрнуфа) на склоне северо-восточной части стены еще один клад, состоявший из золотых украшений, который будет описан позже.

Вне города, на восточной стороне, я обнаружил множество стен домов, однако почти никаких древностей; это обстоятельство, как кажется, доказывает, что в пригороде обитали более бедные классы. Юго-восточный угол города не несет никаких следов большого пожара.

Я раскопал примерно половину моей большой траншеи до известняковой скалы и таким образом обнажил три параллельных стены<sup>106</sup> домов первых поселенцев Гиссарлыка. Я также выкопал большую канаву для отвода дождевой воды.

Хотя его превосходительство Муниф-эфенди, министр общественного образования, уже в январе 1879 года дал согласие на просьбу его превосходительства сэра Генри Лэйарда с тем, чтобы мне был дарован фирман на раскопку курганов, так называемых гробниц

<sup>103</sup> В приложении V я даю интересный рассказ профессора Вирхова о его медицинской практике в Троаде.

<sup>104</sup> Эта улица помечена *d* на плане I (план Трои).

<sup>105</sup> См. рис. 8.

<sup>106</sup> См. план III, *f*, между M и N.

героев Троицы, мне было очень сложно получить его. Однако мне очень помог сэр Генри Лэйард и мой досточтимый друг г-н Эд. Мэлет, уполномоченный посол во время его отсутствия, а также его превосходительство граф Хатцфельдт, немецкий посланник в Константинополе, который помог мне по просьбе профессора Вирхова, и фирман наконец был получен 17 апреля. Я немедленно начал исследовать два крупнейших кургана Троицы, Бесика-Тепе и Ужек-Тепе, а также четыре меньших. Эти раскопки будут описаны подробно в главе о курганах.

В обществе профессора Вирхова я снова посетил деревню Бунарбаши и высоты за ней – Бали-Даг, которые в течение почти ста лет пользовались незаслуженной честью считаться местом, где располагался гомеровский Илион.

Профессор Вирхов полностью согласен со мною в том, что окружные стены небольшого акрополя – которые, согласно измерениям месье Бюрнуфа, находятся в 144,36 метра = 472 футах над уровнем моря и в которых столь многие современные светила археологии видели стены приамовского Пергама, – ничем не заслуживают именования «циклопические». Он был первым, кто заметил по особой манере, в которой обтесаны камни в этих стенах, что они были аккуратно обколоты (*abgesplittert*) с помощью железного отбойного молотка и, следовательно, должны принадлежать к гораздо более позднему периоду. Как уже было сказано выше, эти руины, возможно, отмечают место, где находилась Гергифа; там, согласно Ксенофону, царица Мания держала свои сокровища<sup>107</sup>. Я показал ему, что средняя глубина культурного слоя в маленьком акрополе составляет только 1 фут 6 дюймов и что здесь обнаруживается только эллинская керамика. В ложине в форме амфитеатра он распознал агору этого городка; здесь еще можно видеть руины четырех рядов каменных сидений. Странно, что эту агору никто не замечал раньше и что именно острому глазу профессора Вирхова было суждено обнаружить ее.

Мы также посетили источники<sup>108</sup> в Бунарбаши<sup>109</sup>, которые, согласно измерениям месье Бюрнуфа, находятся в 27,77 метра = 91 футе над уровнем моря и в которых защитники теории «Бунарбаши—Троя» узнают лишь два источника – один теплый, один холодный как лед, – дабы заставить их согласоваться с тем, как описывает Гомер источники, близ которых Гектор был убит Ахиллом:

Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,  
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;  
Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою  
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.  
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно  
Пар от него подымается, словно как дым от огнища;  
Но источник другой и средь лета студень катится,  
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная  
влага<sup>110</sup>.

<sup>107</sup> «Сделав это, он [Мидий] овладел укрепленными городами Скепсием и Гергифом, где преимущественно хранились сокровища Мании». (Ксенофонт. Греческая история. III. 1. § 15; цитируется перевод С. Лурье; Мания – вдова персидского сатрапа Зения, правившая вместо него в Малой Азии в конце V века до н. э. и убитая своим зятем Мидием. – Пер.)

<sup>108</sup> Как уже говорилось, я насчитал здесь тридцать четыре источника; однако, поскольку место, из которого они бьют, по-турецки именуется Кырк-Гоз, или «сорок глаз», возможно, на самом деле здесь сорок источников.

<sup>109</sup> «Бунарбаши» означает «глава источников». Кларк (Clarke) напоминает нам (I. P. 109), что в Уэльсе есть место, называемое Pen tre funnyn, что означает «глава трех источников».

<sup>110</sup> II. XXII. 145—152. (Здесь и далее цитаты из Илиады. приводятся в переводе Н.И. Гнедича. – Пер.)

Профессор Вирхов обнаружил, что в двух источниках температура составляет 16,8 °С (62,24° по Фаренгейту), в третьем – 17° (62,6° по Фаренгейту). Последний источник бьет в болоте, и, как объясняет профессор Вирхов, именно поэтому он чуть теплее, поскольку вода тут стоячая. С другой стороны, источник с температурой 17° тут же впадает в небольшой ручей, образованный другими источниками выше его, и поэтому он кажется чуть более холодным; температура двух источников с температурой 16,8° была измерена прямо там, где они, бурля, вытекали из-под скалы; и, таким образом, как говорит Вирхов, вполне понятно, что разница в температуре воды в болоте и в проточной воде ручейка еще более очевидна зимой, чем весной или летом, когда можно видеть, что пар поднимается из первого, но не из второго.

Далее, я посетил вместе с тем же самым другом обширные руины Александрии-Троады на берегу почти напротив Тенедоса<sup>111</sup>. Оттуда мы отправились к горячим источникам под названием Лигия-Хаммам, в долине на юго-востоке; высота над уровнем моря здесь составляла, согласно Вирхову, 85 футов. Вода была соленой и железистой, и ее температура равнялась 150° по Фаренгейту, согласно Баркеру Уэббу<sup>112</sup>; согласно Кларку<sup>113</sup> – только 142° по Фаренгейту. Многочисленные древние руины в долине не оставляют никаких сомнений в том, что эти источники славились и в древности. Источники часто посещают летом больные ревматизмом и страдающие кожными заболеваниями. Мы провели ночь в цветущей турецкой деревне Кестамбул, которая господствует над великолепным видом на гору Чигри (именуемую по-турецки Чигри-Даг) и Эгейское море. Затем мы поднялись на гору Чигри (ее высота над уровнем моря составляет 1639 футов, согласно Вирхову), прошли на своем пути мимо древних каменоломен близ деревни Коч-Али-Овасси. Здесь мы видели семь колонн, которые были вырублены целыми из гранитной скалы, каждая длиной 38 футов 6 дюймов; их диаметр составляет наверху 4 фута 6 дюймов и 5 футов 6 дюймов у основания. Они, видимо, были предназначены для Александрии-Троады, поскольку в точности похожи на три колонны, которые лежат там на побережье.

На вершине горы Чигри мы пришли в восторг от огромных эллинских руин, которые, как полагает г-н Калверт, отмечают место, где находилась Неандрия, в то время как другие отождествляют их с Кенхреями. Крепость, которая отличается необычайной длиной в 1900 шагов и шириной в 520, считается очень древней, и некоторые ее части можно отнести к той же эпохе, что Тиринф и Микены. Однако здесь мы не смогли обнаружить ничего, что смогло бы претендовать на глубокую древность; кроме того, доисторические города всегда очень малы. Средняя ширина стен составляет 10 футов; они состоят из двух параллельных стен правильной горизонтальной кладки из гранитных блоков, промежутки между которыми заполнены небольшими камнями. Мы думаем, что такую кладку (которую также можно видеть на знаменитом акрополе Асса) нельзя считать древнее македонского периода, тем

<sup>111</sup> В противоположность общему мнению, я полагаю, что этот город не был основан Антигоном, но что он был только расширен им, так как Страбон (XIII. С. 593, 604) ясно говорит, что «это место раньше называлось Сигия» и что Антигон колонизировал его, поселив туда обитателей Хрисы, Кебрены, Неандрии, Скепсиса, Ларисы и Антигонии. Далее, он говорит, что впоследствии город был украшен Лисимахом, который назвал его в честь Александра Великого Александрией-Троадой. Юлию Цезарю так понравилось его местоположение, что, согласно Светонию (Юлий Цезарь. 79) он собирался сделать его столицей Римской империи. Согласно Зосиму (II. 30) и Зонаре (XIII. 3), у Константина Великого было то же самое намерение до того, как он выбрал Византий; он собирался построить свою новую столицу «посреди Троады (Александрии) и древнего Илиона», согласно Зосиму, и «в Сигее» (sic) согласно Зонаре. При Адриане знаменитый Герод Аттик был правителем этого города. Многие части гигантского акведука, который он построил и в стоимость которого его отец Аттик вложил 3 миллиона драхм своих собственных денег, все еще существуют. Александрия-Троада упоминается также в Священном Писании (под названием Троада) как один из городов, которые посетил святой Павел (Деян., 20: 5). Обширные византийские руины здесь не оставляют никаких сомнений в том, что город был обитаем вплоть до конца Средневековья. Теперь он именуется Эски-Стамбул (то есть Старый город).

<sup>112</sup> *Webb P.B.* Op. cit. P. 131.

<sup>113</sup> *Clarke E.D.* Op. cit. I. 148.

более что камни были обработаны железным молотком. Некоторые части стен, которые мы видели, состояли из хорошо пригнанных друг к другу многоугольных камней, однако они также не показались нам очень древними. Фактически я могу указать в Греции на несколько стен из многоугольных камней, которые, как мы знаем, были воздвигнуты в македонский период; например, фундаменты некоторых мавзолеев на древнем кладбище Святой Троицы в Афинах и укрепления Саламина. Стены крепости на горе Чигри большей частью достаточно хорошо сохранились, однако во многих местах они более или менее разрушены. Я отношу это на счет корней деревьев, которые растут между небольшими камнями и, видимо, раздвигают большие блоки. Профессор Вирхов считает это объяснение существенным, однако предпочитает приписывать разрушение стен землетрясениям. Следует заметить, что голая скала выступает наружу во многих местах в этой крепости и что здесь нет скопления мусора; только местами я видел позднееримские черепки и несколько фрагментов поздних кирпичей.

Далее, мы посетили небольшой турецкий городок Ине на Скамандре, расположенный в 304 футах над уровнем моря, название которого, возможно, является испорченным *Aenea*<sup>114</sup>. Как бы то ни было, представляется очевидным, что Ине стоит на месте древнего города, возможно, как полагает г-н Калверт, Скамандрии, поскольку здесь можно видеть множество фрагментов древней керамики и массы фрагментов сосудов выступают из глиняных стен домов; многие фрагменты являются эллинскими. Из Ине мы отправились в красиво расположенный город Байрамыч, который стоит на плато на берегах Скамандра в 516 футах над уровнем моря, согласно Вирхову, откуда мы проехали в аккуратную деревеньку Эвджилар, которая расположена в 864 футах над уровнем моря; название Эвджилар означает «деревня охотников». Она также стоит на берегу Скамандра, ширина которого здесь варьируется от 40 до 66 футов, притом что глубина воды составляет от силы фут. С нами было три верховых и два пеших жандарма, поскольку в сельской местности тут небезопасно.

Затем мы вззошли на вершины Иды, которые покрыты прекрасным дубовым и сосновым лесом<sup>115</sup>, смешанным с каштановыми деревьями, платанами, липами и т. п. Дождь, стекавший вниз бурными потоками, не дал нам подняться на вершину Гаргары, которая расположена в 5750 футах над уровнем моря. Мы смогли добраться только до истоков Скамандра, которые лежат в 4056 футах ниже вершины горы. Главный источник, который, согласно Вирхову, расположен в 1694 футах выше уровня моря, изливает поток примерно 7 футов шириной из естественной пещеры в почти вертикальной скальной стене высотой от 250 до 300 футов, которая состоит из грубого кристаллического мрамора. Поток сразу падает почти вертикально вниз на 60 или 70 футов на выступающую часть скалы, и через 200 футов в него впадает еще небольшой ручеек, образованный водами трех меньших, но все же изобильных источников, а также крошечные ручейки, вытекающие из расщелин скал рядом с большой пещерой, и довольно большая речка, которую образует тающий снег (летом воды в ней совсем немного). Примерно в 200 футах от большой пещеры, в пяти или шести шагах от русла реки, находится небольшая впадина, очевидно та самая, о которой пишет П. Баркер Уэбб<sup>116</sup> и из которой некогда тек изобильный источник теплой воды; но теперь, возможно уже много лет, эта впадина пуста, и источник прорезал себе другую дорогу через скалу значительно ниже и ближе к Скамандру, в который он втекает. Температура этого источника, по наблюдениям Вирхова, составляет 60,44°, температура воздуха – 58,64°, а температура Ска-

<sup>114</sup> Близ Ине находятся серебряные рудники (см.: *Chandler*. I. 142; *Pococke*. III. P. 160; *Lechevalier*. I. *Voyage dans la Troade*. P. 128); весьма возможно, что вместо «Неа Кома (и Аргирия)» (ἡ Νέα κόμη) между Палихной и Палескеписом у Страбона (XIII. P. 603) следует читать «Энеа Кома» (Ἀ#νεα или #νεα κόμη) (см.: *Groskurd*. II. P. 480, 580). Плиний в «Естественной истории» (II. 96, 97; V. 30. 30) и Стефан Византийский (С. 487), которые упоминают Неа, видимо, заимствовали это у Страбона (С. 603). См.: *Pauly A. Real Encyclopädie*, s. v. «Nea».

<sup>115</sup> Многие дубы иссохшие, многие древние сосны. (II. XI. 494)

<sup>116</sup> *Webb P.B.* Op. cit. P. 46.

мандра, вытекающего из пещеры, равнялась 47,12°. Профессор Вирхов отмечает<sup>117</sup>: «Хотя в «Илиаде»<sup>118</sup> говорится, что Скамандр – одна из рек, вытекающих из горного массива Иды, однако по поводу точного местонахождения его истоков присутствовали некоторые сомнения. Мне представляется, что эти сомнения возникли благодаря утверждениям Деметрия из Скепсиса, который среди различных вершин Иды говорит о Котиле как о месте, где находятся истоки Скамандра, в то время как формулировки, содержащиеся в «Илиаде», скорее указывают на гору Гаргара. Здесь Зевсу были посвящены роща и алтарь<sup>119</sup>, и здесь он имел обыкновение находиться подолгу<sup>120</sup>. И если Скамандр именуется сыном Зевса, где еще мог быть его источник, как не на горе Гаргара? Хотя, согласно Гершеру<sup>121</sup>, постоянное добавление «вечным рожденного Зевсом»<sup>122</sup> может считаться поздней интерполяцией, остается еще эпитет «изливающийся с неба»<sup>123</sup>, который встречается три раза; и даже если начало двенадцатой книги «Илиады», где Скамандр называют «священным» (δῖος)<sup>124</sup>, не является подлинным, однако божественный характер реки-бога ясно засвидетельствован в «Приречной битве»<sup>125\*</sup>. Здесь Гера называет Скамандр «бессмертным богом»<sup>126</sup>, а Ахилл – «громовержец питомец»<sup>127</sup>. В воображении поэта река и речной бог сливаются в одну личность, и происхождение обоих справедливо приписывается великому божееству бури с горы Гаргара».



Рис. 15. Долина Симоента. Вид с края южного болота. Слева – высоты между Симоентом и Геллеспонтом; справа – плато между Симоентом и Фимбрией; на заднем плане – Улу-Даг

Мы вернулись в Эвджилар и оттуда через Эренлю (780 футов над уровнем моря), Буджук-Бунарбаши и Айваджик отправились в Бехрам – древний Асс, откуда в открытой лодке мы возвратились на Троянскую долину. Согласно измерениям Вирхова, Буджук-Бунарбаши находится в 907, Айваджик – в 871 и акрополь Асса – в 615 футах над уровнем моря. Я полностью согласен с полковником Ликом в том, что руины Асса дают наиболее совершенное представление о греческом городе, чем что-либо и где-либо еще. Его окружные стены

<sup>117</sup> Virchow R. Beiträge zur Landeskunde der Troas. S. 36.

<sup>118</sup> XII. 19–21.

<sup>119</sup> II. VIII. 48.

<sup>120</sup> II. XIV. 157, 158.

<sup>121</sup> Hercher. Philosophie und history. Abh. Der k. Akad. d. Wissensch. Berlin, 1875. S. 105.

<sup>122</sup> II. XIV. 434; XXI. 2; XXIV. 693.

<sup>123</sup> II. XVII. 263; XXI. 268, 326.

<sup>124</sup> II. XII. 21.

<sup>125\*</sup> «Приречная битва» – неофициальное название XXI песни «Илиады».

<sup>126</sup> XXI. 380.

<sup>127</sup> XXI. 223.

построены лучше и лучше сохранились, чем в каком-либо другом дошедшем до нашего времени греческом городе. В среднем их толщина составляет 8 футов 4 дюйма, и они состоят из обтесанных камней, квадратных или клиновидных, которые сложены точно так же, как стены большой крепости на горе Чигри; внутренняя часть стен, а также промежутки между стенами заполнены маленькими камнями. Там, где стена состоит из квадратных блоков, они на равномерном расстоянии перемежаются длинными клинообразными блоками, которые служат для того, чтобы лучше закрепить их. На всех стенах есть вполне очевидные следы обработки с помощью железного молотка, и, следовательно, они не могут относиться к очень глубокой древности. Профессор Вирхов согласен со мною в том, что, хотя некоторые части стены могут относиться к VI веку до н. э., однако большая часть ее была построена в македонское время.

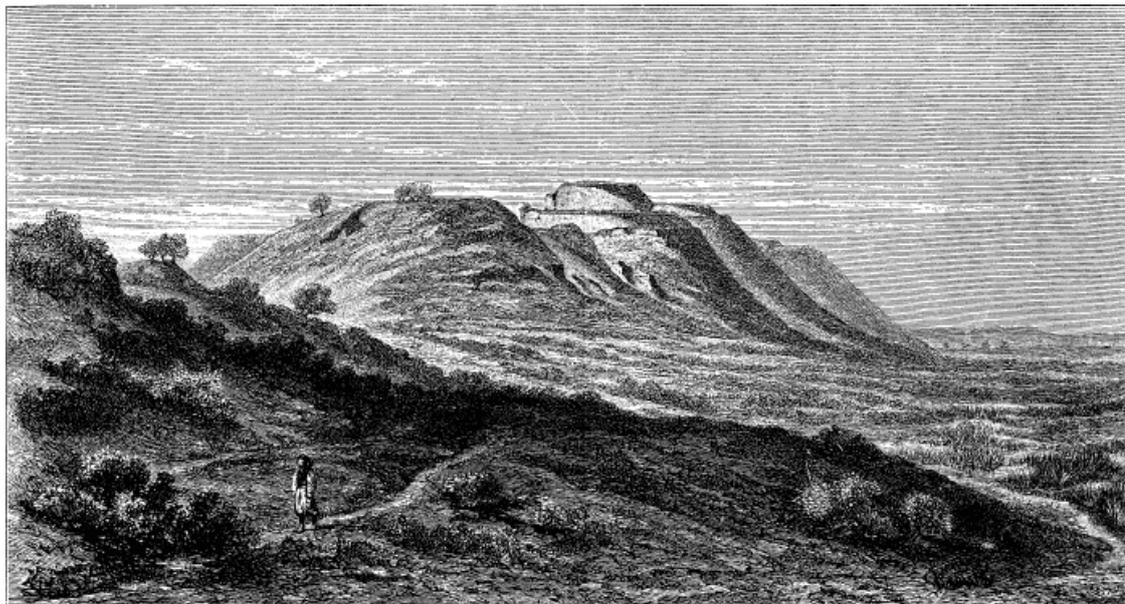
В обществе профессора Вирхова и месье Бюрнуфа я также проехал через долину Думбрека к горе Кара-Юр и горе Улу-Даг. Первая из них, согласно измерениям месье Бюрнуфа, находится в 209 метрах = 686 футах над уровнем моря и до сего времени удостаивалась чести быть отождествляемой с Калликолоной, упомянутой дважды у Гомера<sup>128</sup>. Однако поскольку поэт говорит, что бог войны перепрыгивает то с Илиона на Калликолону, то с Калликолону на Илион, то, по мнению профессора Вирхова, это должно предполагать, что Калликолону должна быть видна от Илиона, а гора Кара-Юр не удовлетворяет этому условию; он отождествляет с гомеровской Калликолоной гору Улу-Даг, поскольку это единственная другая крупная вершина в окрестностях Симоента; кроме того, Гиссарлык и почти любую точку на Троянской долине можно видеть с этой горы, чего нельзя сказать о горе Кара-Юр. Что касается Улу-Дага, то он, по измерениям месье Бюрнуфа, находится в 429,80 метра = 1409 футах над уровнем моря.

Мы также посетили руины древнего города Офриний, теперь Палеокастрон, который стоял между мысом Ретий и деревней Рен-Кей на высокой возвышенности, нависающей над Геллеспонтом; поэтому он так и назывался (от слова *#φρύς*<sup>129\*</sup>). Его акрополь примерно того же размера, что и на Гиссарлыке. Остатки стены с остатками двух башен видны на трех сторонах; возможно, на четвертой стене, которую защищает обрыв, стены и не было. Внутри акрополя находятся остатки множества зданий. Кажется, что нижний город простирался в долину на южной стороне акрополя, где множество куч камней, видимо, отмечают места, где находились дома; однако все фрагменты керамики, которые я смог собрать там или в акрополе, относятся уже к эллинскому периоду. Что касается отождествления этого места с Офринием, то монеты, найденные здесь, не оставляют в том никаких сомнений. На карте адмирала Спрэтта<sup>130\*</sup> местоположение Офриния ошибочно обозначено к востоку от Рен-Кея, в 2 милях от его настоящего местоположения.

<sup>128</sup> ... Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона, То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне. (II. XX. 52—53) Боги другие напротив, по калликолонским вершинам. (II. XX. 151)

<sup>129\*</sup> Круча, гребень, а также бровь (*др.-гр.*).

<sup>130\*</sup> С п р э т т Томас Абель Бримедж (1811—1888) — английский адмирал, картограф.



*Рис. 16.* Вид на Трою из эллинского амфитеатра. Болото справа образовано водами Симоента и водами источников, которые находятся под стенами Нового Илиона. На заднем плане справа – долина Скамандра. Вид на раскопки в 1879 г.

Мы также посетили скалистую высоту напротив Бали-Дага на восточной стороне Скамандра. Здесь на северо-западе, севере, северо-востоке, востоке и юго-востоке вершины мы нашли фрагменты больших стен, которые, судя по большим грудам камней по обеим сторонам от них, видимо, достигали высоты 20 футов или больше; они состоят из необработанных камней вместе с небольшими камнями. Самые большие блоки в этих стенах имеют длину 3 фута и примерно  $1\frac{1}{2}$  фута в ширину и высоту; однако в среднем камни намного меньше. Внутри стен можно проследить несколько фундаментов домов. Гораздо больше фундаментов можно заметить на плато под вершиной, а также по всему склону, куда, видимо, простирался нижний город. Холм на южной и западной стороне круто спускается к Скамандру почти по вертикали. Из-за множества неровностей почвы в этом маленьком акрополе, а также в нижнем городе дожди настолько смыли все следы культурного слоя, что везде выдается голая скала и раскопки здесь невозможны. Несмотря на самый тщательный осмотр, я не смог найти ни единого фрагмента керамики ни на акрополе, ни в нижнем городе. На северном склоне есть куча беспорядочно сваленных камней, которая потеряла свою коническую форму. Руины этого древнего акрополя и города помечены на карте адмирала Спрэтта 1840 года, однако они были указаны ему г-ном Фрэнком Калвертом, который обнаружил их.

Здесь я даю выдержку из речи, которую произнес профессор Вирхов по своему возвращении в Берлин из экспедиции в Троаду перед Берлинским обществом антропологии, этнологии и доисторической археологии 20 июня 1879 года:

«Та часть холма-цитадели Гиссарлык, в которой были обнаружены обугленные руины «сожженного города», ко времени моего отъезда из Троады была расчищена в значительном числе мест вплоть до материка. В одном месте мы достигли самой скалы, на которой был построен древнейший город. В середине большой траншеи Шлиман оставил стоящим большой блок, который (пока он держится) покажет посетителям первоначальный уровень поверхности. Он образует большую четырехугольную колонну, которая поднимается на высоту от 8 до 9 метров (от 26 футов 4 дюймов до 29 футов 7 дюймов) над уровнем почвы, на которой стоял дом городского старейшины. Однако под этим последним уровнем можно копать вглубь на 6, 8 и даже 10 метров (19 футов 9 дюймов, 26 футов 4 дюйма или

32 фута 10 дюймов) прежде, чем проникнуть через все слои руин. Таким образом, общая глубина всех слоев руин с поверхности до самой скалы достигает почти 20 метров. Все эти слои состоят из руин древних жилищ. Во всем нет даже намека на то, что это могло бы относиться к чему-либо другому.

Выглядит все это следующим образом: на последнем выступе третичного горного гребня, который выдается из вулканических гор на восток к Скамандру и поднимается на высоту, возможно, около 100 футов над долиной, находится холм, состоящий из слоев руин, в котором легко распознать стратификацию поселений, следовавших один за другим. Эти массы руин действительно выросли до невероятной высоты. Однако само то обстоятельство, что, возможно, нигде в мире не было еще открыто скопления такого рода – конгломерата, состоящего из таких масс руин следовавших друг за другом поселений, – доказывает, что необычайно долгое время должно было пройти от основания первого поселения до разрушения последнего. Что бы мы ни думали о том, как именно строились эти следовавшие друг за другом здания, для того, чтобы массы руин достигли такой глубины, несомненно, требовалось больше времени, чем мы могли бы обоснованно отвести на образование скопления руин в каком-либо другом месте в мире. Если кто-либо желает сравнивать, в лучшем случае некоторой параллелью могли бы послужить холмы Ассирии, в которых, благодаря большому количеству кирпичей, использовавшихся при постройке зданий, расплзшиеся массы глины достигли необычайного объема. До некоторой степени аналогией могут служить также раскопки на Палатинском холме в Риме. Однако руины Гиссарлыка отличаются от всех других тем, что здесь наличествует *более длинный ряд следовавших друг за другом разнородных слоев*, нежели в каком-либо другом известном нам месте; и они всей своей природой и состоянием свидетельствуют о неоднократно повторявшейся смене населения. Действительно, хотя продолжительность этих стадий нельзя определить в точном числе лет, однако мы тем не менее получаем хронологический базис на основе исследования заключенного в них материала, который находится там в изобилии.

Сколько долго вышеупомянутый блок сможет сопротивляться воздействию погоды, я не могу сказать. Во всяком случае, он будет еще в течение длительного времени служить свидетельством не только гигантской высоты этой массы руин, но также, как я полагаю, и невероятной энергии того человека, который с помощью своих личных средств успешно срыл такие огромные массы земли. Если бы вы могли видеть, какие горы земли (в полном смысле этого слова) нужно было срыть и убрать, чтобы увидеть нижние слои, вы действительно едва ли могли бы поверить в то, что один человек за несколько лет может осуществить столь великое предприятие. По этому случаю я должен защитить Шлимана от упрека (который, будучи сам по себе вероятным, обесценивается при близком рассмотрении) в том, что он не копал с поверхности слой за слоем, чтобы получить полный план для каждого последующего периода.

Несомненно, способ его раскопок – а именно единовременное выкапывание большой траншеи через весь холм – возымел в высшей степени разрушительное воздействие на верхние слои. В слоях, близких к поверхности, находились остатки храмов эллинского периода, колонн, тригифов и всевозможных мраморных фрагментов, беспорядочно набросанных друг на друга. Тем не менее с великим тщанием и вниманием, как те, с какими производятся раскопки в Олимпии, могло бы оказаться возможным восстановить храм или, по крайней мере, часть его. Однако Шлимана совершенно не интересовал храм, принадлежащий к периоду слишком позднему для него. Я могу также сказать, посмотрев на значительную часть фрагментов, что я сомневаюсь, была бы, если бы все они были собраны вместе, получена какая-либо существенная польза для истории науки или искусства. Я, конечно, могу согласиться с тем, что это было нечто вроде святотатства. Шлиман перерезал храм (Афины) прямо надвое: строительный материал был выброшен и отчасти снова закопан; нелегко было

бы кому-нибудь, даже со значительными затратами, собрать его снова. Однако, несомненно, если бы Шлиман продолжал подобным же образом, снимая руины слой за слоем от поверхности, из-за огромности этой задачи он даже сегодня, очевидно, не достиг бы слоев, в которых были найдены основные предметы. Он добрался до них, только немедленно вытащив «ядрышко» большого холма.

Холм Гиссарлык также вырос с течением времени не только в высоту, но также и в длину и толщину из-за масс руин, скрытых и выброшенных следовавшими друг за другом поколениями, чтобы получить место, где они могли бы строить. Поскольку раскопки в этом направлении проводились теперь систематически, можно с величайшей точностью извлечь хронологические выводы из скопления руин, которые в вертикальных шахтах показывают ряд слоев, лежащих друг на друге и наклоненных наружу под углом. Едва ли можно было бы прийти к таким выводам, если бы слои, которые лежат один на другом, но не всегда на одном и том же уровне, были просто последовательно сняты.

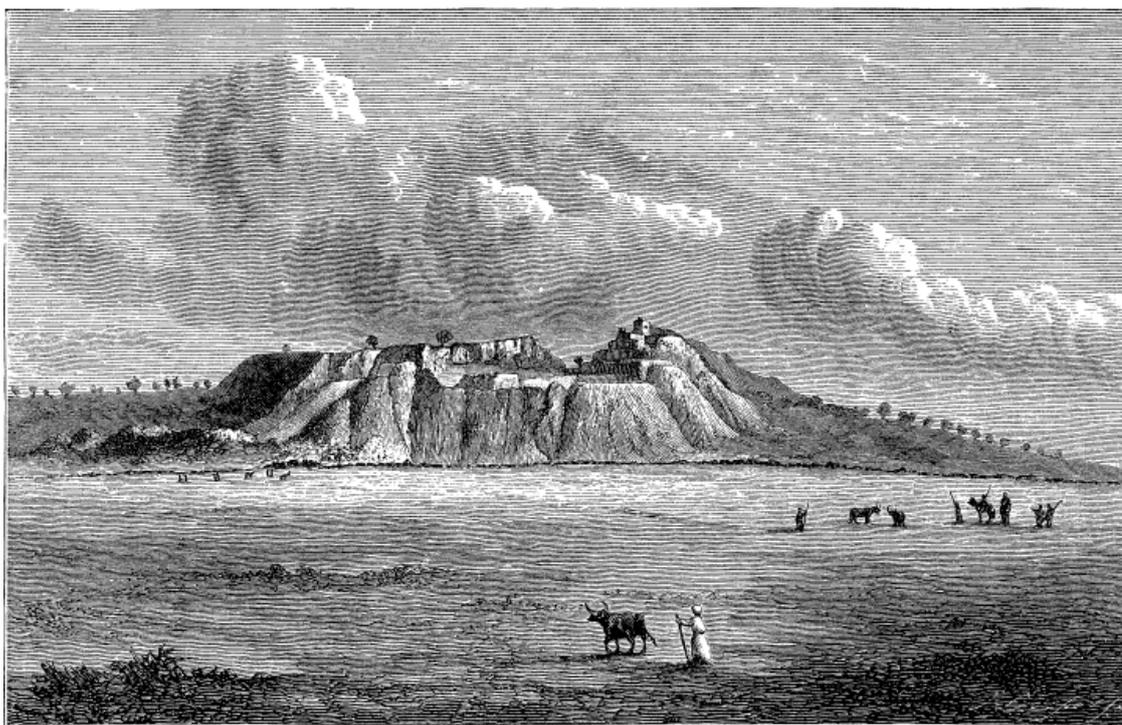


Рис. 17. Вид на Трою с юго-восточной стороны. Точка зрения – с плато между Симоном и Фимбрией, над амфитеатром Нового Илиона. Вид в 1879 г.

Близ поверхности в одном месте мы видим основание храма, в другом – стену, состоящую из правильных слоев обработанных камней эпохи Александра, так называемую стену Лисимаха. Ее положение очень характерно. В вертикальных шахтах, прорытых через внешнюю окружность холма, можно видеть последовательные наклонные слои руин, по которым легко можно понять, что мусор сбрасывали со склонов холма. На этих горах руин и построена стена<sup>131</sup>; она стоит не на первоначальной скале, но на материале, который отбрасывали вниз, в сторону, и там, где внизу скалы вообще нет. Это говорит о том, что поверхность холма явно увеличивалась в ширину от поселения к поселению. Окружность холма постоянно расширяться с течением времени. Таким образом она выросла до размеров, которые как в высоту, так и в ширину значительно превышают размеры «сожженного города». Этот последний составляет сравнительно небольшую центральную часть целого. Следовавшие друг за другом города становились все больше и больше, и их радиус увеличивался. Мы впервые обратили на это внимание в нашей собственной работе по раскопкам «сожженного города». Мусор вынимали из середины и относили в сторону; однако, поскольку здесь был склон, мусор выносили через траншею, которая была прорезана по радиусу через холм до края склона, и сбрасывали вниз. В результате масса земли отчасти сползала по склону и

<sup>131</sup> См. разрез в главе о греческом Илионе.

отчасти оставалась лежать на нем, в то время как только большие камни скатывались вниз, на долину. Таким образом холм явно и постоянно рос, и, если смотреть на него снизу, казалось, что он становится все больше и больше. Теперь, как мне кажется, он выглядит еще величественнее, чем когда-либо раньше. Различные траншеи и груды земли придают холму вид чего-то очень похожего на большую крепость. Итак, искусственно раскопанный холм теперь находится в следующем состоянии. Помимо отдельных траншей, внешняя часть поверхности древнего холма все еще находится на своей первоначальной высоте, в то время как внутренняя часть раскопана. Стоя на окружающих стенах, посетитель смотрит в нечто вроде огромного котла, на дне которого находится «сожженный город», и его стены и фундаменты видны ясно, как на плане. Таким образом можно познакомиться с особой природой этих сооружений.



*Рис. 18.* Вид Трои после раскопок 1871—1873 гг. Северная сторона: вид с берега древнего Скамандра

Все это, следовательно, представляет большой интерес для тех филологов, которые хотят выяснить, насколько указания Гомера согласуются с существующими условиями: например, с упоминанием о том, что Гектор и Ахилл три раза описали круг вокруг города. Речь уже не идет, как раньше, обо всем холме Гиссарлык, но только о центральной части ее, которая действительно представляет собой древнее поселение. Это последнее гораздо меньше, чем все содержимое и окружность самого Гиссарлыка. Однако я должен особо подчеркнуть тот факт, что в сравнении с акрополем Бали-Дага даже эта небольшая часть все-таки составляет значительный город, который существенно превосходит поселение на Бунарбаши».

Во время моего последнего путешествия по Англии и Германии я постоянно слышал, как говорят, что я, поддавшись своим амбициям, разоряюсь на своих археологических раскопках в ущерб собственным детям<sup>132</sup>, которые после моей кончины останутся без единого

<sup>132</sup> У меня четверо детей: сын Сергей, родившийся в 1855 году, и дочь Надежда, родившаяся в 1861 году, от моей первой жены; а также сын Агамемнон, родившийся в 1878 году, и дочь Андромаха, родившаяся в 1871 году, от моей второй жены.

пенни. Поэтому я считаю необходимым уверить читателя, что, хотя из-за моих нынешних научных занятий я должен воздерживаться от всяких коммерческих сделок и вынужден довольствоваться небольшими процентами на свой капитал, я все еще имею годовой доход в 4 тысячи фунтов чистой прибыли от арендной платы на мои четыре дома в Париже и 6 тысяч фунтов мне приносят проценты на ценные бумаги, что в общем составляет 10 тысяч фунтов; в то время как, даже включая большую стоимость моих раскопок, я трачу не более 5 тысяч фунтов в год и, таким образом, могу добавлять к моему капиталу ежегодно 5 тысяч фунтов. Таким образом, я полагаю, что после своей смерти я оставлю своим детям достаточно большое состояние, чтобы они смогли продолжить научные занятия своего отца, даже не трогая своего капитала. Я пользуюсь этой возможностью, дабы заверить читателя, что я люблю и почитаю науку ради нее самой и никогда не буду извлекать из нее прибыль. Ценность моих огромных коллекций троянских древностей невозможно подсчитать, однако они никогда не будут проданы. Если я не подарю их при жизни, они в любом случае по моему завещанию перейдут Музею народа, который более всего люблю и почитаю.

Я не могу закончить это введение, не выразив свою самую горячую благодарность моим досточтимым друзьям: г-ну Фрэнку Калверту, консулу США; г-ну Павлу Вензелосу, консулу Греции; г-ну Эмилио Витали, консулу Италии; и г-ну Николаосу Дидимосу, первому драгоману и политическому агенту турецкого правительства в Дарданеллах, за всю ту доброту, что они проявили по отношению ко мне, и за все те неоценимые услуги, которые они оказали мне в течение длительного времени моих раскопок на Гиссарлыке. Я также горячо благодарю своих друзей: д-ра Ф. Имхоофа Блюмера из Винтертура и г-на Ахиллеса Постолаккаса, хранителя Национальной коллекции монет в Афинах, – первого за огромную любезность, которую он выказал мне, сфотографировав для меня все различные монеты Илиона, которые были в его распоряжении; второго за огромную дружескую услугу, которую он мне оказал: под его руководством были выполнены рисунки этих монет, а также всех монет Илиона, содержащихся во вверенной его попечению коллекции, а также за научную работу о монетах и медалях Илиона, которую он написал для меня и которая будет опубликована в главе о Новом Илионе.

## Глава I Страна троянцев (ο# Τρωες)

### § I. Протяженность страны троянцев. Троада (ή Τρωάς, то есть γη)

Интерпретируя гомеровскую географию Троады, Страбон справедливо говорит<sup>133</sup>: «Итак, побережье Пропонтиды простирается от Кизикской области и местностей на Эсепе и Гранике вплоть до Абидоса и Сеста, тогда как от Абидоса и Лекта<sup>134</sup> тянутся области около Илиона, Тенедоса и троянской Александрии. Над всеми этими землями расположена гора Ида, которая тянется до Лекта. От Лекта же до реки Каика<sup>135</sup> и до так называемых Канов идут области вокруг Асса<sup>136</sup>, Адрамиттия, Атарнея<sup>137</sup>, Питаны<sup>138</sup> и Элаитского залива<sup>139</sup>. Вдоль всех этих местностей простирается лежащий напротив остров лесбийцев; далее непосредственно следуют области вокруг Кимы до Герма<sup>140</sup> и Фокеи; последняя есть уже начало Ионии и конец Эолиды. При таком расположении местностей поэт дает нам понять, что троянцы как раз владели областью до реки Каика; их страна была разделена по числу отдельных владений на 8 или 9 частей. Все же остальные вспомогательные силы племени перечисляются среди союзников».

Таким образом, гомеровская Троада включала в себя северозападную часть позднейшей Мисии между реками Эсеп и Каик; это полностью подтверждает и сам поэт, который заставляет Ахилла упомянуть в разговоре с Приамом о том, что владения Приама включают в себя все, что с северо-запада (#vω) ограничивается Лесбосом, а с северо-востока (καθύπερθεv) Фригией и Геллеспонтом. Все народы, которые обитают в этой области, именуются у Гомера троянцами (Τρωες), хотя иногда он обозначает этим именем в особенности обитателей Илиона и его непосредственной округи.

Мы будем следовать за Бухгольцем<sup>141</sup> в описании в следующем порядке восьми или девяти меньших владений, из которых состояла Троада:

I. Владение Пандара<sup>142</sup>.

II. Владение Адраста и Амфия<sup>143</sup>.

III. Владение Азия<sup>144</sup>.

---

<sup>133</sup> Страбон. XIII. С. 581. (Шлиман дает ссылки на страницы самого первого печатного издания Страбона 1587 года; это обозначение сохранено в русском переводе Страбона наряду с более современной системой обозначения по главам, и поэтому мы сохраняем такие ссылки на Страбона и далее. – Пер.)

<sup>134</sup> Лект теперь называется мысом Баба или Санта-Мария. Здесь Гера вместе со Сном впервые вступили на троянскую землю на пути на Иду («Скоро увидели Иду... Около Лекта оставивши Понт...») (II. XIV. 283, 284).

<sup>135</sup> Теперь Ак-Су или Бохайр, Бакир, Бахер.

<sup>136</sup> Теперь Бехрам или Бирам.

<sup>137</sup> Теперь Дикели-Кей.

<sup>138</sup> Теперь Сандерли.

<sup>139</sup> Теперь залив Сандерли или Фокия.

<sup>140</sup> Эта река теперь называется Гедис или Гьедис-Чай.

<sup>141</sup> Buchholz E. Homerische Kosmographie und Geographie. Leipzig, 1871.

<sup>142</sup> II. II. 824–827.

<sup>143</sup> II. II. 828–834.

<sup>144</sup> II. II. 835–839.

IV. Владение Энея (Дардания)<sup>145</sup>.

V. Владение Гектора (Троя в более узком смысле слова)<sup>146</sup>.

Далее у Гомера упоминаются следующие области:

VI. Владение Альта (лелеги)<sup>147</sup>.

VII. Владение киликийцев, то есть:

a) владение Этиона<sup>148</sup>;

b) владение Минеса<sup>149</sup>;

c) владение Еврипила (кетейцы)<sup>150</sup>.

---

<sup>145</sup> II. II. 819–823.

<sup>146</sup> II. II. 816–818.

<sup>147</sup> II. XXI. 86, 87.

<sup>148</sup> II. IV. 396, 397; II. 692.

<sup>149</sup> II. XIX. 296.

<sup>150</sup> Od. XI. 519–521.

## § II. Горы Трояды

Гора Ида (# #δη<sup>151</sup>, τ# #δαλα #ρη<sup>152</sup>) все еще сохраняет свое древнее имя. У Гомера она именуется «высокой» ((#ψηλή)<sup>153</sup>, «многоводной», «потоками шумной», «обильной потоками» (πολυπίδαξ)<sup>154</sup>; и из-за изобилия дичи на ней она также именуется матерью или кормилицей диких зверей (μήτηρ θηρών)<sup>155</sup>. Она простирается через всю Западную Мисию множеством отрогов с юго-запада на северо-восток. Из-за ее многочисленных ответвлений древние сравнивали Иду с многоножкой (scolopendra)<sup>156</sup>. Один из ее основных отрогов простирается по северному побережью залива Адрамиттий и выходит на мыс Лект<sup>157</sup>; другой простирается в западном направлении по реке Эсеп и заканчивается у города Зелия:

В Зелии живших мужей, при подошве холмистая Иды,  
Граждан богатых, пьющих Эзеповы черные воды<sup>158</sup>.

На Иде начинаются реки Рес, Гептапор, Карес, Родий, Граник (Греник), Эсеп, Скамандр и Симоент:

В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили  
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши  
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:  
Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,  
Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра  
И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов...<sup>159</sup>

Как уже говорилось, высочайшей вершиной Иды является гора Гаргара, которая теперь называется Каз-Даг, высотой 1750 футов над уровнем моря. На Гаргаре находились «роща его [Зевса] и алтарь благовонный»<sup>160</sup>. Далее гора Гаргара упоминается у Гомера еще три раза<sup>161</sup>.

Согласно Баркеру Уэббу<sup>162</sup>, вершина Гаргара состоит из актинолитового аспидного сланца; почти вся остальная гора состоит из слюдяного сланца. Этот сланец сопровождается огромными отложениями первозданной белой известняковой скалы. Здесь находятся истоки Скамандра, которые, как я уже говорил выше, я посетил в обществе профессора Вирхова. Согласно Уэббу, путешественники проникали в пещеру на расстояние 200 метров (658

<sup>151</sup> II. VIII. 207; XIII. 13.

<sup>152</sup> II. VIII. 170.

<sup>153</sup> «Иды горы на вершину» (II. XIV. 293).

<sup>154</sup> II. VIII. 47; XIV. 157, 283, 307; XV. 151; XX. 59, 218; XXIII. 117.

<sup>155</sup> «...устремлял их на Иду, зверей многоводную мать» (II. VIII. 47).

<sup>156</sup> «Ида имеет много отрогов, по форме она похожа на сколопендру» (Страбон. С. 583).

<sup>157</sup> «Ведь горный хребет, тянущийся от Лекта к Иде, возвышается над передними частями залива...» (Страбон. С. 603).

<sup>158</sup> II. II. 824, 825.

<sup>159</sup> II. XII. 17–22.

<sup>160</sup> II. VIII. 48.

<sup>161</sup> Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли Громовержца; Он восседал, и его благовонный увенчивал облак. (II. XV. 152, 153) Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий, Иды горы на вершину... (II. XIV. 292, 293) Так беззаботно, любовью и сном побежденный Кронион Спал на вершине Идейской (#v# Гарγάρ# #кр#), в объятиях Геры супруги. (II. XIV. 352, 353)

<sup>162</sup> Webb P.B. Op. cit. P. 129.

футов), откуда изливается главный источник, не достигнув его истоков. Согласно измерениям Чихачева<sup>163</sup>, источники находятся в 650 метрах (2138 футах) над уровнем моря. Слюдяной сланец Гаргара имеет слегка зеленоватый оттенок; иногда в нем содержится немного асбеста. В нижней части горы этот сланец имеет несколько другой вид; и в этой новой форме, которая представляет собой истинный слюдяной сланец, он распространяется только с вершины Гаргара вплоть до деревни Саликлар-Кей. Эта первозданная скала выходит на долину на северной стороне реки, где несколько возвышаются холмы.

Обращаясь же к югу, мы видим землю, которая очень отличается от той, что мы только что покинули. Александрия-Троада построена на пепельном сиените, состоящем из трех обычных элементов, среди которых преобладает полевой шпат; он придает свой цвет всей массе, несмотря на значительное число кристаллов черноватой слюды. Этот сиенит проходит через всю страну к востоку от Александрии-Троады, вплоть до Ине (или Эне). Долина Лигия-Хаммам образована сланцем, окруженным со всех сторон сиенитом. Между Кемалли и Ине находятся серебряные рудники, о которых уже говорилось выше. П. Баркер Уэбб продолжает:

«Спустившись по холму примерно на 200 метров, мы оказались на вулканическом туфе, за которым сначала следовали колонны фонолита, а затем – трахита до самого Ине. На расстоянии двух часов от Ине сиенит сталкивается с целым рядом трапповых и базальтовых скал. Неподалеку от Ине находится любопытный конический холм, именуемый Ине-Тепе или Суран-Тепе, который некоторые считают искусственным курганом; однако в действительности он представляет собою всего лишь изолированную массу базальта, которая резко выступает в середине долины. Долина Байрамича, а также другие долины, которые сходятся сюда, состоят из вторичного известняка Троады. Множество гряд холмов проникают в эту долину в направлении на юг; они состоят полностью из базальтовой и трапповой скалы и поднимаются из большого центра древних вулканов вокруг Асса. Крупнейшая из этих боковых долин – уже упомянутая долина Айваджика в трех часах к юго-западу от Байрамича. Примерно на полпути между двумя городами поднимается прекрасный конический холм под названием Кара-Эвли, который изолированно стоит в долине. Его стороны, напоминающие стены, образованы из базальтовых колонн, которые являют глазу тысячи изящных очертаний. Когда мы прошли эту гору, перед нами и вокруг нас были тысячи разновидностей трахита и других скал вулканического происхождения с вулканическими агломерациями и туфом. Иногда достаточно большие массы отвердевшей сланцеватой глины перемежаются разноцветными полосками вместе с яшмой и яшмообразным фермантидом. Айваджик построен на высоте вулканической скалы, и стены его состоят из того же материала. Среди камней стен мы заметили очень странный белый туф, который, возможно, был вырублен в близлежащем карьере. Куда бы мы ни смотрели, вся земля, пока мы не прибыли в Асс, казалась вывороченной от действия древних вулканов. В Манташе, которая находится в часе езды от Асса, на дороге в Айваджик, можно видеть руины замка на вершине небольшого холма, который выглядит как потухший вулкан. Мы также заметили идущий по направлению к морю поток трахитовой лавы значительной длины. Поскольку здесь обнаруживаются туфы и конгломераты<sup>164\*</sup>, весьма возможно, что речь идет о подводном вулкане, чьи шлаки, пепел и пемза были унесены водой. Тем не менее мы с огромным удовольствием наблюдали вулканические остатки и беспорядочные массы обсидиана, набросанные там и сям на поверхности потока. Вершина, на которой расположен Асс, является отрогом вершины

<sup>163</sup> *Tchihatcheff P. de. Asie Mineure: Description physique, statistique, et archeologique de cette contree. Paris, 1853–1869. Pt. I. (Ч и х а ч е в Петр Александрович (1808–1890) – русский географ, геолог и путешественник, автор монументального восьмитомного описания Малой Азии. – Пер.)*

<sup>164\*</sup> К о н г л о м е р а т – грубообломочные породы осадочного происхождения, состоящие из сцементированных другими веществами округлых валунов и крупной гальки.

Манташи, хотя первая гораздо выше и занимает гораздо более значительное пространство. С вершины, откуда теперь мы видим руины цитадели Асса, потоки трахита расходятся в различных направлениях, почти что как в Неми близ Рима – главным образом в направлении Адрамиттия. Эта страна также напоминает (хотя и в более крупных масштабах) вулканический холм Радикофани в Тоскане; и это сходство еще увеличивается благодаря нашей находке в скале минерала, который Томсон называет *флоритом*, а немецкие минералоги именуют *гиалитом*. Хотя вулкан уже не действует, мы видели очевидные следы внутренних движений земли и частых землетрясений, которые опустошают эту страну<sup>165</sup>.

В Троаде нет первобытной вулканической формации; основная часть вулканических областей расположена на юге. Здесь на каждом шагу мы находим термальные источники и множество соленых ключей, на тесную связь которых с феноменом вулканических извержений так часто указывают геологи; эти горячие источники здесь настолько многочисленны, что пары, производимые горячей водой, заставили некоторых авторов утверждать, что они выпускают густое облако, которое лежит до самого края залива Адрамиттий...<sup>166</sup> Низины и та их часть, которая собственно называется Троянской долиной, перемежаются частыми возвышенностями, можно даже сказать, легкими волнами на поверхности, которые образованы подножиями горы Ида, которая незаметно заканчивается на морском берегу. К Дардании и Кебрене покрытые соснами горные цепи Иды вздымаются одна над другой. Базальтовые скалы Бали-Дага связывают эти горы с сиенитовыми горами за Александрией-Троадой, в центре которой вздымаются конические массы скал: они видны на большое расстояние с моря»<sup>167</sup>.

Между двумя рукавами Симоента, которые встречаются у деревни Думбрек, согласно исследованиям профессора Вирхова и месье Бюрнуфа, находится обширная более-менее закругленная масса наносов, состоящая из кварца, диорита, серпентина, трахита и т. д. Растительность состоит в основном из земляничных деревьев, портулака и сосен, которые вырастают в размере вместе с высотой горных цепей. Есть настоящий лабиринт горных хребтов, сформированных из кварцевого слюдяного сланца, где сосны достигают огромной величины. В каждой долине протекает ручеек. Долины становятся все более и более глубокими, и трудно идти вперед из-за кустарника, покрывающего склоны. Теперь мы подходим к *Улу-Дагу*; это длинный хребет, относящийся к цепи Иды, высота которого составляет 429,80 метра = 1409 футов. Улу-Даг состоит в основном из несколько слоистого серпентина; на его округлой конической поверхности мы видим множество крутых огромных масс скал из белоснежного кварца и коричневого железистого кварцита, которые лежат точно в направлении на север и юг. Эта горная цепь выглядит так вплоть до Кара-Юра; только там хребет, отходящий к Чиблаку и Гиссарлыку, состоит из третичного известняка.

С Улу-Дага можно видеть значительную часть Троады, Иду, Лесбос, Кара-Даг, острова Тенедос, Имброс и Самофракию, долину Трои, Гиссарлык и место слияния Симоента и Скамандра. Спуститься по горному склону нетрудно; здесь, под соснами, проходит хорошая дорога; местами сосны образуют красивые заросли. Теперь туркмены растят этот лес на продажу; то тут, то там можно видеть их могилы.

Следуя за горным хребтом, мы подходим к *Кара-Юру*. Высота этой горы составляет 209 метров = 686 футов; она образует восточный край плато, которое отделяет бассейн Симоента от бассейна Фимбрия. От Кара-Юра открывается прекрасный вид на бассейн Фимбрия вплоть до вершины Бунарбаши со всеми ее изгибами; однако Гиссарлык отсюда не видно.

<sup>165</sup> Webb P.B. Op. cit. P. 135–137.

<sup>166</sup> Ibid. P. 129.

<sup>167</sup> Ibid. P. 129.

Я могу здесь напомнить читателю, что до сих пор гору Кара-Юр отождествляли с гомеровской Калликолоной; однако, поскольку отсюда не видна Троя, я теперь, следуя предположению профессора Вирхова и в согласии с точкой зрения месье Бюрнуфа, передаю эту честь Улу-Дагу, который отвечает этому, очевидно, необходимому условию. Однако я должен заметить, что Страбон, опираясь на авторитет Деметрия из Скепсиса, очевидно, полагал, что Кара-Юр и есть гомеровская Калликоллона, поскольку он утверждает, что она только на 5 стадиев отстоит от Симоента и на 10 стадиев – от «селения илионцев»; эти расстояния вполне согласуются с положением Кара-Юра, но не с положением Улу-Дага<sup>168</sup>. Более того, профессор Вирхов напомнил мне, что на Кара-Юре есть фундамент древнего здания, возможно храма, в то время как на Улу-Даге нет никаких следов построек.

Плато между Кара-Юром и деревней Чиблак пустынно, не возделано, лишено леса и полно расщелин. То тут, то там встречаются какие-то кустарники, напоминающие чахлую прерию. По мере продвижения на запад почва превращается в известняк, но растительность остается той же самой, за исключением сосен, которые исчезают, когда начинается сланец.

Что касается *мысов*, то в первую очередь я должен упомянуть *мыс Лект* напротив Лесбоса, который является самым западным пиком Иды и крайней южной точкой троянских владений. Во времена Страбона здесь все еще показывали алтарь, который, согласно традиции, был поставлен Агамемноном двенадцати богам<sup>169</sup>; однако уже само упоминание об определенном числе богов показывает, что он должен был возникнуть в более поздний период. Здесь, как уже говорилось выше, Гера в обществе Сна впервые коснулась троянского берега, отправляясь на гору Гаргара<sup>170</sup>. Лект упоминается и у Геродота<sup>171</sup>.

Далее следует знаменитый *мыс Сигей*, который образует северозападную оконечность всей Азии у входа в Геллеспонт, напротив города Элеуссы на южном конце фракийского Херсонеса. Теперь он именуется мысом Ени-Шехр. Согласно измерениям месье Бюрнуфа, высота мыса Сигей равна 77,20 метра = 252 фута над уровнем моря. На этом мысу (а не на высоком плато к юго-юго-западу от него, как ошибочно показано на карте адмирала Спрэтта) был расположен древний город Сигей: в первую очередь потому, что здесь имеется скопление древних руин глубиной 6 футов, в то время как на соседнем плато ничего подобного нет; и, во-вторых, потому, что в Сигее был порт, который действительно существует непосредственно к востоку от мыса, в то время как у подножия плато его также нет. Город был разрушен илионцами вскоре после падения Персидской империи и в эпоху Страбона уже не существовал<sup>172</sup>. Как и весь горный хребет, северо-восточной оконечностью которого он является, этот мыс состоит из известняка и очень круто обрывается к морю. Теперь он увенчан деревней Ени-Шехр, где обитают исключительно христиане: она стоит на черепках и руинах древнего города Сигея.

По прямой линии к востоку от мыса Сигей находится *мыс Ретий*, теперь именуемый Ин-Тепе на Геллеспонте. Расстояние между этими двумя мысами равняется, согласно Страбону<sup>173</sup>, 60 стадиям; однако это лишь одно из множества доказательств того, что географ

<sup>168</sup> «В 10 стадиях над селением илионцев возвышается Калликоллона – нечто вроде холма, мимо которого в 5 стадиях протекает Симоент» (Страбон. XIII. С. 597). Я раз и навсегда напоминаю читателю, что стадий, состоявший из 600 греческих футов, составлял десятую часть английской географической мили. Другими словами, 10 стадий = 1 географической миле = 1 минуте градуса экватора.

<sup>169</sup> «На Лекте показывают алтарь 12 богов и называют его сооружением Агамемнона» (Страбон. XIII. С. 605).

<sup>170</sup> Скоро увидели Иду, зверей многоводную мать; Около Лекта оставивши Понт... (II. XIV. 283, 284)

<sup>171</sup> IX. 114.

<sup>172</sup> *Мела*. I. 18. 3; *Плиний*. Естественная история. V. 33; *Сервий*. Комментарии; *Вергилий*. Энеида. II. 312; τ# Σ#υειον; *Геродот*. V. 65, 94; *Фукидид*. VIII. 101; *Страбон*. XIII. С. 595; *Птолемей*. V. 23; *Стефан Византийский*. С. 597. Страбон (XIII. С. 603) называет его также Сигейским мысом (# Σιγει#ας #κρα). Город Сигей (τ#Σ#υειον) называется у Гекатея (С. 208) также Сигеей (Σ#υη); см. также: *Скилак*. С. 36.

<sup>173</sup> «Длина этого побережья от Ретия до Сигея и памятника Ахиллеса по прямому пути морем 60 стадиев» (Страбон.

никогда не посещал Троаду, ибо настоящее расстояние составляет только 30 стадиев, как указано у Плиния<sup>174</sup>. На этом мысе раньше находился город Ретий (τ# #οίτειον)<sup>175</sup>. Это не мыс в собственном смысле этого слова, но высокий скалистый берег со множеством пиков, из которых самый высокий, согласно измерениям месье Бюрнуфа, поднимается только на 168 футов. Поэтому Антипатр Сидоний называет его также Ретийским взморьем (#οιτηίδες #κτα#)<sup>176</sup>. Вергилий называет его «Ретийскими берегами» (Rhoetea litora)<sup>177</sup>. Ретий упоминается и у Ливия<sup>178</sup>. На нижнем пике этого мыса находится курган, который традиция приписывает Аяксу; о нем я буду говорить позднее. Заслуживает особого внимания то, что названия обоих мысов, Сигей и Ретий, не встречаются у Гомера и что он упоминает о них лишь однажды, когда мы читаем у него, что, хотя морской берег был широким, он, однако, не мог вместить всех кораблей, и людям пришлось толпиться; поэтому они поставили их в ряды и заполнили длинное устье всего берега настолько, насколько он был ограничен двумя мысами<sup>179</sup>.

---

XIII. С. 595).

<sup>174</sup> «Был и Эантий, основанный родосцами, на другом мысе, где погребен Аякс, отстоящий на тридцать стадиев от Сигея» (Плиний. Естественная история. V. 33).

<sup>175</sup> Геродот. VII. 43; Скилак. С. 35; Стефан Византийский. С. 577; Мела. I. 18. 5; Плиний. Естественная история. V. 33; Фукидид. IV. 52; VIII. 101.

<sup>176</sup> Anthol. Gr. Ed. Jacobs. II. P. 24; I. P. 254, № 146. Ed. Tauchnitz.

<sup>177</sup> Вергилий. Энеида. VI. 595; Плиний. Естественная история. V. 33.

<sup>178</sup> Ливий. XXXVII. 37.

<sup>179</sup> Берег, как ни был обширен, не мог обоюдovesельныхВсех кораблей их принять; стеснены ополчения были:Лествицей их извлекли на песок и наполнили целыйБерег залива широкого, все между мысов пространство.(II. XIV. 33–36)

### § III. Реки Трояды

(а) Симоент (# Σιμόεις), ныне именуемый Думбрек-Су, берет свои истоки, согласно Гомеру, на горе Ида, а точнее – на Котиле. Вирхов<sup>180</sup>, который исследовал реку вместе со мной, пишет о ней следующее:

«В начале – это свежий горный ручей. Его истоки находятся к востоку от лесистых гор Улу-Дага. Сначала из множества небольших потоков, которые отчасти выходят, бурля, из скалы (иные образуют небольшие водовороты), образуются два ручейка. Один из них, более длинный и многоводный, втекает в ложину между выступающим отрогом Улу-Дага, отделенным от основной горы глубокой зеленой долиной и выступом третичного горного хребта, который спускается от Рен-Кея к Халил-Эли, почти параллельно гряде Ретия. Более короткий южный ручей берет свои воды с Кара-Юра и горного хребта, который соединяется с ним близ Улу-Дага. Оба ручья сливаются чуть выше Думбрек-Кея и образуют Думбрек-Су (Симоент), который представляет собой нечто среднее между небольшой рекой и большим ручьем. Его русло, которое глубоко прорезано по всей длине и образует то короткие, то более длинные изгибы, имеет у Думбрека ширину примерно от 12 до 20 ярдов; однако 11 апреля вода покрывала только часть дна этого русла и глубина ее нигде не превышала 6 дюймов. Мы могли перейти его вброд без всякого труда. Течение довольно быстрое; дно покрыто небольшими гальками, а иногда и более крупными закругленными валунами с Улу-Дага<sup>181</sup>. Сама долина невелика, но очень плодородна. Если затем пройти через горную гряду, которая пересекает долину ниже Думбрек-Кея, и спуститься по ее покатой западной стороне к окрестностям Халил-Эли, которые изобилуют деревьями и плодами, мы увидим, что в этой деревне река едва ли становится больше. Здесь мы могли проехать через нее верхом, и вода не доходила даже до колен лошадям. Чистая вода позволяла нам видеть, что дно покрыто мелкой галькой и гравием. Неподалеку от деревни, которая расположена на правом берегу реки, она разделяется на два рукава. Правый, или северный, рукав сливается с Дождевым ручьем Рен-Кея, очень небольшой и незначительной речушкой, в которой вода течет лишь время от времени и образует большое болото, в котором и теряется. С другой стороны, левый, или южный, рукав все больше и больше приближается к горной цепи, которая простирается от Кара-Юра мимо Чиблака к Гиссарлыку и протекает достаточно близко к нижнему краю ее склона. Сначала, пока он протекает через долину, русло у него несколько более глубокое; его берега нередко оказываются размытыми то тут, то там каждые 5 или 6 футов; ширина его различна, однако едва ли она где-либо превышает 20 футов. Местами на берегу и на небольших островках в русле растут рощицы ив и других деревьев; пышные заросли кустов, особенно тамарисков и *Vitex agnus-castus*<sup>182</sup>, простираются вдоль реки. Однако далее, по мере того как речушка приближается к подножию горной цепи, она разделяется на все большее и большее число рукавов, течение которых, как легко можно понять, бывает очень извилистым. Один за другим они исчезают в большом и глубоком болоте, которое во многих местах связано с северным болотом, доходит до самого подножия Гиссарлыка и занимает большую часть так называемой долины Симоента. В то время как разветвление рукавов и их исчезновение в большом болоте вызывает постоянное уменьшение количества проточной воды,

<sup>180</sup> Beiträge zur Landeskunde der Troas. P. 92–96.

<sup>181</sup> В знаменитом пассаже, где Скамандр зовет Симоент вступить в бой с Ахиллом, говорится следующее: Помощь скорей подай мне; поток свой наполни водами Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки! Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа! (II. XXI. 311–314)

<sup>182</sup> #γνος = #γνοος, что означает «без семени» (Феофраст. I. С. 264). В «Илиаде» (XI. 105) этот кустарник называется «ива» (λύγος), «из-за его мощных прутьев» (Диоскорид). См.: Od. IX. 427; X. 166; Hymn. ad Dionys. 13. Ed. Miquel. P. 37. (*Vitex agnus-castus* – авраамово дерево (лат.). – Пер.)

остается тем не менее главный рукав, который продолжает свое течение вдоль горной гряды. Мы все еще могли проследить его течение наверху вдоль трех источников Трои, хотя здесь он сжался до крошечной речушки шириной 4–5 шагов и с незначительным, хотя все еще быстрым течением. Из этих трех источников (все они помечены на нашей карте Трои) первый, который выходит из каменной ограды и имеет температуру 14,6° Цельсия = 58,28° Фаренгейта, течет непосредственно ниже руин древней городской стены. Второй, каменная ограда которого разрушена, и третий, с хорошо сохранившейся каменной оградой и двойным течением, имеют температуру от 14,3° до 15° Цельсия = 57,74° до 59° Фаренгейта и находятся в четверти мили от первого источника.

На западном конце большого болота, образованного водами Симоента, снова собирается короткий ручей, который втекает в Калифатли-Асмак. Место, где сливаются воды, находится достаточно близко по прямой линии, проведенной от Гиссарлыка до Ин-Тепе-Асмака; то есть на краю западного конца болота, который находится дальше всего от Гиссарлыка. Почти внезапно возникает большое широкое русло с множеством извивов между крутыми берегами высотой от 6 до 8 футов; это русло прерывается множеством островков, но почти везде оно довольно глубоко. Пройдя от силы 10 минут, этот поток вливается в восточный изгиб Калифатли-Асмака, чуть выше того места, где искусственный канал ведет от Калифатли-Асмака до Ин-Тепе-Асмака, над каменным мостом, который здесь пересекает Калифатли-Асмак в направлении Кум-Кея. Вода может течь в этом канале только в случае наводнения».

Симоент (Симоис) семь раз упоминается в «Илиаде». Так, поэт говорит:

К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,  
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,  
Там коней удержала лилейнораменная Гера  
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным...<sup>183</sup>

И еще:

И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов  
Пало во прах...<sup>184</sup>

И еще:

Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный  
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,  
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне<sup>185</sup>.

И еще:

Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса  
Пуще свирепствовал бог; захоливши валы на потоке,  
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису...<sup>186</sup>

<sup>183</sup> II. V. 773–776.

<sup>184</sup> II. XII. 22, 23.

<sup>185</sup> II. XX. 51–53.

<sup>186</sup> II. XXI. 305–307.

И еще:

Тут поражен Теламонидом сын Анфемииона юный,  
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого мать,  
Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными  
Видеть стада, родила на зеленых берегах Симоиса...<sup>187</sup>

И наконец:

Страшную брань меж троян и ахейн оставили боги;  
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,  
Воинств, один на других устремляющих медные копы,  
Между берегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа<sup>188</sup>.

Река также упоминается у Эсхила<sup>189</sup>, Птолемея<sup>190</sup>, Стефана Византийского<sup>191</sup>, Мелы<sup>192</sup>, Плиния<sup>193</sup>, Горация<sup>194</sup>, Проперция<sup>195</sup> и Вергилия<sup>196</sup>.

Отождествление этой реки с гомеровским Симоентом подтверждает Страбон<sup>197</sup>, который пишет, ссылаясь на Деметрия из Скепсиса: «...От горной цепи Иды в этой области тянутся к морю 2 отрога: один прямо до Ретия, а другой прямо к Сигею, образуя вместе полукруглость; оканчиваются они на долине на том же расстоянии от моря, как и современный Илион; последний расположен именно на концах вышеупомянутых отрогов, древнее же поселение лежит между их началами. Внутреннее пространство между отрогами заключает в себе Симоентскую долину, через которую протекает Симоент, и долину Скамандра, которую орошает Скамандр. Последняя долина и называется в собственном смысле Троянской, на ней у поэта происходит большая часть битв, потому что она шире; здесь мы видим упомянутые поэтом места: Смоковницу, могилу Эсиета, Батиею, надгробный памятник Ила. Реки Скамандр и Симоент (первый из них приближается к Сигею, а второй – к Ретию) сливаются невдалеке перед современным Илионом; затем они впадают в море в сторону Сигея, образуя так называемую Стомалимну. Большой горный хребет отделяет друг от друга упомянутые долины и тянется по прямой линии между названными отрогами, начинаясь от современного Илиона, с которым он связан. Этот хребет простирается до Кебрении и вместе с отрогами по обеим сторонам образует букву ε».

Описание Плиния согласуется с описанием Страбона: «Затем порт ахейцев, в который впадает Ксанф, соединенный с Симоентом, прежде образуя болото Палескамандра»<sup>198</sup>.

Кроме того, отождествление этой реки с гомеровским Симоентом подтверждает Вергилий, который рассказывает нам, что Андромаха после смерти Гектора вновь вышла замуж за Гелена, другого сына Приама, который стал царем Хаонии:

<sup>187</sup> II. IV. 473–476 (Шлиман цитирует только одну строку, 476).

<sup>188</sup> II. VI. 1–4.

<sup>189</sup> *Aeschylus*. Agamemnon. P. 696. Ed. Tauchnitz.

<sup>190</sup> *Птолемей*. V. 2. 3.

<sup>191</sup> *Стефан Византийский*. С. 601.

<sup>192</sup> *Мела*. I. 18. 3.

<sup>193</sup> *Плиний*. Естественная история. V. 33.

<sup>194</sup> *Гораций*. Эподы. 13. 21.

<sup>195</sup> *Проперций*. III. 1. 27.

<sup>196</sup> *Вергилий*. Энеида. I. 618; V. 262, 473.

<sup>197</sup> *Страбон*. XIII. С. 597.

<sup>198</sup> *Плиний*. Естественная история. V. 33.

Там, где ложный течет Симоент за городом в роще,  
Правит [обряд], взывая к теням, Андромаха над Гектора прахом  
И возлиянья творит на кургане пустом, где супругу  
Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними...<sup>199</sup>

Итак, могила Гектора находилась в роще близ Симоента; однако, согласно Страбону<sup>200</sup>, могила Гектора была в роще близ Офриния, и это также подтверждает Ликофрон в своей «Кассандре». Однако Офриний находится совсем рядом с рекой, о которой мы теперь говорим и которая, согласно этому и всем другим свидетельствам, не может быть ничем иным, как Симоентом.

Поскольку считается, что современное название Симоента – *Думбрек* – слово не турецкое, некоторые считают его испорченным именем Фимбрий и используют это для доказательства того, что эта река – которая протекает через северо-восточную долину Трои и впадает в Калифатли-Асмак (древнее русло Скамандра) перед Илионом – и есть Фимбрий и уж никак не может быть Симоентом.

На это я могу ответить, что нет ни одного примера тому, чтобы греческое слово, заканчивающееся на *os*, передавалось по-турецки словом, кончающимся на *k*; далее, Думбрек должен представлять собою, очевидно, два искаженных турецких слова: *Don barek*. *Don* означает «лед», а *barek* «владение» или «жилище»; таким образом, оба слова значат то же, что «содержащий лед», и это имя можно объяснить тем фактом, что наводнения, причиняемые Симоентом, зачастую замерзают зимой, когда вся северо-восточная долина превращается в ледяное поле.

Однако если во времена Античности эта река называлась Симоентом, то не может быть никаких сомнений в ее идентичности с гомеровским Симоентом, поскольку – как справедливо замечает Макларен<sup>201</sup> – во всех частях света реки сохраняют свои имена с удивительным упорством, несмотря на все языковые изменения и политические революции. Действительно, древнее имя может быть утрачено, но, если оно еще существует, трудно понять, как оно могло бы перейти с одной реки на другую.

В «Илиаде» ничего не говорится о каком-либо броде на Симоенте, хотя армии должны были постоянно переходить эту реку, идя на долину между этой рекой и Скамандром, где происходили все сражения, и возвращаясь обратно. Однако, хотя в Симоенте, возможно, в древности было несколько больше воды, до изобретения водяных мельниц это не могло иметь большого значения. Таким образом, не было и нужды говорить о броде.

(b) *Фимбрий*, именуемый у Страбона<sup>202</sup> и Евстафия<sup>203</sup> # Ὀύμβριος, – это маленькая речка, которая зарождается в непосредственной близости от горы Кара-Юр и принимает в себя воды, стекающие со склонов десяти или двенадцати долин; она впадает в Скамандр под прямым углом напротив Бунарбаши. Ее современное название – Кемар-Су, от греческого слова «камара» («свод») и турецкого слова «су» («вода»), поскольку примерно в 3 милях от слияния рек ее пересекает римский акведук. Гомер вообще не упоминает эту реку, хотя у него говорится о городе Фимбре<sup>204</sup>.

<sup>199</sup> Вергилий. Энеида. III. 302–305. (Здесь и далее «Энеида» цитируется в переводе С. Ошерова. – Пер.)

<sup>200</sup> «Поблизости расположен Офриний, где на месте, видимом со всех сторон, находится роща Гектора» (Страбон. XIII. С. 598).

<sup>201</sup> *Maclaren Ch.* Observations on the Topography of the Plain of Troy. См. также: *Webb P.B.* Op. cit. P. 47.

<sup>202</sup> Страбон. XIII. С. 598.

<sup>203</sup> *Evstaph* ad Hom. II. X. 410.

<sup>204</sup> Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы. (II. X. 430:)

Место древнего города соответствует ферме в Акши-Кее на берегах Фимбрия, владелец которой, г-н Фрэнк Калверт, производил здесь раскопки и нашел надписи, которые не оставляют никаких сомнений касательно этого отождествления. Все это место усеяно архаическими греческими черепками. Высота над уровнем моря (там, где стоит ферма г-на Калверта) составляет, согласно измерениям месье Бюрнуфа, 63,35 метра, или 207 футов. Страбон утверждает, что неподалеку от места слияния Фимбрия и Скамандра и на расстоянии 50 стадиев от Нового Илиона стоял знаменитый храм Фимбрийского Аполлона<sup>205</sup>, который, как замечает мой друг, профессор Э.Г. Сэйс<sup>206</sup>, недавно посетивший Троаду, должен быть идентичен с почти полностью искусственным холмом Ханай-Тепе, который я раскапывал в обществе г-на Калверта и о котором я расскажу потом. Согласно измерениям месье Бюрнуфа, высота Ханай-Тепе составляет 87,75 метра = 285 футов над уровнем моря; место слияния Фимбрия и Скамандра находится в 24,5 метра = 80 футах 5 дюймах. Расстояние, данное Страбоном, совершенно правильно.

Месье Бюрнуф делает следующее замечание по поводу этой реки: «Фимбрий стекает во впадину долины между холмами Акши-Кея и вершинами на юге. Его ширина составляет около 30 футов. Берега у него крутые; воды его совершенно прозрачны и затенены большими деревьями. Его берега, высотой от 10 от 12 футов, состоят из двух очень различных слоев: первый – современный наносной слой; второй, под ним, – толстый слой суглинка, аналогичный тому, что образует почву долины Скамандра. Место слияния Фимбрия и Скамандра нетрудно определить<sup>207</sup>, поскольку берега высоки. В ходе наводнений большой многоугольник, образованный Фимбрием, Скамандром и холмами к востоку, покрывается водой, которая течет с большим напором в восточном направлении; она заливают болото к северу от Акши-Кея (что делает эту местность здоровой на время разлива); вливается в большое русло Калифатли-Асмака, которое идентично с древним руслом Скамандра, и образует другие потоки, текущие в том же направлении. 18 мая 1879 года мы видели, что вся долина была покрыта мертвыми деревьями и ветвями, которые унесло в том же направлении: они застряли в зарослях авраамовых деревьев и тамариска».

(с) *Скамандр* (#Σκάμανδρος, как, согласно Гомеру, он назывался на языке людей, однако боги именовали его Ксанфом, «желтым потоком»)<sup>208</sup> – это современный Мендерес, явно испорченное название Скамандр.

Евстафий<sup>209</sup> объясняет название Скамандр как своего рода каламбур: «Скамандр – это σκάττα #νδρ#ς («ров мужа», то есть Геракла), который вывел Ксанф из-под земли». Это, конечно, просто чепуха; однако окончание этого слова мы находим во многих названиях рек Малой Азии, таких как Меандр, Аландр и т. п. Возможно, что название, под которым эта река была известна на «языке богов» – то есть греческих поселенцев, – представляет собой перевод местного названия<sup>210\*</sup>.

Как уже говорилось выше<sup>211</sup>, Гомер говорит, что Скамандр берет свое начало из двух источников – одного теплого, другого холодного – рядом с городской стеной; в то время как

<sup>205</sup> «...Долины Фимбры ближе, равно как и протекающая через нее река Фимбрий, которая впадает в Скамандр у святыни Аполлона Фимбрийского» (Страбон. XIII. С. 598).

<sup>206</sup> *Says A.H. // Academy. October 18. 1879.*

<sup>207</sup> Это значит, что берега реки *не* обвалились и не смешались с равниной.

<sup>208</sup> ...поток быстроводный, глубокопучинный, Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных – Скамандром. (II. XX, 73, 74)

<sup>209</sup> *Evstaph ad II. XX. 74.*

<sup>210\*</sup> Это окончание некоторые лингвисты объясняют, как производное от индоевропейского \*droou-s (течение), ср. современное Драва (река в Югославии). Название Скамандр болгарский ученый В. Георгиев объяснял как Каменная река (от \*kāmndroou-s). См.: *Гиндин ЛА. Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 117–118.*

<sup>211</sup> См. введение, § IX.

в другом пассаже, уже процитированном, он справедливо утверждает, что эта река зарождается на вершинах Иды. Я уже описал эти истоки по своим собственным наблюдениям<sup>212</sup>. Страбон утверждает, ссылаясь на Деметрия из Скепсиса (который, как он говорит, является уроженцем этой страны), что Скамандр течет из единого истока на горе Котил, одной из вершин Иды, примерно в 120 стадиях над Скепсисом, и что Граник и Эсеп рождаются на той же горе из многих источников, в такой близости к истокам Скамандра, что все они находятся внутри пространства в 20 стадиев, причем Скамандр течет на запад, а две других реки – на север, а длина Эсепа составляет 500 стадиев<sup>213</sup>. Он подтверждает тот факт, что Скамандр и Симоент сливаются, и говорит, что Скамандр впадает в Геллеспонт близ Сигея: «Реки Скамандр и Симоент (первый из них приближается к Сигею, а второй – к Ретию) сливаются невдалеке перед современным Илионом; затем они впадают в море в сторону Сигея, образуя так называемую Стомалимну»<sup>214</sup> (то есть «озеро у устья»).

Далее он говорит: «Немного выше этой местности находится селение илионцев (#λιέων Κώμη), где, как полагают, был расположен некогда древний Илион, в 30 стадиях от современного города»<sup>215</sup>. И еще: «Но теперь на этом месте не найдешь горячего источника, нет здесь и источника Скамандра; он находится на горе и – только один, а не два. Таким образом, горячий источник, вероятно, иссяк, а холодный, вытекая из Скамандра через подземный проход, снова выходит в этом месте (перед #λιέων Κώμη) на поверхность; или же вода этого источника только потому считается источником Скамандра, что она находится поблизости от него; таким образом, у одной и той же реки считается несколько источников»<sup>216</sup>.

Длина Скамандра от его истоков до устья в Геллеспонте рядом с Кум-Кале составляет, согласно Г. фон Экенбрехеру<sup>217</sup>, по прямой линии 10 германских миль<sup>218</sup> (= почти 47 английских миль); согласно Чихачеву<sup>219</sup>, 20 французских лье. Истоки Скамандра находятся на 650 метров (= 2138 футов) выше уровня моря; наклон потока составляет в среднем 21 метр (= 69 футов) на лье, что равняется 30 футам на милю<sup>220</sup>. Однако наклон варьируется в зависимости от местности: так, от истоков до области Ине (Эне) и даже до Бунарбаши наклон очень крутой, но далее он сравнительно незначителен.

Месье Бюрнуф, который весьма тщательно изучал древнее и современное русла Скамандра, послал мне следующую заметку на эту тему:

«Во время наводнения Скамандр с огромным напором прорывается через узкий проход между скалами Бунарбаши, неся с собой песок и гравий, который он наносит на достаточно большие пространства земли и которых достаточно, чтобы изменить его течение. Таким образом, его течение склонно меняться: оно принимает постоянное направление только после слияния с Фимбрием, который, когда я измерял его в конце мая, был в 24<sup>1</sup>/<sub>2</sub> метра (80 футов 5 дюймов) выше уровня моря. Эта высота очень важна со всех точек зрения,

<sup>212</sup> См. введение, § IX.

<sup>213</sup> «Деметрий, знакомый с этой страной как местный житель, говорит о ней сначала так: «Одна из вершин Иды называется Котилом. Она расположена приблизительно на 120 стадиев выше Скепсиса; с нее текут Скамандр, Граник и Эсеп; две последних реки текут на север и к Пропонтиде, образуясь из соединения нескольких источников, тогда как Скамандр течет к западу только из одного источника. Все эти источники находятся поблизости друг от друга на пространстве в 20 стадиев. Конец Эсепа дальше всего отстоит от начала – почти что на 500 стадиев» (Страбон. XIII. С. 602).

<sup>214</sup> Страбон. XIII. С. 597.

<sup>215</sup> Там же.

<sup>216</sup> Там же. С. 602.

<sup>217</sup> Eckenbrecher G. Op. cit. S. 4.

<sup>218</sup> Немецкая миля, состоящая из 15 долей градуса, равна 4 английским географическим милям, или почти 4<sup>2</sup>/<sub>3</sub> статутной мили (длина английской мили составляет около 1609,3 м, немецкой мили – около 7420,44 м. – Пер.).

<sup>219</sup> Tchihatcheff P. de. Op. cit. P. 78.

<sup>220</sup> В своих расчетах Чихачев, несомненно, принял во внимание все извивы Скамандра, поскольку если бы наклон течения считался по прямой линии от источников, то он превышал бы 46 футов на милю.

поскольку она показывает наклон Троянской долины. Чтобы получить средний наклон на метр, достаточно взять на нашей карте расстояние по прямой линии от слияния с Фимбрием до морского побережья рядом со Стомалимной и разделить это расстояние на 24 метра 50 сантиметров. Таким образом мы получим число миллиметров на каждый метр, что будет представлять средний наклон долины. Чтобы получить наклон реки, необходимо следовать всем ее извилам на карте. Число полученных таким образом метров будет больше; однако, если их разделить на 24 метра 50 сантиметров, результат покажет, что средняя быстрота потока должна быть довольно значительна. Во время наводнений эта скорость значительно увеличивается, поскольку подъем в 24 метра 50 сантиметров из-за подъема вод доходит до по меньшей мере 26 метров 50 сантиметров или 27 метров. В ходе наводнения Фимбрий несет довольно значительное количество воды, поскольку, несмотря на его высокие берега, русло реки в это время полно воды, которая выливается на долину. У места слияния ширина Скамандра составляет около 150 метров = 492 фута. Его берега не так высоки, как у Фимбрия, поскольку здесь нет верхнего наносного слоя, как на берегах последнего. Таким образом, нижняя часть долины Фимбрия возвышается на 2 метра над долиной Скамандра в том же самом месте. Высота долины Скамандра у его слияния составляет 27 метров 22 сантиметра = 90 футов 9 дюймов. После слияния нынешнее русло Скамандра становится более узким; река течет оттуда между двух крутых берегов суглинка. У паромы близ Калифатли высота берегов равна примерно 1 метру = 3 фута 4 дюйма; ширина реки здесь только 30 метров = 98 футов 5 дюймов; по всей ширине она глубока. На мосту в Кум-Кале ложе Скамандра имеет ширину 117 метров = 384 фута, из которых в межсезонье между подъемом воды и засухой примерно половина занята водой.

*Древнее ложе Скамандра*, которое идентично с Калифатли-Асмаком, характеризуется обрушенными берегами, отсутствием ровной почвы и небольшими холмами наносного песка, в то время как новое ложе имеет крутые берега и здесь нет наносных песчаных дюн, кроме как в Кум-Кале рядом с устьем. Скопление песка и гравия почти полностью стерло древнее ложе на некотором расстоянии ниже слияния Скамандра с Фимбрием. Западные ветры нанесли этот песок на восточную сторону долины; их завихрения способствовали образованию небольших песочных дюн почти по всей длине древнего русла. Я сам наблюдал это явление. Последнее наводнение оставило на затопленных землях слой, раздел глубиной около дюйма; солнце высушило его, и ветер, который уносил песок к востоку, образовал из него небольшие холмики вокруг кустов в старом ложе Скамандра, обнажив снова суглинок долины. Переносу ложа реки способствовал характер почвы. Отроги высот на восточной стороне долины имеют в своей нижней части выступ, который спускается к реке и образует крутой берег, в то время как маленькие долины между отрогами кончаются в болоте. Перед Новым Илионом древнее русло Скамандра проходит между такой возвышенностью и довольно высоким холмом из наносного речного песка, после чего ложе реки снова расширяется и длина его составляет не менее 200 метров = 656 футов. Немного далее оно соприкасается со склоном, который спускается с Гиссарлыка к западу; он вынуждает реку повернуть почти под прямым углом; потом идет еще один изгиб, который возвращает ее к первоначальному направлению. Фактически перед Троей долина внезапно поднимается, образуя нечто вроде вала от  $b$  до  $b$  высотой по меньшей мере 5 футов; от этой точки древнее русло идет прямо к мосту под Гиссарлыком.

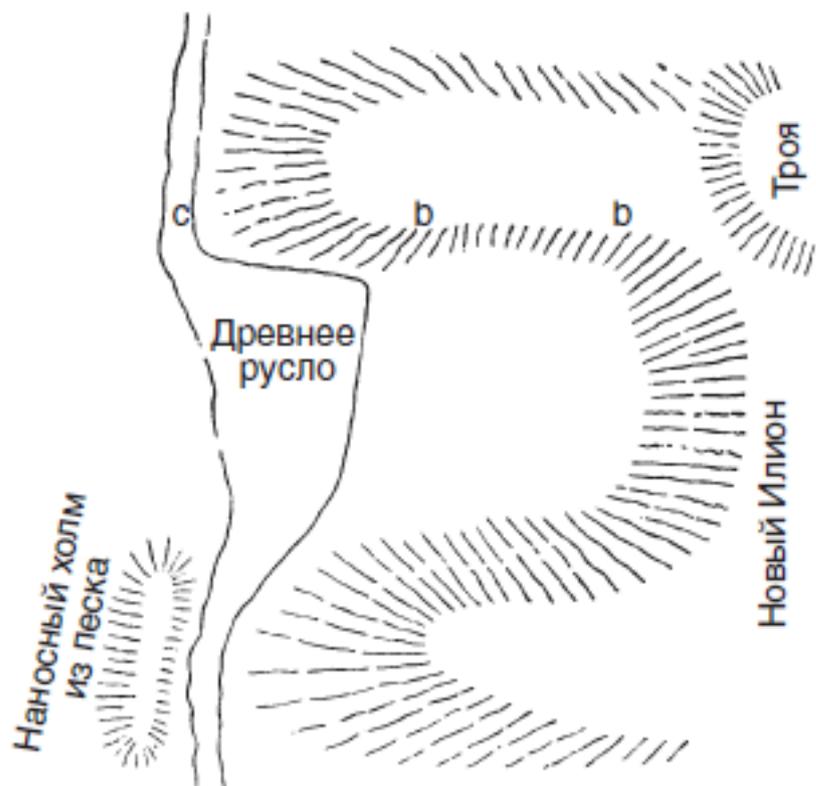


Рис. 19. План, показывающий древнее русло Скамандра перед Троей

У моста долина поднимается на 15 метров = 49 футов 2 дюйма над уровнем моря; ширина древнего ложа здесь составляет 93 метра = 305 футов. Яма, вырытая на этом месте на правом берегу, показала, что ложе реки некогда было больше и что оно сузилось из-за скопления речного песка. В этом песке нет морских отложений; он состоит из обломков скал, которые образуют массивный блок горы Ида. Местность, заключенная между мостом перед Гиссарлыком и небольшим холмом, который мы отождествляем с курганом *Ила*, обладает в высшей степени интересными чертами. Примерно в 500 метрах = 1640 футах ниже моста на левом берегу древнего ложа Скамандра поднимается большой холм речного песка, западная часть которого покрыта руинами и мусором, отмечающими место, где находился древний город; остатки его стен все еще существуют. Очень возможно, что это Полий, который, согласно Страбону, построили на Симоенте астипалийцы, обитавшие в городе Ретий; потом он назывался Полисма. Поскольку город не был построен на месте, укрепленном природой, вскоре он был уничтожен<sup>221</sup>.

Правда, что это место находится не в точности на Симоенте, но непосредственно перед его устьем на древнем ложе Скамандра. Теперь оно отчасти занято жалкой деревушкой Кум-Кей (Песчаная деревня), которая летом необитаема из-за нездорового воздуха; на восточном конце находится турецкое кладбище. Между этим кладбищем и древним Скамандром — плоская земля, нечто вроде лагуны, которая доходит до реки. На восточном берегу древнего Скамандра находится долина Симоента, которая выдается к бывшей реке берегом на 2 метра = 6 футов 7 дюймов выше, чем левый берег. Непосредственно ниже находится место слияния Симоента с древним Скамандром. Поскольку последний в этом месте внезапно изгибается к западу, его ложе кажется продолжением ложа Симоента, который течет с востока; это заставило топографов сделать ошибку и утверждать, что Симоент течет прямо в море через

<sup>221</sup> «Итак, астипалийцы, которые владели Ретием, первыми заселили Полий (теперь называемый Полисма) на Симоенте, однако не на хорошо укрепленном месте, поэтому он был скоро разрушен» (Страбон. XIII. С. 601).

ложе реки Ин-Тепе-Асмак. В этом изгибе берег древнего ложа Скамандра со стороны Кум-Кея стерт и смешался с равниной; напротив берег остался высоким. Долина, которая заканчивается на этом крутом берегу, постепенно поднимается к холмам Ин-Тепе и представляет собою неодолимую преграду для вод Симоента. Потом идет мост в Кум-Кей – к северу от холма наносного речного песка. Яма, выкопанная рядом с кладбищем, дошла до суглинка на одном уровне с равниной: это доказывает, что песочный холм близ Кум-Кея действительно образован речными наносами.

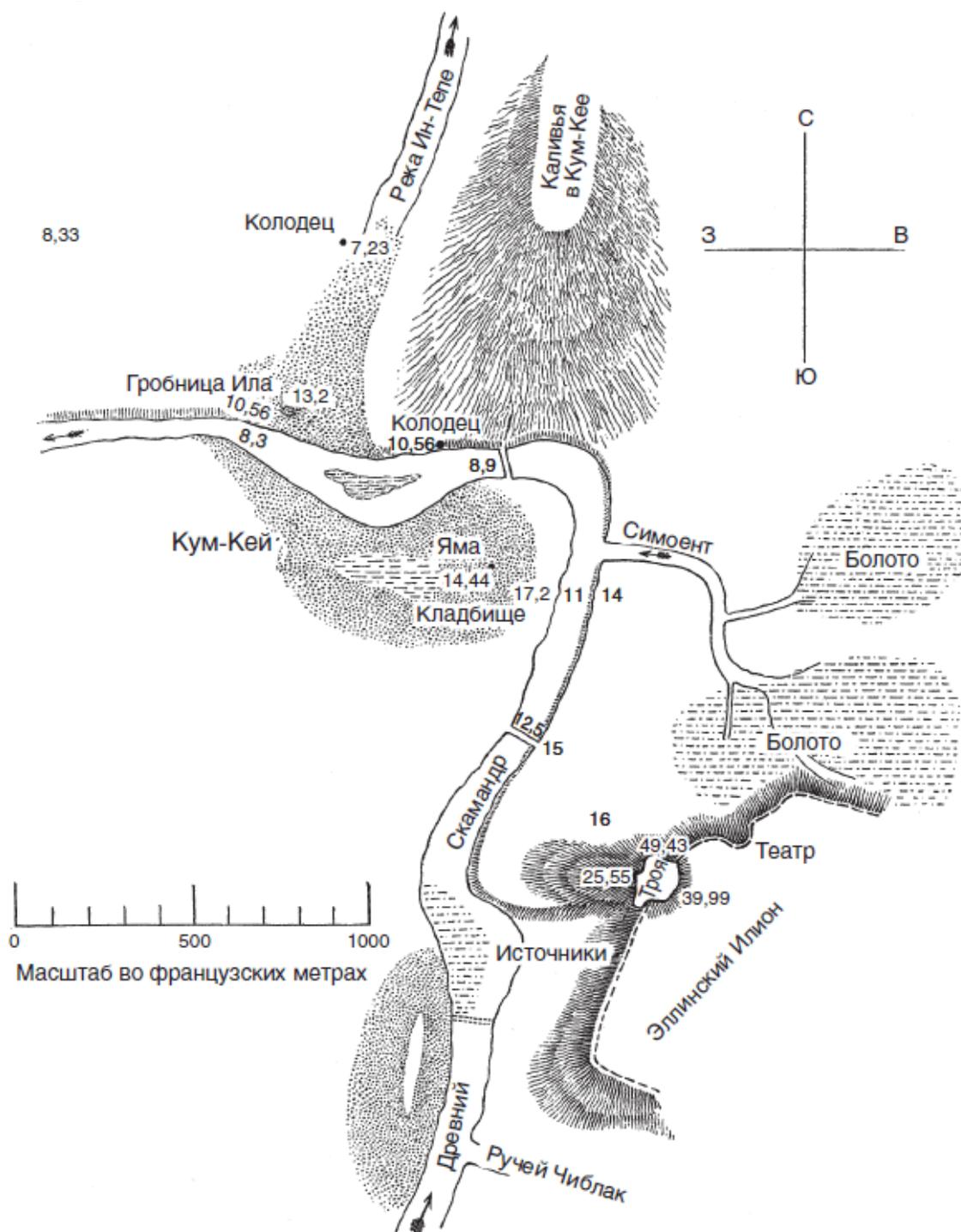


Рис. 20. Дюны древнего Скамандра. Место слияния Симоента и древнего Скамандра находится между Троей и холмом к северо-востоку от Кум-Кея. Долина Симоента здесь на 2 метра выше, чем долина Скамандра. Перед этим слиянием находится большая песчаная дюна, которую прорезала река между Кум-Кеем и гробницей Ила; впадина между долиной

(8,33 метра) и холмом Каливья давала реке проход; затем она вливалась в русло Ин-Тепе. Между курганом Ила и этим ложем Ин-Тепе можно видеть песок, который заполнил впадину. (Цифры обозначают высоту в метрах)

К северу от моста в Кум-Кее высота берега составляет 10 метров 56 сантиметров = 34 фута 8 дюймов над уровнем моря, и почва сохраняет эту высоту на расстоянии около 1000 метров = 3281 фут на запад. Плато заканчивается остатками конического кургана, который, судя по его положению, следует отождествлять с курганом Ила, о котором часто говорится в «Илиаде». Однако вырытая здесь яма не дала никаких подтверждений тому, что это погребение; скорее всего, речь идет просто о холме речного песка, который традиция превратила в курган. В его современном разрушенном состоянии курган поднимается всего на 1 метр = 3 фута 4 дюйма; однако почва, на которой он стоит, состоит из речного песка, высота которого составляет более 2 метров = 6 футов 7 дюймов выше среднего уровня воды. На расстоянии более 200 метров = 656 футов к западу от гробницы Ила берег древнего Скамандра состоит из речного песка; после этого он представляет собой обычный суглинок. Итак, на этом месте находится своего рода барьер из песка, через который река прорыла свое русло. От гробницы Ила этот барьер простирается на север на протяжении более 500 метров = 1640 футов в длину и имеет значительную ширину. Это пространство возделывается, однако бедность и скудость зерна здесь представляет разительный контраст богатым урожаям, который вырастают на суглинке долины к востоку и западу. На расстоянии 500 метров = 1640 футов на краю песчаного поля находится колодец; высота этого колодца составляет не более 7 метров 23 сантиметра = 23 футов 9 дюймов над уровнем моря, то есть ниже уровня реки, которая у гробницы Ила составляет 8 метров 30 сантиметров = 27 футов 3 дюйма над уровнем моря. Таким образом, очевидно, что если песок убрать, то поверхность глины образует большой канал, через который могла бы протекать река. Эта впадина в земле заканчивается в ложе Ин-Тепе-Асмака. Таким образом, можно с очень большой долей вероятности считать, что в то время, когда холмики речного песка у Кум-Кее и гробницы Ила не мешали еще течению древнего Скамандра, воды его текли на север и вливались через современное русло Ин-Тепе в море. Наступление песка заставило реку пробить себе новое русло на запад. Этот вывод тем более вероятен, поскольку общий уровень большой долины к западу от Ин-Тепе-Асмака выше, чем поверхность песчаной впадины.

Если во время Троянской войны основное течение Скамандра занимало большое русло, которое все еще несет его воды во время периодов наводнения, то описанное только что изменение могло произойти вскоре после нее. Это, видимо, убедительно доказывается словом «Стомалимна» (пруд у устья), используемым Страбоном, поскольку это слово показывает, что устье реки было в Стомалимне во времена этого географа или, по крайней мере, во время Деметрия из Скепсиса (около 180 до н. э.).

Ниже гробницы Ила древний Скамандр течет между очень высокими вертикальными берегами, которые говорят о том, что русло сформировалось сравнительно недавно. У деревянного моста над Стомалимной высота долины составляет не более 2 метров 77 сантиметров = 8 футов 10 дюймов; ширина древнего Скамандра здесь равняется 45 метрам = 147 футам 8 дюймам.

*Стомалимна* представляет собою пруд длиной около 800 метров = 2625 футов и шириной в среднем 200–300 метров = от 656 до 984 футов. В этот пруд втекают воды Калифатли-Асмака, который следует отождествлять с древним Скамандром. Этот пруд узким каналом связан с Геллеспонтom; вода в нем солоноватая. Суглинок долины доходит справа от пруда до моря и выходит на него вертикальным берегом. Слева от пруда – то есть на западной стороне – суглинок заканчивается примерно в 300 метрах = 984 футах от морского берега; следующее за этим пространство образует треугольный перешеек, который заканчивается у

канала *Стомалимны*. Этот перешеек представляет собой волнистую песчаную насыпь, ямы или пустоты в которой находятся на 50 сантиметров = 1 фут 8 дюймов выше уровня моря, в то время как его выступы распространяются от 1 до 2 метров = 3 фута 4 дюйма до 6 футов 7 дюймов над уровнем моря. Я выкопал в одной из этих впадин яму глубиной 1 метр = 3 фута 4 дюйма и таким образом проник *ниже* уровня моря. Глубина верхнего слоя, состоявшего из серого песка, равнялась всего 2 сантиметрам; далее шел темно-синий песок, смешанный с множеством корней растений; ниже я нашел чистый темно-синий песок, более древний, болотного характера. Эти слои, очевидно, были продуктом речных наносов; они не содержали морских отложений и камней. Место, занимаемое этой волнистой песочной насыпью, очень невелико; почва в ней, видимо, сформировалась тем же образом, что и наносы в Кум-Кале, но, очевидно, она не может простираться далее в море, поскольку течение Геллеспонта обычно удерживает его в его современных границах. Поскольку яма была выкопана ниже уровня моря, она постепенно заполнилась водой вплоть до этого уровня; вода сначала была замутненной, но вскоре стала чистой и имела едва заметный солоноватый привкус; следовательно, она шла не из моря, а из самой *Стомалимны*.

Профессор Вирхов также утверждает, что он не нашел на Троянской долине ничего, что говорило бы в пользу или морской формации земли, или роста и увеличения долины к Геллеспону. В длинной и ученой работе<sup>222</sup> он доказывает безо всяких сомнений, что гидрография долины Трои должна была быть во времена Плиния и Страбона примерно такой же, как сейчас, и что, когда Плиний<sup>223</sup>, обозревая троянский берег с юга на север, пишет: «Скамандр – судоходная река; на побережье – город Сигей; затем – порт ахейцев, в который втекает Ксанф, соединившийся с Симоентом; сначала Палескамандр [древний Скамандр] образует пруд», он не может при этом иметь под *древним* Скамандром в виду ничего другого, как Ин-Тепе-Асмак; под «Ксанфом, соединившимся с Симоентом» – Калифатли-Асмак, в который в его время, как и теперь, вливался Симоент; а под Скамандром – большую реку близ Сигея.

Профессор Вирхов пишет: «Не может быть сомнений в том, что объем воды, который некогда протекал через русло Калифатли-Асмака, был гораздо больше, чем тот, что теперь течет в нем, даже в период наводнений. Его ложе столь хорошо соответствует большому и могучему потоку, что нынешняя река выглядит лишь как остаток прежнего богатства. Там, где раньше текла вода, теперь широкие склоны песчаных насыпей, поросших кустарником, среди которых порой видны глубоко врезаемые извилистые линии побережья. То тут, то там все еще встречаются глубокие бухты, происхождение которых нельзя объяснить исходя из современного течения. Во многих местах, особенно на левом берегу, мы видим ряды песчаных холмов, которые некогда, видимо, были образованы наносами; теперь они так высоки, что даже до их подножий никогда не достигает вода. Общие истоки Асмака в болоте Дуден, рядом с Акши-Кеем, недостаточно изобильны, чтобы наполнить большую реку. Теперь в области слияния Фимбрия и далее вниз широкие и по большей части сухие русла отходят от Скамандра, доходя до Калифатли-Асмака рядом с этими истоками, и даже теперь, когда вода высока, в них поступает выступающая из берегов вода Скамандра. Но даже этих лишь временных течений недостаточно, чтобы сделать Калифатли-Асмак таким бурным потоком, каким он должен был некогда быть, о чем свидетельствуют его берега. Это может случиться опять, только если основную массу воды Скамандра вновь направить в это русло. Происходило ли это когда-либо? Взгляд на карту Спрэтта действительно показывает, что основное «зимнее русло», которое ведет от места слияния Фимбрия с Калифатли-Асмаком, является прямым продолжением Скамандра, так, как эта река продолжает свое течение, обойдя Бали-Даг, и входит в долину. Если линию русла реки, которое направлено здесь почти прямо к

<sup>222</sup> Virchow R. Beiträge zur Landeskunde der Troas. S. 124–140.

<sup>223</sup> Плиний. Естественная история. V. 33.

северу, продолжить, то она по прямой линии идет к источникам в Дудене. Таким образом, более вероятно, что некогда Скамандр тек именно так и что Калифатли-Асмак представляет собою дальнейшее течение Скамандра в то время. Позднее он мог переместить свое русло из-за собственных аллювиальных наносов и мог пробить себе новое русло далее к западу через долину».

Далее<sup>224</sup> профессор Вирхов полагает вполне доказанным, что прямо под Кум-Кеем древний Скамандр (в русле Калифатли-Асмака) поворачивал к востоку и затем вливался в Геллеспонт через русло Ин-Тепе-Асмака на восточной стороне долины, рядом с мысом Ретий. Он полагает, что глубокая песчаная впадина, обнаруженная месье Бюрнуфом под Кум-Кеем, между Калифатли и Ин-Тепе-Асмаком, отмечает древнее русло Скамандра. Он считает, что такая связь тем более вероятна, что Ин-Тепе-Асмак имеет слишком широкое и глубокое русло, чтобы полагать, что его мог сформировать северный рукав Симоента, который является совершенно ничтожной речушкой. Эта речушка могла течь дальше в Ин-Тепе-Асмак, возможно, в то время, когда сообщение между древним Скамандром (Калифатли-Асмак) и Ин-Тепе-Асмаком уже закрылось, однако, скорее всего, она никогда не была достаточно сильна, чтобы произвести русло последнего. Профессор Вирхов добавляет<sup>225</sup>: «Калифатли, в той части своего течения, которое простирается от области между Гиссарлыком и Калифатли до соединения с Симоентом, имеет настолько широкое русло, что оно ничуть не уступает современному руслу самого Скамандра, и ни одна другая река в Троаде даже близко не стоит к нему, и *этот факт упустили из виду практически все критики*».

Далее профессор Вирхов<sup>226</sup> пишет: «Говоря о речных наносах на долине, Макларен<sup>227</sup> выдвинул важный аргумент. Он исходит из замеров глубины лотом, которые были сделаны в Геллеспонте английским адмиралтейством; они показаны на карте адмиралтейства. Следуя им, он провел вдоль берега Геллеспонта три кривых, которые связывают вместе глубины в 1, 2 и 3 фатома<sup>228\*</sup> соответственно. Эти линии не параллельны берегу, однако они почти соединяются с руслом Скамандра; они отступают от берега перед *Стомалимной* и еще больше – перед Ин-Тепе-Асмаком и опять сближаются вместе с берегами у перешейка вблизи Ретия. Кроме того, есть разница в форме побережья, которую дают кривые в 1 и 2 фатома; то есть они изгибаются внутрь к югу, в то время как линия в 3 фатома образует кривую, которая с севера изгибается к Геллеспонту, и простирается гораздо дальше берега и перешейка. Непосредственно за ней глубина воды составляет 10, 12, 16 и 19 фатомов. Макларен делает из этого вывод, что: массы речных наносов, которые подняли дно Геллеспонта, не могли быть произведены современным Скамандром, но должны быть отнесены к тому времени, когда река текла сначала через Ин-Тепе-Асмак, а потом – через *Стомалимну*; что Геллеспонт, чье течение имеет скорость 2 мили в час, несет свои собственные наносы и большую часть наносов Скамандра в Эгейское море, однако противотечение вдоль троянского берега, которое иногда, особенно при западном и юго-западном ветре, бывает очень сильным, распределяет некоторое количество этого материала вдоль берега до самого Ретия; и что, если бы устье Скамандра всегда находилось там, где сейчас, линии глубин были бы параллельны линии берега. На это можно отметить, что мы не можем немедленно принять предположение Макларена, согласно которому глубина Геллеспонта некогда была почти столь же велика у берега, как и в середине пролива, и что современная разница в глубине вызвана просто отложениями наносов. С другой стороны, у нас есть некоторые надеж-

<sup>224</sup> Virchow R. Beiträge zur Landeskunde der Troas. S. 136, 137, 170.

<sup>225</sup> Ibid. S. 138.

<sup>226</sup> Ibid. S. 143 ff.

<sup>227</sup> Maclaren Ch. The Plain of Troy described. P. 46.

<sup>228\*</sup> Ф а т о м – морская сажень; равна 6 футам, или 182 сантиметрам.

ные указания, которые показывают как наличие отложений, так и их направление. Среди этих указаний я считаю нужным назвать следующие: 1) песчаный нанос перед устьем Ин-Тепе-Асмак, который имеет точно то же направление, что и течение Геллеспонта, поскольку он с восточной стороны соединяется с Ретием и далее идет оттуда на значительное расстояние на запад; 2) песчаные наносы у устья Скамандра; 3) песчаная долина, которая выдается в Геллеспонт, на которой расположено Кум-Кале и которая простирается в юго-западном направлении к подножию кургана Ахилла. Мне представляется, что эти факты доказывают не только существование значительных речных наносов, но и то, что их формирование было обусловлено восточным потоком. Если бы они зависели в основном от западного или юго-западного противотечения, то не было бы ни перешейка у Кум-Кале, ни песчаного наноса Ин-Тепе-Асмака. Здесь следует упомянуть еще об одном обстоятельстве, которое не следует недооценивать, а именно направление и силу ветра. Я могу привести два наблюдения, которые я считаю достаточно достоверными. Одно из них касается движения песка в цитадели Кум-Кале, которое доказывает преобладание восточного или северо-восточного направления ветра, в соответствии с направлением и течением Геллеспонта. Другое – положение деревьев на Ретии и в нижней части долины. Стволы всех этих деревьев (дубов крупночешуйчатых) одинаково наклонены к западо-юго-западу. Это соответствует утверждению Макларена, что ветер, который раньше назывался *Ventus Hellespontinus*, дует вдоль Геллеспонта по меньшей мере десять месяцев в году. Это направление ветра достаточно объясняет, почему песок несет вдоль берега в западном направлении и почему с течением времени он все больше собирался под и перед Сигеем, так что сформировался перешеек в Кум-Кале. Таким образом, прибрежное болото, как таковое, остается защищенным против скопления песка, если только (как в *Стомалимне*) само море не смывает часть заболоченной земли. Действительно, мои исследования в *Стомалимне* показали, что здесь не только нет наносов, но что скорее *болотистая почва смывается*, и ее частично заменяет морской песок, однако дюны при этом не образуются. Это смывание происходит на западной стороне *Стомалимны*; оно свидетельствует о мощном действии воды в направлении течения Геллеспонта. Таким образом, я должен признать, что аргументы Макларена не столь уж бесполезны, как может показаться. Если оказывается, что, несмотря на силу восточного течения воды и ветра, линия в 3 фатома перед Ин-Тепе-Асмаком идет по выпуклой кривой далеко в Геллеспонт, и действительно, даже далеко за перешеек у Ретия, это решительно говорит в пользу той точки зрения, что все это большое количество наносов было некогда принесено Ин-Тепе-Асмаком и, возможно, также течением *Стомалимны*, принимая при этом, конечно, во внимание подъем дна Геллеспонта, вызванный песками и другими наносами. Это не доказано, но возможно. Но ни в коем случае я не соглашусь с тем, что этот подъем мог быть вызван отложениями воды Геллеспонта, которая идет с Пропонтиды. Таким образом, хотя я не сомневаюсь в том, что существование скопления песка у побережья можно считать доказанным, а на некотором расстоянии от побережья в самом Геллеспонте – возможным, я все-таки немного могу на этом основании сказать о формировании прибрежной линии. Действительно, Страбон весьма уверенно говорит<sup>229</sup>: «Симоент и Скамандр, сливаясь на долине, несут с собой много ила, заносят им побережье, образуя «слепое устье», лиманы и топи». Однако нигде на побережье нельзя доказать, что почва поднимается из-за настоящего ила (#λύς), кроме как в самом Ин-Тепе-Асмаке, а именно в верхней его части. Ил, который достигает Геллеспонта, очень быстро очищается от своих глинистых ингредиентов; оставшееся – чистый песок-пльвун. Этот песок может менять или заполнять устья рек и может, таким образом, запрудить воду; но, за исключением перешейка в Кум-Кале, он нигде не оказывает непосредственного влияния на рост береговой земли, по крайней мере, пока существуют прибрежные

<sup>229</sup> Страбон. XIII. С. 595.

болота. Таким образом, чтобы, стоя на твердой почве, обсуждать вопрос о наносных формациях, нам представилось необходимым обследовать почву самой долины во многих местах».

Профессор Вирхов<sup>230</sup> начал свои исследования, выкопав несколько ям; первую справа от моста, который пересекает Калифатли-Асмак близ Гиссарлыка. На глубине 1,25 метра он обнаружил весьма компактную черную почву, а под ней – грубый песок, среди которого выделялись небольшие кусочки кварца, лепестки слюды, черные зерна и более грубые фрагменты скалы. Остатков раковин не было. Он выкопал вторую яму на плоском, похожем на дюну холме на левом берегу Калифатли-Асмака близ Кум-Кея, там, где находится турецкое кладбище. Здесь на глубине 2 метров он не нашел ничего, кроме грубого темного песка, состоявшего в основном из угловатых зерен кварца, смешанного со слюдой, и нескольких более грубых, но сглаженных скальных камней; никаких следов ракушек. Он выкопал третью яму неподалеку от дороги на Кум-Кале, там, где кончается зона распространения крупночешуйчатых дубов и начинается прибрежное болото, как таковое. Здесь на глубине 1 метра он нашел очень жирную темную глину, из которой состоят также берега Калифатли-Асмака. Он выкопал четвертую яму в сухом заросшем русле Ин-Тепе-Асмака, близ небольшого перешейка на юго-западном конце Ретия. Здесь он нашел ту же компактную липкую черную землю на глубине 1 метра 10 сантиметров; в ней не было камней, зато нашлось большое количество закругленных кусков обожженного кирпича. Он выкопал пятую яму глубиной 1 метр к западу от Калифатли в засыпанном рукаве Скамандра. Почва здесь состояла из мелкого песка близ поверхности и из грубого песка ниже; последний был смешан с мелким глинистым песком и небольшими зернами кварца, отчасти закругленными и отчасти угловатыми, а также большими лепестками слюды и грубыми камушками, по большей части угловатыми, однако закругленными по углам. *Ни в одной* из этих ям не было найдено никаких следов морской формации. Профессор Вирхов взял образцы песка из всех этих ям и, проанализировав их в Берлине, обнаружил, что они все состоят из кварценосного сиенита. Это, по его мнению, решает вопрос о происхождении наносных слоев на долине, ибо Скамандр протекает над Эвджиларом через широкую зону сиенита, который находится в процессе дезинтеграции<sup>231</sup>. Подобный же регион, также орошаемый Скамандром, находится в северо-восточной части Чигри-Дага. Следовательно, наносы на долине Трои по сути являются продуктом высоких гор, в особенности Иды. В период наводнения Скамандр уносит не только первичные продукты дезинтеграции сиенита, но, возможно, и большая часть ила, который река приносит на нижнюю долину, происходит из более старых отложений на верхней долине между Ине и Байрамичем. Здесь Скамандр и его многочисленные притоки постоянно отрывают и уносят все новые и новые части берегов. Его вода, которая у истоков совершенно чиста и которая у Эвджилара все еще не показывает никакой замутненности, в нижней части долины становится мутной и желтоватой, так что название Ксанф здесь вполне уместно. Таким образом, это изменение в его виде происходит, когда река протекает через верхнюю долину, и взвесь, которая придает реке мутный вид, принадлежит в основном только что растворенным массам очень древних наносов, которые образовались в верхней долине в то время, когда она еще была озером. Если таким образом доказано, что наносная почва нижней долины происходит в основном от сиенита, то немедленно исчезает всякая возможность приписать другим рекам и ручьям какую-либо решающую роль в переносе наносных отложений. Ни Бунарбаши-Су, ни Кемар-Су, ни Калифатли-Асмак нельзя при этом принимать во внимание, если только они фактически не могут иногда случайно сдвинуть наносы, уже принесенные Скамандром. Особенно важен тот факт, что отложения всех Асмаков – Калифатли-Асмака, древнего русла Скамандра к западу от Калифатли, и в особенно-

<sup>230</sup> Virchow R. Beiträge zur Landeskunde der Troas. S. 146–154.

<sup>231</sup> См.: Tchihatcheff. Loc. cit. t. I. P. 359.

сти Ин-Тепе-Асмака – происходят с высоких гор. Материал с Улу-Дага, такой, как переносит Симоент, не мог заполнить Ин-Тепе-Асмак; примесь сиенита в глине, которую я взял из древнего русла этого Асмака, теперь заполненного, со всей определенностью указывает, что оно было покрыто илом из Скамандра. Долина Калифатли-Асмака также содержит под более поздним слоем отложений мелкого глинистого песка тот же грубый песок, который теперь, как и раньше, один Скамандр приносит с высоких гор. Даже зыбучий песок *Стомалимны*, хотя и намного более мелкий, отнюдь не морского происхождения, не считая примеси раковин; во всем остальном этот песок – такой же сиенит, как и песок на долине, речной песок, который реки выносят в Геллеспонт, но который бросает в них земля<sup>232</sup>.

---

<sup>232</sup> *Mauduit*. Découvertes dans la Troade. Paris et Jonovres, 1840. P. 136.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.